

КРОВЬ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

ЗАМИЛЬ АХТАР

fanzon

Замиль Ахтар

Кровь завоевателя

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70241776
Кровь завоевателя / Замиль Ахтар: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-191450-9

Аннотация

Две некогда лучшие подруги, связанные общей тайной, начинают борьбу за власть. Они угрожают залить кровью королевство Аланья и погубить множество жизней, что нашли здесь новый дом, – веселых джинов, призрачных воинов, ангелов, поэтов и философов, симургов и коварных шейхов. А древние боги лишь смеются в ожидании массового человеческого жертвоприношения.

И когда начнется война, каждому придется выбирать свою сторону.

Содержание

1. Сира	7
2. Зедра	38
3. Сира	60
4. Зедра	83
5. Сира	112
6. Зедра	138
7. Сира	148
8. Зедра	156
9. Сира	161
10. Зедра	186
Конец ознакомительного фрагмента.	194

Замиль Ахтар

Кровь завоевателя

Zamil Akhtar

CONQUEROR`S BLOOD

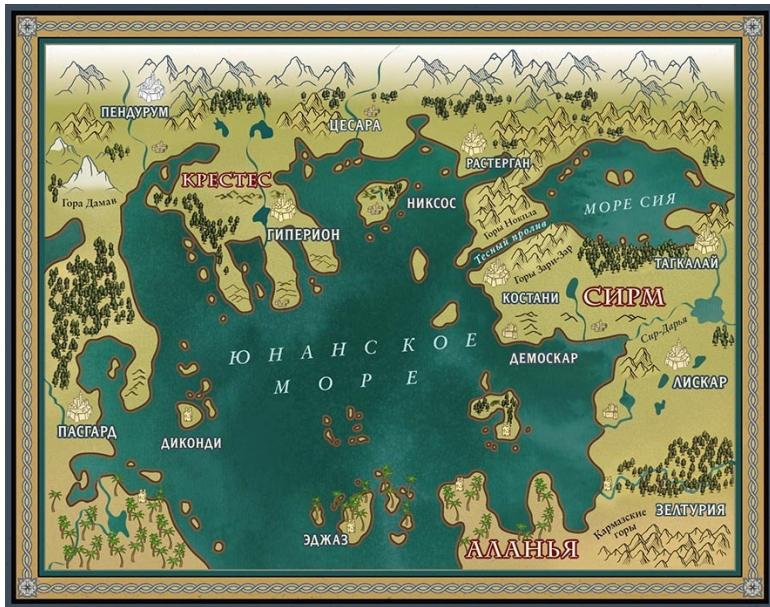
© Zamil Akhtar CONQUEROR`S BLOOD. 2021. Fanzon
Publishers An imprint of Eksmo Publishing House

© Р. Сториков, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Памяти моего старшего брата Джона,
который открыл для меня мир фэнтези и
вдохновлял всех, кто находится рядом с ним,
тянуться к звездам*

1. Сира

В племенах из пустыни говорят, что еще до начала времен родился джинн с одиннадцатью огненными рогами, взобрался на кольцо седьмого неба и, преисполнившись загадочной первобытной яростью, швырнул на землю тысячу и одну жемчужину. Тысяча жемчужин сгорела по пути к земле и превратилась в звезды, до сих пор сияющие на небосклоне. Лишь одна жемчужина упала, и из нее возник город Кандбаджар.

И сейчас этот город осадил мой брат. С высокого дворцового балкона я смотрела по другую сторону окружающих город желтых стен, на разноцветные юрты, усеивающие пустыню, поросшую редким кустарником. Думаю, кандбаджарским летом осаждающим было жарковато в юртах – под палящим солнцем те превратились в печки. Пастбища у реки и ее протоков, хотя и плодородные, не могли прокормить десятки тысяч боевых коней, которых воины привели с собой. Но это их не остановило. Мало что могло остановить воинов-силгизов, когда они нацеливали свои стрелы, пусть даже эта мишень – столица самого богатого и могущественного царства на востоке.

Как и у Кандбаджара, мое происхождение тоже окружено легендами. Все началось с того, что мы с братом теснились в юрте, укрывшись колючим, побитым молюю одеялом. Я поз-

волила брату доесть последние куски конины, зная, что отец будет оплакивать его смерть горше, чем мою. Ведь он – наследник рода каганов, берущего начало еще во времена Темура, а я – нескладная дочь; и теперь у меня болел живот от протухшего бульона, который я съела вместо мяса. Мы держались за руки и изо всех сил сопротивлялись жуткой зиме Пустоши. Потом мы прижались друг к другу, и его костлявое колено уперлось мне в живот, усиливая боль. Тем не менее я была рада любому теплу, поскольку все тело одеревенело от холода.

Ветер с завыванием обрушивался на все восемь стен, и вскоре моему брату придется выйти, чтобы вбить колья покрепче, иначе юрту снесет. Правда, накануне он чуть не отморозил пальцы ног, его спасли только последние угольки в жаровне. И чтобы уберечь нас вместе с младшим братиком, лежащим в костяной колыбели, я закрыла глаза и молилась.

Воспоминания меня взбудоражили. Неужели я и впрямь так жила до того, как оказалась в настоящем раю – Кандбаджаре?

– Сегодня неподходящее время для воспоминаний, – толковывал мне шах Тамаз час назад в тронном зале. – Ты как мост из песчаника, соединяющий нас с силгизами, – сказал он, как всегда, с широкой добродушной улыбкой на лице, сидя с прямой спиной на золотой оттоманке.

Я поклонилась и ответила:

– Скорее я... заброшенный на восемь лет мост, потому

что казначею плевать на людей, живущих по ту сторону... Но я поняла, о чем вы, ваше величество.

Я доехала в экипаже до городских ворот. Как я и просила, там меня ожидала боевая лошадь. Седло было из овчины, с тонкими, как проволока, железными стремянами. Я погладила лошадь по голове, та фыркнула и взбрыкнула. Это была типичная кобыла из Пустоши – чуть крупнее пони, со стройными ногами и легкими копытами, едва приминавшими траву. В этом городе, в окружении мраморных дворцов, мощеных улиц и огромных глинобитных домов, она смотрелась инородным телом. Но если я буду скакать на такой лошади, силгизы, возможно, признают меня за свою.

Сверкающие золотом воины-гулямы, стоявшие на страже, подняли решетку ворот, и я галопом помчалась к лагерю силгизов. Я научилась этому раньше, чем ходить, как говорится в легендах, хотя я уже много лет не ездила верхом. Судя по тому, как стремительно я неслась против ветра и как естественно чувствовала себя в высоком седле, я готова была в это поверить.

Пока я скакала к морю юрт, меня разглядывали силгизы. В среднем они были ниже аланийцев ростом. Они ухаживали за кобылами и пили их молоко, в то время как аланийцы пили молоко верблюдов, некоторые из которых были размером со слона. Мне кажется, в Кандбаджаре я немного подросла, хотя мне уже исполнилось пятнадцать, когда я прибыла в город.

Вокруг меня люди таскали воду в бурдюках из лошадиных шкур, а другие закаляли сталь над жаровнями, и лязг их молотков сливался в идеальный ритм с гортанным и резким силгизским языком. Овцы, козы, коровы и верблюды жевали фрукты, зерно и даже камыши, растущие вдоль каналов, змеящихся из реки Вограс. Я представила, что последует за этим пиром: холод, обглоданные кости и отчаяние.

Крепкие, хотя и невысокие мужчины с аркебузами в руках охраняли внушительную, залитую солнцем юрту в центре лагеря. Я спешила, смахнула пыль с шелкового кафтана и поправила шляпу с плюмажем. В голове пронесся миллион мыслей: кто ждет меня в юрте? Что они обо мне подумают? И самое главное – скажут ли, чего хотят?

– Меня зовут Сира, я дочь кагана Ямара, – сказала я по-силгизски узкоглазому стражу с похожими на крылья усами. Я не узнала его – племя сильно увеличилось с тех пор, как меня забрали, и большая часть лиц была мне незнакома. – Я пришла на переговоры от имени Селуков Аланьи и его величества шаха Тамаза Аланийского.

Он поднял голову, посмотрев на меня, и жестом пригласил войти через полог юрты.

Внутри все было в простом силгизском стиле. В центре заполненный льдом очаг едва спасал от зноя. Вокруг него на одеялах из овчины сидели мужчины и женщины и передавали по кругу трубку, выдолбленную из ветки. В воздухе висела густая вонь опиума. В наших ритуалах использовались

грибы и опиум, чтобы заглянуть за Врата в то царство, где ждут Просвещенные.

С помоста в дальнем углу на меня смотрело знакомое лицо. Теплые и желтые, как у волка, глаза. После восьми лет разлуки брат казался одновременно и незнакомцем и мальчишкой, которого я так хорошо знала. В моих глазах проступили слезы, я с трудом их удерживала. Мне так хотелось его обнять. Хотелось зарыдать в его объятиях, расспросить про отца, маму и малыша Бетиля. Но брат встал и бросил на меня холодный взгляд сверху вниз.

– Джихан, – сказала я.

– Сира, – отозвался он таким тоном, словно мое имя обожгло ему желудок.

Когда он приблизился, я задрожала. Он опустил тяжелую руку мне на плечо и притянул к себе. Мы наконец обнялись, я коснулась его груди и больше не могла сдерживать слезы. Когда мы расстались, брат был тощий, как коза, а теперь, похоже, мог бы разорвать козу голыми руками. На меня нахлынули воспоминания, наполненные теплом и холодом.

– Это правда, что... отец погиб, убегая с поля боя со стрелой в спине? – спросила я.

В тот день аланийцы устроили праздник, избавившись от занозы в заднице, хотя на ее месте уже возникла другая.

Джихан сжал мне щеки, изучая лицо, как будто моя внешность удивила его не меньше, чем его внешность меня.

– Аланийцы и йотриды лгут. Отец пал с честью. Стрела

и правда вошла ему в спину, но он отступал, только чтобы заманить врага в ловушку. С тех пор матушка не поднимается с постели, и, как мне сказали, душа уже покинет ее тело к моему возвращению. А малыш Бетиль... Хотел бы я рассказать что-нибудь более обнадеживающее, но он подхватил оспу и вернулся к Лат.

Я задохнулась от горя и рыданий. Бетиль тоже умер? Матушка прикована к постели? Мне хотелось расспросить и о других – тетушках, дядьях и кузенах, – но какое это теперь имело значение? Для меня они все равно что мертвы, ведь я никогда их больше не увижу. Однако теперь передо мной стоял брат, вдвое шире в плечах, чем в моих воспоминаниях. Зрелый мужчина. Каган, как и наш отец. И осаждает город, в котором я была заложницей восемь лет.

– Почему ты здесь? – спросила я, борясь со слезами.

Хотя мы обнялись и разговаривали о родных, между нами все еще стояла стена холода, а шах просил меня поспешить и оставить воспоминания на потом.

– Дорогая сестра, думаю, ты сама прекрасно знаешь, какие преступления совершили против нашего племени, против силгизов те, кто тебя захватил.

– Но шах Тамаз заверил меня, что не опустошает земли силгизов.

– Не опустошает?

Джихан хмыкнул и покачал головой.

Собравшиеся в юрте засмеялись, по-прежнему передавая

по кругу трубку. И тут я узнала того, кто смеялся громче всех – Гокберк, мой жестокий кузен, который однажды сломал щенку шею ногой ради забавы. Теперь его щеку пересекал шрам, и в бороде зияла прореха. А еще он лишился уха.

– Мы больше не овцы, которых можно доить, стричь и резать, как было при нашем отце, – сказал Джихан.

Конечно, я слышала о битвах, которые выиграл мой брат, о захваченных им землях. При нем силгизы процветали, но набраться смелости, чтобы осадить Кандбаджар, жемчужину в короне Аланы...

– О каких преступлениях ты говоришь? – спросила я.

Лысый здоровяк схватил мешок и протянул моему брату. А тот высыпал на пол содержимое. К моим ногам покатались головы. Головы!

По моей лодыжке скользнуло изуродованное, наполовину разложившееся лицо. Над глазом выпирал острый скол. Из черепа выполз червь. Я попятилась к выходу и чуть не сбегала, но все же вовремя остановилась.

– Вот так шах Тамаз заплатил трем нашим всадникам, которых мы послали торговать специями и мехами, – сказал Джихан.

– Не может такого быть! – я затрясла головой и постаралась не дышать, чтобы не нюхать трупную вонь. – Шах – порядочный человек. Добрый латианин. Он не стал бы убивать без причины.

Джихан протянул мне пергамент. На восковой печати вид-

нелся аланийский симург – эмблема шаха.

«Расплата за ваши грехи» – вот и все, что было там написано на парамейском. С превосходными завитками на концах букв и четким, уверенным почерком. Работа личного писца шаха или хорошая имитация.

– Разумеется, это фальшивка, – сказала я, проглотив поднимающуюся из желудка рвоту. – Я восемь лет прожила под защитой шаха. Он не станет платить грехом за грех. Головами за головы.

К щекам Джихана прилила кровь, и на них образовались ямочки. Когда-то я подшучивала над ним за то, что в гневе он становится таким красавчиком. Но сейчас на меня сурово смотрел грозный воин, а вовсе не красавчик.

– Эти люди не согрешили, – сказал он. – Даже заявлять об этом...

– Я не хотела сказать ничего такого! – Я взяла его мозолистые ладони, вспомнив, что в Пустоши следует следить за словами, в отличие от Аланьи, где можно говорить что вздумается. – Ты пришел сюда отомстить, я поняла.

– Нет, не отомстить. У каждого из них есть жены и дети, которые теперь плачут в ночи. Думаешь, я хотел идти сюда? Я пришел, чтобы эти рыдания смолкли, а заглушить их может только одно – справедливость.

– Понимаю. Но ты должен мне поверить. Шах Тамаз – хороший человек. Он не мог бы приказать такое. Это обман.

Он засопел, а потом медленно кивнул. А когда снова по-

смотрел на меня, то как будто видел что-то другое – быть может, воспоминания.

– Увидев тебя, я перенесся в счастливые времена. Более простые времена – например, когда отец поймал красную белку, а ты захотела оставить ее как домашнее животное, вместо того чтобы освежевать и съесть.

Он хихикнул. В то благодатное время казалось, что у нас никогда не будет в недостатке кроликов, яков и коз, а в особенности лошадей. Однако через десять лун засухи все изменилось.

Джихан потерял бороду.

– Услышав, что они послали тебя, я опасался самого худшего. Боялся увидеть девушку без зубов и с тонкими, как тростинки, запястьями. Но ты... Такая загорелая, и с этими кудрявыми волосами ты выглядишь как аланийка, в хорошем смысле. С тобой обращались достойно, и поэтому я дам им время объяснить вот это, – он указал на разлагающиеся головы.

За спиной раздалось сопение. Гокберк сердито уставился на меня, неодобрительно выпятив верхнюю губу.

Проигнорировав его, я кивнула, обрадовавшись, что заложила первый камень в мост между двумя сторонами.

– Спасибо, Джихан. Я всегда улыбалась, когда до меня доходили новости о твоей победе в сражении. И все же это казалось каким-то ненастоящим, как будто в битве победил какой-то другой Джихан. А теперь... увидев тебя... я нако-

нец-то начала понимать.

Его смешок перерос в меланхолический вздох.

– Скажи, Сира, ты здесь счастлива, среди этих песков, глины и грязи?

На меня нахлынули воспоминания, как мы с Джиханом грызли кость, клая зубы от голода.

– Я довольна, – ответила я. – И благодарна. Шах Тамаз обращается со мной как с дочерью. Я не могу просить большего.

Но это было не совсем так. Я всегда желала большего. Однако мой брат не мог дать мне того, что я желала.

Когда я подошла к пологу, выход преградил воин с широким брюхом.

– Пусть Тамаз и обращается с тобой как с дочерью, но он тебе не отец, – сказал Джихан. – Здесь, в юрте, ты опять оказалась в Бескрайней пустоши. Мы привезли ее с собой. И все же... ты уходишь. Обратно к своим тюремщикам. К врагам.

Осознав, о чем он говорит, я замерла. По моей спине пробежал зимний холод Пустоши.

– Если ты не выпустишь меня, жди беды. Шах Тамаз предположит самое худшее.

Я повернулась к Джихану, чтобы он увидел мольбу в моих глазах.

– Быть может, я пришел именно по этой причине, сестренка. Чтобы забрать тебя. Мы поскачем обратно в Бескрайность, забыв об этой стране лжи и жестокости. – Обитаю-

щие в Бескрайней пустоши племени предпочитали называть ее Бескрайность, а другие сокращали до Пустоши. – Но я не стану этого делать против твоей воли. Если мы заберем тебя, это будет достаточной компенсацией за отрезанные головы. – Он помедлил, вглядываясь в меня, словно пытался увидеть истину за маской, которую я натянула. – Что скажешь? Ты готова вернуться домой?

Я отвернулась, подошла к пологу и сказала:

– Теперь мой дом – Кандбаджар.

Я вернулась за стены Песчаного дворца, где гулямы в сверкающих бронзовых и золоченых доспехах окружали шаха Тамаза, хотя я не смогла опознать его наверняка. Два его долговязых двойника были в таких же бурых кафтанах и тонких кольчугах, и оба слегка наклоняли головы вправо. Даже проседь в волосах у них была в точности такого же оттенка, и они подражали его прихрамывающей походке.

Но голос так просто не повторить. Когда Тамаз заговорил, мои уши и щеки словно обдало густым сиропом.

– Что он сказал?

Настоящий Тамаз не терял времени даром, спеша ко мне вместе с гулямами, которые окружили нас стеной оружия. Оказалось, что он надел золотистые доспехи гуляма, и сквозь прорези шлема видны были только карие глаза.

– Ваше величество.

Я склонила голову и прошептала ему на ухо обо всем, что произошло, чтобы никто не подслушал.

– Предлог для атаки? – сказал он, распахнув глаза.

Я покачала головой:

– Не думаю, что мой брат стал бы лгать.

– Но кто устроил такое зверство?

– Если мы докажем, что не имели отношения к этим убийствам, думаю, Джихан уйдет.

Шах Тамаз встревоженно зашептал мне на ухо:

– Кто бы это ни сделал, время выбрано идеально. Всего через неделю после того как я отправил большую часть гулямов отбить прибрежные крепости, и город оказался почти без защиты. Но в любом случае, ты хорошо справилась. Предоставь остальное мне, милая.

Я кивнула и пошла к дворцу, сверкающему в лучах заходящего солнца как золотой песок. Прежде чем я успела отойти достаточно далеко, шах сказал:

– Похоже, брат до сих пор тебе доверяет. Будь готова, ты вскоре опять мне понадобишься.

Ступив на шелковый ковер дворцового коридора, я пожелилась. При мысли о тех гниющих головах мне хотелось принять ванну. Я поднялась по винтовой лестнице в крыло гарема и вежливым кивком поприветствовала евнухов с заплетенными в косы волосами, охранявших купальню. Оказавшись внутри, среди голубых плиток с узором в виде звезд, я разделась и вошла в парную. Этим утром там было многолюдно: несколько евнухов занимались своими обязанностями, а группа наложниц купалась.

Я села, прислонившись к влажной стене, и жаркий пар успокоил мое нутро. То погружаясь в дремоту, то выныривая из нее, я купалась в печальных воспоминаниях.

Отец погиб. Бетиль умер. Мама на грани смерти. С горя мне хотелось украсть самую быструю кашанскую лошадь из скакунов шаха и умчаться в Пустошь, только чтобы подержать маму за руку. Но на самом деле я больше не была ее дочерью. Теперь моей матерью стал этот дворец. Я нуждалась лишь в объятиях его стен.

В тот день, когда нас атаковали йотриды, их каган принудил моего отца к унижительным уступкам, и я вошла в состав дани. Помню жуткое мгновение, когда воины вырвали меня из материнских рук. Йотриды – смертельные враги нашего племени. Они молились тем же святым, что и аланийцы, а мы почитали только Потомков. Лат слышит наши молитвы, потому что Потомки живут под сенью ее трона, а ложные святые поджариваются в адском пламени. Так меня учили, хотя больше я в это не верю.

Каган йотридов, который даже некоторое время жил среди нас и был чуть старше моего брата, подарил меня аланийцам. Хотя меня увезли далеко от дома, в конечном счете все обернулось к лучшему. И вот теперь я сидела в купальне, достойной правительницы всего мира, и мой живот был наполнен. И все же сердце до сих пор щемило по тому, чего меня лишили.

Пар сдавил мне грудь, и я окунулась в теплый водоем в

центре купальни. Я всегда избегала ледяной воды. Когда холод сковывал мне вены, я всегда вспоминала те морозные и голодные дни в землях силгизов. Пока я дрожала при мыслях о том времени, наложницы выходили и входили в купальню. Те, кто не испытывал ко мне ненависти, вежливо улыбались и приветствовали. А другие тщательно избегали моего взгляда. Подумать только, после всего, через что я прошла, я оказалась здесь.

Вошла Зедра. Она сняла с волос полотенце и присоединилась ко мне в воде, черные кудри упали ей на грудь. Я встала и с улыбкой пробормотала приветствие, надеясь, что не обижу ее своей рассеянностью, хотя она всегда была добра ко мне. Как и ко всем.

– Я так тебе завидую, – сказала она, хихикнув. Раскрасневшиеся щеки явно намекали на то, что она выпила. – Теперь ты посол. Нет, Великий визирь!

– Ничего подобного. Просто стоящий во главе орды человек случайно оказался моим кровным братом.

– В тебе течет кровь завоевателей, – сказала она. – Еще одна причина для зависти.

– У тебя нет ни единой причины мне завидовать.

– Да ты еще и скромница, опять причина для зависти.

– Прекрати.

Я плеснула водой ей в лицо. Она приняла это с улыбкой, даже не вздрогнув. Когда она только приехала во дворец, всего год назад, то не купалась. Она отказалась залезать в ку-

пальню, несмотря на мольбы евнухов, а вместо этого сидела на полу и поливала голову из ведра. Как объяснила Зедра, именно так моются в Вогресе, откуда она родом, однако наложницы из Вограса так не делали. Иногда я замечала, как она будто в трансе смотрит на воду в купальне. Странная девушка, это еще мягко сказано.

Хотя по закону я была свободна, а Зедра рабыня, ее статус был выше моего. В конце концов, она возлюбленная наследного принца, которого народ уважал не меньше, чем его отца, шаха Тамаза. К тому же из всех наложниц одна только Зедра подарила ему сына.

Евнухи в бордовых халатах поменяли благовония в расставленных по углам курильницах. От них растекался пряный аромат с нотками алоэ и мускуса.

– Каково это – увидеть брата после стольких лет разлуки?

Да, каково это? Меня словно ударили молотом, затоптала орда или обнял медведь, но я пыталась найти более подходящие слова.

– Он выглядел как мой брат... и в то же время не так. Как мальчик, которого я хорошо знала, и одновременно с этим абсолютный незнакомец.

Зедра кивнула:

– Время и расстояние превращают людей в незнакомцев, но кровные узы останутся навеки. Уверена, он чувствует то же самое по отношению к тебе. – Для девятнадцатилетней девушки она была мудра не по годам. Ее лицо напряглось. –

Так скажи. Что теперь будет? Следует ли нам волноваться?

Я не заметила бомбард в лагере Джихана, а значит, им будет не просто проломить стены. Если до этого дойдет, можно вернуть отправленных на запад гулямов, и те разберутся с захватчиками. Но, как бы я ни пыталась приободриться, по коже все равно бежали мурашки страха, мне не хотелось вставать между двумя людьми, которых я любила.

– Я думаю, мы порешим дело миром.

Зедра прикусила губу:

– Не можешь приоткрыть завесу, да? О чем же мне сплетничать за ужином?

Я хихикнула:

– Не стоит об этом сплетничать, хорошо?

В Песчаном дворце тайны всегда просачивались наружу, но я доверяла Зедре, а мне нужно было выплеснуть свои тревоги.

Она не проболтается.

– Кто-то обезглавил трех силгизских купцов, подставив шаха Тамаза. Нужно доказать, что он ни при чем.

Она охнула, закрыв рот ладонью, с ее рубиновых колец закапала вода.

– Кто же мог... Кто осмелился это сделать?

Я сказала первое, что пришло в голову:

– Йотриды. В смысле, я не знаю, но у них есть все причины столкнуть нас лбами с силгизами. Их каган Пашанг суров, как стоптанный башмак.

Зедра хихикнула и плеснула в меня водой.

– О Лат, что это еще за сравнение?

От смущения я застыла.

– Так сказала бы моя матушка. Силгизские поговорки ужасно глупые.

Я всегда старалась не подчеркивать, откуда родом. В Аланье не любили мое племя – мы ведь поклонялись Лат другим путем, наш язык грубее, образ жизни и традиции дикарские.

Когда теплая вода меня утомила, мне снова захотелось попариться. Я вылезла и закуталась в полотенце с узором из звезд.

– Давай попозже сходим в город, – предложила Зедра. – Только вдвоем. Здесь что-то стало скучно. Ну, не считая осады и всего такого.

Она засмеялась.

Я в любом случае собиралась в город, у меня были кое-какие планы, поэтому кивнула и пошла в парную с углями.

* * *

Странные вещи творит осада с процветающим городом. Продуктовые базары бурлили от яростных перепалок и отчаяния. Продавцы подняли цены – меры предосторожности на случай, если долгая осада приведет к перебоям в снабжении. Горожане стремились запастись всем, чем только можно: сухофруктами, чанами с колодезной водой, веточками для

чистки зубов, щелоком. Что касается нас с Зедрой, мы ехали вместе в повозке, окруженной конными гулямами, и наблюдали за толпой из окон. Когда мы приблизились к площади Смеха, паническая атмосфера продуктового базара уступила место праздности богачей, стремящихся хорошо провести время.

Выйдя из экипажа, Зебра подняла руки и закружилась, как вограсская танцовщица, – беззаботно и плавно. Вограс, откуда она родом, это гористая часть Пустоши, и она сильно отличается от привычного мира силгизов, йотридов и других равнинных племен, поэтому я не слишком много знала об их обычаях. Странно, что до сегодняшнего дня все это казалось таким неважным. Хотя я многое выяснила о мире с тех пор, как приехала в этот город, обучавшие меня Философы уделяли мало внимания Пустоши, ее племенам и географии.

Сегодня площадь Смеха оправдывала свое название. Перед поэтами, каждый из которых стоял на задрапированном гобеленом помосте, выстроились люди. Шкатулки у ног поэтов ломились от всевозможных монет: в основном аланийских, но я заметила монеты с парящим соколом Кашана, яростным павлином Сирма и даже несколько монет с угловатыми буквами западных земель.

Разумеется, мы с Зедрой сразу прошли вперед, не обращая внимания на сердитые взгляды и топот ног, пока пробирались сквозь толпу. Любимый поэт Зебра, закутанный в зеленый шелк так, что напоминал покрытую травой свинью,

засиял от восторга.

– Луна взошла, – сказал он и повернулся ко мне, – а вместе с ней и солнце.

– Ох! – Зедра захлопала и бросила серебряную монету в стоящую у его помоста шкатулку. Монета упала с приятным звоном. – Надеюсь, это была лишь проба.

Я оглянулась. Слишком многие глазели на нас: либо раздраженные тем, что мы пробрались вперед, либо с любопытством изучая прибывших из дворца девушек. Смутившись, я накинула на лицо вуаль и снова повернулась к поэту.

Тот нахмурился:

– Солнце только что погасло, оставив нас страдать! Оладычица небес, не лишай нас света!

Умно. Я неохотно откинула вуаль.

Зедра фыркнула и покачала головой:

– Я заплатила, чтобы ты вознес хвалу мне. Луне тоже требуется обожание. – Она лукаво улыбнулась.

– От щек твоих цвета песка исходит сиянье, а глубокие глаза полны огня. Ты дух, что летит под парусами, пронзая туман...

Пока поэт осыпал ее цветистыми словами, я изучала площадь. Перед самыми популярными поэтами выстроились очереди страждущих. Бабар из Зундука – города глубоко в джунглях Кашана – восседал на механическом слоне возле дома наслаждений. Он сочинял воинственные песни для стоявших перед ним гулямов, пашей и хазов. У входа в кофей-

ню безбородый мальчик по имени Джилкиз рифмовал стихи, в основном о волшебных, далеких местах, о которых он узнал от пиратов и моряков, часто посещавших его по ночам. Но самая длинная очередь змеилась к человеку, которого я никогда раньше не видела. Он восседал на медном троне, усыпанном фальшивыми изумрудами и рубинами. Судя по коже цвета земли, он был химьяром. В отличие от окружающих нас гулямов, в большинстве своем тоже химьяров, этот человек был хрупкого телосложения. И он не выкрикивал стихи, как другие поэты, а писал их на пергаменте довольно толстой кистью. Чем он так заинтересовал публику?

Я прервала ванильную чепуху о том, что Зедра – львица на горном пике, и спросила:

– Кто это?

Поэт в зеленом шелке покосился на химьяра:

– А, этот придурок. Он тут всего неделю, и все влюбились в его стихи.

В его голосе было столько яда, что змея сама отравилась бы.

– Что в нем такого особенного?

Поэт фыркнул:

– Бросьте к его ногам серебряную монету, и он выплюнет самые омерзительные, вульгарные оскорбления.

– Оскорбления? Кого же он оскорбит?

– Вас, дорогуша. Того, кто ему платит.

Зедра охнула:

– То есть люди платят ему, чтобы он их оскорблял?

– Именно так! – взревел поэт. – Это отвратительно и должно быть запрещено! Куда катится эта страна?

Я тронула руку Зедры:

– Прости. Я только что вспомнила, что должна кое с кем встретиться на Большом базаре. Ты не возражаешь?

– Конечно нет, – ответила она. – Иди порхай, где хочешь. Я останусь здесь, буду впустую тратить время и деньги.

Нащупав в кармане свиток, я с напряжением выдохнула. Я присоединилась к этому заговору по собственной воле, задолго до появления здесь моего брата, и теперь не могла сдать назад.

В сопровождении четырех гулямов я пешком пересекла мост Святого Йорги в сторону Большого базара. Как же он изменился за те восемь лет, что я прожила в Кандбаджаре! Когда я приехала сюда впервые, базар представлял собой шеренгу заваленных товарами прилавков, от которых провонял весь центр города. Теперь это была полая каменная пирамида с девятью ярусами. Девятью! Ее сконструировали Философы, и по сравнению с ней даже Песчаный дворец казался карликом. В городе было только одно более высокое здание – Башня мудрости.

На первом ярусе Большого базара, на деревянных прилавках, похожих на лабиринт, разложили свои товары торговцы тканями, овчиной и кожей. Там почти негде было развернуться, но все расступались перед гулямами, пропуская ме-

ня. Переехав сюда, я редко носила одежду из таких простых материалов, поэтому смотрела только вперед, пока мы поднимались по лестнице на следующий уровень.

Фрукты. Когда мы проходили по чуть менее людному ярусу, продавцы опускали взгляды, протягивая руки с роскошными спелыми фруктами, которые они приберегли для двorca. Прежде чем передать мне угощение, гулям отрезал кусочек ножом с золотой рукоятью и пробовал на вкус. Вскоре в мои руки переключались терпкий виноград, пряные финики и сладкие апельсины.

Я жадно проглотила финик. Его острый вкус танцевал на языке и обжигал горло – настоящий, кашанский. Учитывая, что я едва вошла в расшитый жемчугом кафтан, который подарил мне в прошлом году Великий визирь Баркам, я отказалась от других яств.

Третий этаж не имел ничего общего с предыдущими. Идеально ровными рядами здесь выстроились банки из полированного стекла, и в них лежали специи всех цветов, даже небесно-голубого. Корица, куркума, имбирь, шафран, су-мах, зира, тмин, кориандр, гвоздика, кардамон – вот лишь некоторые известные мне. Все мыслимые запахи проникали в нос, как будто на меня напала армия кебабов, бараньих голень и котлет. И все это было делом рук одного человека. Он контролировал торговлю специями в Кандбаджаре – да что там, во всей Аланье, – и, увидев меня, тепло улыбнулся. И склонил голову, хотя рангом был выше меня – как-никак

паша. И выглядел соответствующе: по центру кафтана мерцали пурпурные жемчужины, словно горящие звезды.

– Когда я утром проснулся, – сказал он, – то помолился Лат, чтобы благословила мои глаза. И она ответила на молитвы скромного человека – появилась ты.

– Скромного человека? – Я огляделась: – Где же он? Убежал?

Озар хмыкнул, и на щеках, набитых пирожными, заиграла добродушная улыбка.

– Султанша, – сказал он, наградив меня титулом, который я не имела права носить. – С твоим прибытием тучи рассеиваются и ветер обжигает огнем. А посвященные падают ниц, опьяненные и поверженные.

– Занимайся лучше своим делом, паша. За такие стихи тебя поднимут на смех на площади Смеха.

Он покачал толстым пальцем, униженным кольцами:

– Это не мои слова, султанша. Их произнес сам мудрый Эшкаль.

Я выставила напоказ свое невежество в поэзии. Какой позор.

– Не называй меня так, паша. Это не мой титул.

Он скривился:

– Разве ты не дочь кагана силгизов? Учитывая собравшихся у наших ворот людей, полагаю, тебя пора повесить в звании.

– Возможно, и тебя тоже.

Я сунула руку в карман кафтана, вытащила пергамент и вручила его Озару.

– Что это?

Он щелкнул пальцами, и один из помощников принес ему очки. Озар прищурился сквозь них, развернул пергамент и прочел его содержимое.

– О Лат! – воскликнул он, а его глаза чуть не вылезли из орбит. – Я месяцами умолял меджлис. О тысячи небес и святые у великого престола, как ты сумела это раздобыть?

До чего же он все-таки напыщенный.

– У меня есть свои способы, – ответила я с небрежной улыбкой, зная, что это сведет его с ума.

– Дорогая моя, ты даже представить не можешь ценность этого документа. Баркам много лет меня преследует. «Монополия Озара на торговлю пряностями должна быть разрушена!» – вот его первые слова после пробуждения и последние перед сном. «Ценовые войны Озара идут вразрез с законами шаха и Источника!» – вот что нашептывает Великий визирь на ухо жене, когда та его услаждает. – Озар прикрыл рот рукой. – Прости за грубость, но я не могу сдержаться. Как ты заставила его поставить печать на документ, дарующий мне исключительные права на торговлю пряностями из Коа?

Теперь он добивался, чтобы я открыла карты.

– Важнее другое – чего я хочу взамен?

– Я отдам тебе полцарства, да и другую половину в придачу.

– Чудесно. Люблю, когда богатые и могущественные люди у меня в долгу.

Он удивленно поднял брови. Быть может, он думал, что я сразу попрошу вернуть долг. Но, как и всякий долг, его лучше потребовать позже, и с процентами.

– А знаешь, султанша, ты совершенно не похожа на ту девочку, которую притащили из Пустоши восемь лет назад. Тощая, воняющая конским навозом, едва способная читать на собственном языке. А сейчас ты стала настоящей горожанкой. Какое удовольствие смотреть, насколько высоко ты поднялась.

Настоящее удовольствие – это знать, что богатейший купец в стране – мой должник. Или был бы моим должником, если бы документ был подлинным. Я не могла избавиться от дрожи, пробиравшей до костей, при мысли о пергаменте, который ему дала, и о том, кто дал его мне.

Зедра хлопала, глядя, как маленькая обезьянка пляшет на спине слона с красными бивнями. И бросила золотую монету, что было совершенно излишне. Обезьянка поймала ее красной шляпой и кинула хозяину с седыми усами. Тот просиял.

– Наша султанша щедра, как святая Кали, – сказал он.

Лицо Зедры стало строгим, как будто она оскорблена. Улыбка медленно тронула ее щеки, но глаза остались холодными. Выглядело это странно.

– Столько благодарности за ничтожный золотой. Ты так

хорошо обучил эту зверушку, что заслуживаешь еще тысячи.

Я вежливо кивнула владельцу и обратилась к Зедре:

– У меня что-то кружится голова. Не возражаешь, если я вернусь домой?

– Сегодня у тебя был долгий день, дорогая. Конечно, иди домой и отдохни.

Чудесно, она купилась. Но четверых сопровождавших меня гулямов труднее обдурить. По дороге к Песчаному дворцу экипаж проезжал мимо храма святой Ризвы. Под арками из песчаника почти никого не было, святую позабыли. В любом случае, крики и звон из ближайшей кофейни все равно не позволили бы молиться в тишине.

Я приказала вознице остановить экипаж и вышла.

– Я ненадолго, только помолиться, – сказала я закованному в золотые доспехи капитану гулямов, едущему верхом.

– Госпожа, – сказал он. Ну хоть кто-то называет меня правильно. – Как известно, в этом храме собирается всякий сброд. Лучше помолитесь в храме святого Джамшида, это чуть дальше.

Я покачала головой:

– Святая Ризва – миротворец. Я буду просить ее вмешательства, чтобы мои переговоры с силгизами увенчались успехом.

– Тогда мы пойдем с вами, – сказал капитан.

– В женскую половину? Это недопустимо. – Я подняла бровь: – Думаю, я сумею выжить пять минут в храме.

Гулям с неохотой кивнул.

В женской половине на выцветшем песчанике сидели старухи, бормоча священные слова под перестук молитвенных четок. Женщины не обращали внимания на стоящего позади них высокого красавца. Хадрит скрестил руки на груди. Его кудрявые волосы были коротко пострижены, но расчесанная борода с каждым днем отрастала все длиннее и уже достигла груди.

– Ты заставила меня ждать, – недовольно сказал он, – а я готов ждать только хороших новостей и бога.

– Он купился, – ответила я. – Не задавал вопросов. Озар на самом деле верит, что торговля пряностями из Коа теперь в его руках.

– Молодец, моя козочка.

Я погрозила ему кулаком:

– Я же просила не называть меня так.

– Моя любимая. Так лучше?

Он обнажил в фальшивой улыбке идеальные сверкающие зубы. Однажды он прочитал мне лекцию о том, что как минимум трижды в день следует использовать для чистки зубов веточки из дерева арак. Похоже, от них и правда есть толк.

– Что за человек готов использовать любимую в своих махинациях?

Он шагнул ближе. Я была ростом ему по грудь – широкую, как зеркальные доспехи. Он явно много времени провел на солнце – смешанный с духами запах пота был удушающим.

– Если ты станешь моей женой, мы будем проворачивать махинации, пока не ляжем пылью в землю. Это главный урок, который я получил от родителей, так что привыкай.

Я не была уверена, что привыкну. Мысль о том, что Озара арестуют из-за меня, заставляла чувствовать себя такой... грязной.

– Ты правда воспользовался отцовской печатью? Когда Озара арестуют, он расскажет твоему отцу, что это я дала ему тот пергамент.

– Никто не ожидает от козочки, что она кусается, так что в худшем случае тебя сочтут невольной соучастницей. А кроме того, я двадцать пять лет имею дело с отцом. И весьма успешно, должен заметить.

– Великий визирь не отличается милосердием. Неужели ты не видишь, как я встревожена?

Молящиеся женщины обернулись. Мой голос звучал слишком громко в святом месте.

Хадрит обдал мое ухо сладким и тяжелым дыханием.

– Ох, моя коз... моя любимая. Доверие – это почва, на которой произрастает любовь. Наше доверие расцветет в дивный кипарис, простирающийся до самых небес. – Его язык был почти у моего уха, когда он прошептал: – Скоро у меня для тебя будет другое задание, моя прекрасная.

С этими словами он меня покинул. После совершения неприглядного поступка мне снова захотелось помыться. И при этом меня сжигало желание узнать, чего он хочет от ме-

ня теперь. Что бы это ни было, я уже не могу остановиться.

Я опять приняла ванну, третью за сегодня. На этот раз я убедилась, что вокруг никого и я могу поплакать. Евнухи у двери наверняка услышат, но рыдающая в купальне гарема женщина их точно не удивит.

Я даже помолилась. Сначала святой Ризве, умоляя простить меня за то, что воспользовалась ее храмом для такого неблагоприятного дела. Но мой внутренний ребенок, так долго дремавший и пробудившийся после встречи с братом, считал греховным молиться святой, и потому я помолилась отцу Хисти. Или святому Хисти? Да какая разница? Он основал нашу религию, вне зависимости от того, по какому пути ты следуешь. Истинный путь или путь еретиков – как их различить?

Все причиняло мне боль – матушка, малыш Бетиль, отец, Джихан. Мой внутренний ребенок страдал. В голове крутились воспоминания. Почему они всегда такие болезненные? Например, тот день, когда отец не вернулся после битвы с неверными, племенем рубадии, а я села на его постель и вдыхала его запах, даже пила его мерзкий соленый чай. Мою мать чуть не выдали замуж за нового кагана, которому отец тут же снес голову, когда через восемь месяцев вернулся. Все это время я не переставала молиться отцу Хисти и Потомкам, чтобы наша семья снова объединилась.

Пока я вспоминала все это, по щекам текли слезы, нагретые висящим в воздухе паром. Но от воспоминаний я всегда

мерзла и дрожала. Мне нужно было больше тепла. Больше огня.

Я подбросила углей из мешка у задней стенки. Когда я насыпала угли в пылающую жаровню, один скатился с края и упал на влажный пол. К моим ногам потекла черная вода. Какая мерзость. Я отодвинула жаровню, чтобы подобрать уголек.

На стене за ней виднелся красный отпечаток ладони. Нет, кровавый отпечаток. Что за?...

Я провела по отпечатку влажной ладонью, но он не смылся. Кровь запеклась на плитке. Хм... Неужели евнухи здесь не прибираются? Тогда придется мне. Я схватила полотенце, намочила его в луже на полу и потерла отпечаток ладони. Терла все сильнее и сильнее, словно чистила лошадь. Но, когда я убрала полотенце, оно осталось таким же идеально желтым с узором из звезд, а кровавый след никуда не делся.

Я смотрела на него, а во влажном воздухе плыл шепот. Хотя я была в купальне одна. Я приложила ладонь к отпечатку. Она идеально совпала с ним, словно это моя рука истекала кровью на плитке.

Что это такое?!

Шепот. Точно перед моей парной. Я выглянула наружу – никого. Неужели я схожу с ума?

Я придвинула жаровню обратно, загородив кровавый отпечаток. Кто-то истекал здесь кровью?

Даже умер?

2. Зедра

Вымирание. Разломы внутри разломов, разрушающие целое. Река разбавляется ручьями, стремясь в океан. Воду мутят соль и водоросли, лишая ее чистоты. Крепкие корни и высокий ствол разлагаются на тощие ветки, а потом...

– Дорогая, ты даже не притронулась к супу из баклажанов, – прервал мои мысли маслянистый голос Тамаза.

Мой взгляд вернулся во внешний мир. Мы с Тамазом сидели вдвоем за низким столиком в его столовой в окружении прислужниц, безбородых мальчиков и евнухов с заплетенными косами. Я была здесь лишь один раз. Голые стены из песчаника и пол, покрытый квадратными коврами какого-то племени из пустыни, больше подошли бы аскетичному шейху, а не великому шаху Аланьи.

– Мои извинения, ваше величество, – сказала я, склоняя голову. – По правде говоря, я еще не сбросила вес после рождения ребенка.

Теперь он смотрел на меня, раздувая ноздри и открыв рот. Без тюрбана, с растрепанными волосами и в грязно-коричневом кафтане правитель страны напоминал рассерженного крестьянина.

– Зедра, ты прекрасна, словно алый тюльпан, сорванный со святой земли Зелтурии.

Как банально. Может, ему надо перетащить свой престол

на площадь Смеха.

– Боюсь, молодые глаза немного более... проницательны.

– Кярс сказал что-то неподобающее перед отъездом? – В голосе шаха слышались громовые раскаты. – Вот негодяй. Я думал, война сделает его мужчиной и.

Я покачала головой:

– Нет-нет, ваше величество. Наследный принц был очень добр. В отличие от некоторых других его женщин. Ой, мне не следует сплетничать.

– Пф-ф. Ревность, и больше ничего. Пусть болтают, что хотят. Правда в том, что ты – мать будущего шаха. Ты можешь быть громадной, как груженный верблюд, или тощей, как молитвенные четки, и все равно останешься султаншей гарема.

Безбородый мальчик положил на наш стол еще хлеба. Какая ирония – ни я, ни шах много не ели. Каждый день слуги развозили остатки дворцовых яств бедняками из Глиняных переулков. Я представила глинобитный домишко и семью в лохмотьях, жадно глотающую суп из баклажанов и мягкий хлеб. Хорошо – они заслуживали этого больше, чем мы.

– Я сегодня постился в честь вознесения святой Норы, – сказал шах, – и, как ни странно, у меня нет аппетита. Знаешь, мой отец, мир его праху, умер в моем возрасте. Жуткая подагра. Философы говорят, что ничто лучше поста не уберезет от подагры.

Я видела, как люди умирают от подагры – все как один

олухи, способные съесть ягненка за один присест. Нет, Тамаз так не умрет.

– До меня дошли слухи, – затронула я по-настоящему важную тему. Даже мать будущего шаха должна была просить о таком ужине один на один за несколько недель. Я боялась, что шах отменит встречу из-за прихода силгизов, которые прибыли на несколько дней раньше, чем я хотела, но, к счастью, он придерживался своего расписания. – Правда, что кто-то обезглавил трех силгизских торговцев и их каган жаждет мести?

Тамаз глотнул воды и помолчал, глядя прямо перед собой, а затем произнес:

– Я предполагал, что если меджлис осведомлен о происходящем, то рано или поздно узнают все, но известия разошлись быстрее, чем я ожидал. Поверь, я имел дело со всевозможными каганами, и они являются, разгневанные по тому или иному поводу, но всегда уезжают с полными сундуками золота. А в нем у нас нет недостатка.

– Но я слышала, что они винят вас. Что к головам прилагалось послание, скрепленное вашей печатью. В этом году уже было покушение на вашу жизнь. Тот убийца ведь тоже следовал Путем потомков? Я боюсь того, что эти еретики замышляют против вас... отец.

Тамазу нравилось, когда я так его называла. Он как-то сказал мне, что мечтал о дочери, и Лат подарила ему трех, но ни одна не дожила до взрослого возраста. Точнее, он сказал

это не мне, я подслушала, когда он жаловался предводителю гулямов, паше Като.

– Мы все умрем, Зебра. Я молю Лат простить меня за дела рук моих. Став шахом, я верил, что буду лучше своего отца. Что буду следовать Писанию Хисти во всем, словом и делом. Но только святой Хисти мог совмещать святость и царствование в равной мере. А для остальных возможно спастись лишь благодаря прощению, и мы должны неустанно молить о нем. «Прости, если хочешь быть прощен» – вот завет, по которому я живу.

Вот почему народ любил его. Сколько смертных приговоров он смягчил только в этом году? Драматические моменты: палач уже замахивается, и тут появляется шах и поднимает руку. За этим следуют восторженные выкрики, улюлюканье и хлопанье по бедрам – народ желал справедливости, но любил милосердие. Шах был столь же умен, сколь и благочестив. Иначе не получится править два десятилетия. Из всех трех шахов рода Селуков в царствах Сирм, Кашан и Аланья правление Тамаза было самым долгим, мирным и процветающим.

Что только усложняло мою задачу.

– Вы так мудры, отец.

– К мудрости прилагается седина, моя дорогая.

Кому как не мне это знать.

– Вы отзовете гулямов?

Он надулся – похоже, не хотел говорить о политике за

ужином. Но мне пришлось настоять.

– Ты так сильно хочешь увидеть Кяrsa? – спросил он.

– Я очень скучаю по нему и волнуюсь из-за того, что могут сделать пираты-этосиане.

Несомненно, при такой постановке вопроса шах будет более сговорчив.

– Дорогая, не забывай, что в прошлом году Кярс разгромил прекрасно вооруженную крестейскую армию на Сир-Дарье. Если бы не он, Михей Железный и император Ираклиус вычеркнули бы наших неблагодарных северных кузенов из истории. Что по сравнению с этим разрозненная кучка неверных пиратов?

То есть: «Я не стану отзываться гулямов». Прекрасно.

– Вы правы. Конечно. Он вернется до того, как из Бес... из Пустоши задуют холодные ветра.

– Мы не можем позволить пиратам зимовать в наших городах и крепостях и мешать торговле с Эджазом, Сирмом, Диконди. Кярс с двадцатью тысячами гулямов воздаст за их преступления. К приходу холодов из пустыни вы с Кярсом, конечно, уже будете обниматься у пылающего очага.

Я подавила дрожь отвращения. Тем не менее до зимы еще несколько лун, а значит, я могу успеть.

– Прекрасная мысль.

После этого я замолчала, позволив шаху взять кусочек мягкого хлеба. Он целую вечность жевал его и глотал, затем бросил недоеденный хлеб на медную тарелку. На месте, где

он откусил, осталась его слюна.

– Прекрасный ужин, – сказал он. – Но возраст требует рано вставать и еще раньше ложиться. А перед сном я помолюсь Лат и ее святым, чтобы мое царство оставалось мирным и благословенным.

– Я тоже буду молиться. За ваше здоровье, за мир и победу моего дорогого Кяrsa.

Тамаз встал и потянулся, а я схватила надкусанный им хлеб и сунула в рукав. Я огляделась, надеясь, что ни мальчишки, ни девушки-прислужницы, ни евнухи ничего не заметили. Они все молча смотрели прямо. Хорошо.

По пути в свою комнату я думала о Философе, создавшем Песчаный дворец. На прошлой неделе я взяла его биографию в Башне мудрости, чтобы отвлечься от серьезного чтения на что-нибудь приятное. Он жил около пятисот лет назад, сразу после того как Темур Разящий оставил кровавый след через полмира. Философ родился в Тинбуке, столице некогда золотого царства Химьяр на юго-западе, и пришел в Аланию, не имея ничего, кроме мечты. Он вообразил огромное здание из обожженной глины и песка, занимавшее самый высокий холм в городе.

И он представил его роскошным: сегодня стены залов украшали инкрустированные драгоценности. Подвесные лампы, заключенные в платину, ковры из ангорского шелка, настолько мягкие, что в них можно смело завернуть младенца, линзы, которые ловили лунный свет так, что все комна-

ты светились серебром – я могу продолжать и продолжать. Ханжеский аскетизм Тамаза не отравил других Селуков, которые потворством своим прихотям затмевали его простоту. Мой возлюбленный Кярс был худшим среди них.

– Дорогу султанше Мириме! – выкрикнул евнух.

Я стояла в сторонке, склонив голову, и надеялась, что сестра шаха меня не заметит. К несчастью, на ужин я надела потрясающее сине-золотое платье, напоминавшее солнечные лучи на глади реки. Эта женщина обожала наряды. И еще больше она любила показать свое превосходство над нами, наложницами.

Как и следовало ожидать, Мирима остановилась передо мной, оглядела мое платье и погладила парчу тыльной стороной унизанной кольцами руки.

– Откуда это? – высокомерно поинтересовалась она.

Я подняла голову:

– Подарок его превосходительства Великого визиря Баркама, султанша.

Она приоткрыла рот, будто ее вот-вот стошнит.

– Он нарочно покупает на размер меньше. Ходячий скандал, а не человек.

Это правда, и по иронии судьбы Баркам – один из немногих мужчин, чьи слова я могла выносить. Что-то в его неприкрытой извращенности звучало искренне.

Я молчала в надежде, что Мирима уйдет. Но ее взгляд продолжал жечь меня, словно полуденное солнце.

– Чем ты занимаешься целый день, Зебра?

О боги, только не открытый вопрос. Из уст этой женщины это наживка. Черная краска на ее волосах прекрасно скрывала седину, а мыло и кремы, которыми она мазалась, маскировали морщины и оспины. Прекрасная маска, убавлявшая ей десять лет. Но моя лучше.

– Сегодня я ходила в город с Сирой, моей лучшей подругой, – сказала я, надеясь избежать ловушки. Мирима любила Сиру. Все люди в возрасте, похоже, ее любили. – Мы хотели выяснить, как горожане относятся к осаде.

Я выбрала самый лучший вариант ответа, но предполагала, что она почует ложь.

– И что же горожане говорят об осаде?

Как ядовито она произнесла слово «горожане». Презрение ослепило ее, и она не заметила обман. Хорошо.

– Как и здесь, во дворце, мнения разделились. Некоторые считают положение серьезным, другие пустяком.

Это и так все знают. Лучше давать очевидные ответы, убеждая всех в моей тупости.

– Глупцы. Все будет так, как мы захотим. Если бы хотели покончить с осадой, то сделали бы это сегодня. Очевидно, есть какая-то выгода в том, чтобы держать силгизских дикарей под боком.

Клянусь Лат, она так уверенно использовала это «мы». Черта, которую я даже уважала до некоторой степени.

– Согласна. – Я оглядела ее плотное одеяние с цветоч-

ным узором. Как закончить этот мучительный разговор? – По правде говоря, мне было так страшно. Когда я смотрела с балкона на юрты и всадников, заполняющие горизонт, мне хотелось, чтобы Кярс был рядом и обнял меня.

Во взгляде Миримы мелькнуло сочувствие, когда она положила руку мне на плечо.

– Дорогая, ты словно нераспустившийся цветок, не знающий капризов ветра. – Достойный стих, пусть и совершенно неверный. Еще один повод для уважения. – Такая юная. Такая хрупкая. Но тебе нечего бояться. Мой брат – величайший правитель из ныне живущих. – Она подняла вверх кулак: – Непокколебимый, несокрушимый. Каган из Пустоши – лишь муха на заднице слона.

Я хихикнула. Не ожидала от нее таких слов.

– Вы правы, дорогая султанша. Благодарю, что успокоили меня. Надеюсь, годы сделают меня храбрее.

Наконец она ушла. Если быть честной, разговор оказался не так ужасен, как я ожидала. Но все же лучше их не затягивать. Мирима более наблюдательна, чем ее брат, и боюсь, однажды она увидит меня насквозь.

Вернувшись в свою комнату, я забрала сына у кормилицы и прижала к себе. Внутри растеклось приятное тепло, словно я стала едина с миром.

– Он отлично кушает, – сказала кормилица, темнокожая женщина из Химьяра. Я улыбнулась и поблагодарила ее.

Селук заерзал, и на меня нахлынули эмоции. Да, так на-

звал его шах. Очевидно, Селук Рассветный явился к нему во сне в ту ночь, когда родился мой сын. Не помню деталей, но там была какая-то чепуха про солнце, птиц и рыб. Кярсу тоже нравилось имя. А я не могла представить менее подходящего человека, в честь которого можно было назвать моего сына, но не имела права голоса.

– Ты можешь идти, – сказала я кормилице.

Я поцеловала голову сына и вдохнула его свежий, живой запах. Он засмеялся. Я положила его в колыбель и смотрела, восхищаясь его красотой. Но красоту младенца в глазах матери нельзя описать. Это как фанаа, как единство с самим богом.

В голове эхом отдавались слова, некогда сказанные дядей и свекром. «Не воспитывай детей так, как родители воспитывали тебя. Они родились для другого времени». Ничто не могло быть более верным в отношении нас с сыном. Я должна воспитать его для этого времени, этого места и этой цели.

Я двинулась к балкону, откуда открывался обширный вид на Кандбаджар, его древние кварталы, двойные стены и юрты за ними. В ночи царила тишина – ни ветерка, ни щебета птиц.

Как приятно просто смотреть на мир и ни о чем не думать. Не напрягать ум для достижения цели, к которой стремишься. Недоступная мне радость, поскольку слишком многое еще нужно сделать. И осталась одна лишь я, чтобы сделать это – нести на своих плечах истину, выживание люби-

мых богиней Лат Потомков и, в конечном счете, судьбу человечества. Весь мир держится на одной старой женщине.

— Отец Хисти, — взмолилась я, — благослови дочь своей силой, своей праведностью, своей победой.

Я вытерла слезу со щеки. Держать мир на плечах было больно. Носить в себе боль потерянных, мертвых, уничтоженных. Все это лишь сделало меня бесчувственной. Но именно эти безмолвные моменты я не могла выдерживать, я предпочла бы заполнить их чем угодно: банальной поэзией, дешевыми сплетнями, прогулками по саду наслаждений.

Или, лучше всего, своей главной целью.

Я часто задавалась одним вопросом: кто самый влиятельный человек в Аланье? Очевидным ответом был шах Тамаз, но за тронем всегда кто-то стоит. Более проницательный ответ — Великий визирь Баркам, поскольку именно его руки дергали за ниточки. Но это тоже неверно. Ни Баркам, ни шах не владели умами людей, а без этого любое царство — лишь упорядоченная земля и камень. Значит, это Великий муфтий Аланьи и Великий шейх ордена святого Джамшида Хизр Хаз, заботящийся о душах всех аланийцев... Но если бы пришлось выбирать единственного человека, который спасет мне жизнь, я бы не выбрала его.

Так что с рассветом я отправилась к человеку, которого выбрала бы. В пустых казармах было мрачно. Зяблики и воробьи, редкое зрелище в наши дни, пели в центральном саду, не заслуживавшем этого громкого имени. Скорее это бы-

ло неровное, каменистое скопление растений и цветов. Под сенью склонившегося кипариса сидел самый могущественный человек в Аланье, раб по имени Като. Вернее, паша Като.

Великолепный титул для раба, но мой лучше, и я тоже не свободна. Паша Като держал в точеных руках целую ветку фиников.

– Султанша, – привстал он при моем появлении, затем небрежно сел обратно на ствол дерева.

У него была угольно-черная кожа химьяра и акцент, который я находила мелодичным.

– Уйдите, – сказала я сопровождавшим меня гулямам, не собираясь пока говорить.

Конечно, Като величайший из гулямов, а значит, оставить меня с ним безопасно. Но моя охрана была верна Кярсу, а не Като. Тем не менее они оставили нас наедине, встав у арочного входа, вне пределов слышимости, но в пределах видимости.

Като поднял голову и ухмыльнулся. К зубам прилипли кулочки финика.

– Меня ты тоже отхлещешь своим жестким язычком?

– Сидишь тут, дуешься, – неодобрительно покачала я головой. – Это отвратительно. Возьми себя в руки. Враг у ворот. Может, это к лучшему, что Кярс не взял тебя с собой.

Он показал мне язык.

– Вот такой порки мне и не хватало, чтобы почувствовать

себя лучше.

Мне хотелось взять камень и расколоть его лысую башку. Но он был единственным человеком, без которого мой план не сработает, и мне пришлось снести грубость.

– Ты просто жалок. Тамаз заметит твое отсутствие. Ты потеряешь свой пост.

– Уже потерял. Мои солдаты отправились на запад сражаться с неверными без меня. А я только что получил эту должность после смерти моего дорогого друга. Видишь ли, Баркам и его мерзкий сынок Хадрит, а также с десятков визирей, которых я могу назвать поименно, ненавидят меня, и все потому, что я отказался выполнять их приказы. Баркам или, возможно, Хадрит, если я и вправду так слаб, как мне кажется, скоро убьет меня или отправит умирать на какой-нибудь рудник.

Он говорил не как самый могущественный человек Ала-нии. Поскольку им не был... пока. Мне еще предстояло его возвысить.

– Правда? И стал бы Кичак дуться из-за этого как девчонка?

Теперь он ткнул в меня пальцем, будто хотел пронзить грудь:

– Не изображай, будто ты его знала. Он был героем для всех нас. И умер от рук какого-то мелкого колдуна в Сирме.

– А как умрешь ты? Подумал об этом? Если бы подумал, не стал бы тратить сегодня время на обжорство.

Он встал и даже не отряхнул с кафтана траву.

– И не стану тратить его на препирательства с девчонкой, похожей на мою первую. – Он подошел ближе, его дыхание пахло горьким южным варевом. – Так много лет назад в домишке, выходявшем на гладкое море Ям-сап. Как же она стояла. – Он облизал губы. – Я не прочь послушать еще раз, прежде чем меня убьют.

Я дала бы ему пощечину, но только глупцы могут бить загнанного в угол льва.

– Тебе известно, что я возлюбленная наследного принца и мать будущего шаха. Как смеешь ты изрыгать подобную грязь?

Он рассмеялся.

– Хочешь, чтобы я звал тебя султаншей каждый раз, какпустишь ветры, не надо было приказывать им уйти, – он указал на гулямов, ждавших у входа. – Когда никто не слышит, я буду говорить только правду. Ищешь цветочки? Тогда ты пришла не в тот сад.

Вот поэтому он мне и нравился. Като казался преданным, но я была готова поспорить, что он заберет все что угодно, если это сойдет ему с рук. Я на это рассчитывала.

– Когда перестанешь себя жалеть, предлагаю тебе вот что. В хижине с тростниковой крышей в Глиняных переулках прячется один человек. Я скажу тебе точно, где он. Арестуй его и приведи к шаху. Сделай так и снова станешь героем. Вот так. – Я щелкнула пальцами.

Като выплюнул финиковую косточку.

– Что за человек? Кто он? С чего бы мне...

– Сделай это, – твердо сказала я. – Когда я в последний раз давала тебе совет, шах повысил тебя до командующего аланийскими гулями. Уже позабыл?

– И что толку, если мои враги нашептали твоему благоверному, и он приказал мне остаться. Думаешь, солдаты следуют за титулами? Они следуют за тем, кто проливает вместе с ними кровь, убивает вместе с ними и гадит в ту же канаву.

На это я тоже рассчитывала.

– Я кое-что знаю о людях и за чем они следуют.

– Не люди, а солдаты.

Я вздохнула. Като был окровавленным кинжалом, но о мои доспехи затупится любой клинок.

– Все люди – солдаты, когда на карту поставлено многое. Кое за кем они пойдут скорее, чем даже за братьями, отцами, правителями и богом. Знаешь, за кем?

– Ха, тебе сколько лет, девятнадцать? В этом возрасте кажется, что знаешь все на свете.

Я выхватила у него ветку с финиками и отбросила в сторону.

– Они пойдут за победителем. И ты им станешь, если послушаешь моего совета.

Като ухмыльнулся, показав пятна от фиников на прекрасных белых зубах.

Идя к выходу, я пнула ногой одну из финиковых косточек,

которую выплюнул Като. Затем наклонилась, чтобы отряхнуть туфли, и подняла ее одним быстрым движением. Конечно, никто не заметил.

На завтрак я надкусила персик и выпила глоток слишком соленого айрана, от которого у меня остались белые усы. Приняв ванну и надев свою самую коричневую парчу, я взялась за дело.

До того как все это началось, до того как меня вырвали из моего мира и привезли сюда, я не понимала притягательности чего-то столь простого – уединения. Одиночества. Когда малыш Селук уснул, а в комнате не было ни служанок, ни евнухов, ни нянь, я заперла дверь и залезла в шкаф. Шелк висевшей на вешалках одежды касался лица и волос. Сквозь единственное отверстие, которое я проделала для дыхания, проникал солнечный свет.

Темнота, тишина, умиротворение.

Я закрыла глаза и постаралась услышать его: зов черного дронго.

Чирик-чик-чик-чирик. Зов оставался слабым, но крылья бились в моем сознании ураганом. Чирик-чик-чик-чирик.

Я открыла глаза. И уши. Сначала было трудно определить, что я слышу, а что вижу – и то и другое отображало мир. Зрение и слух боролись за первенство среди моих чувств. Я видела и слышала небо, такое ясное и бесконечное. Город, крошечный и таинственный. Пустыню, казавшуюся тонким слоем песка на спине бога. Река в четверть мили шириной,

змеившаяся сквозь пустыню и город, казалась ниточкой, за которую можно потянуть и обмотать вокруг пальца. Посевы на берегу пылали зеленым и коричневым, на богатой, орошаемой каналами почве растили просо, рис, кускус, пшеницу, фиги и виноград, кормившие город. Но теперь землю топтали боевые кони силгизов. Они разбрелись на огромное расстояние, бродили по заросшим терновником лугам на юге и даже по кустарнику в пустыне на западе, где встречались акации, пальмы и газели.

И все было перевернуто. Надо мной бородавкой на спине бога нависал город. Я хотела упасть в облака вниз, но не могла сдвинуться с места. Напротив, город обрушился на меня, угрожая разбить на куски. Но когда он приблизился, я будто оказалась в пузыре и теперь дышала воздухом с запахом дерева, песка и пыли. Со вкусом земли.

Уши обожгло визгом священной песни, словно в мозгу завыл волк. Я беспокойно задрожала, а затем на что-то приземлилась. Когти царапнули по твердому. Я посмотрела вниз. Самоцвет. Огляделась. Горизонт Кандбаджара. Слышались песнопения, молитвы и священные слова. «Лат мы принадлежим... я молю тех, кто стоит у ее трона... делай то, что прекрасно... не возлагай на нас ношу, которую мы не сможем нести... не наказывай нас за ошибки... излей на нас свою милость, дабы мы не пропали.»

Я вспорхнула с желтого купола святилища Джамшида и полетела к дворцу у реки. Меня держал поток воздуха под

крыльями. И все же всегда казалось, что это мир движется, а не я. Как будто какой-то великан швырнул город прямо ко мне.

Я замахала крыльями, чтобы замедлить спуск, и приземлилась на плоскую крышу. Внутри стен уже отдавались эхом голоса, создавая карту пространства. Оттоманки, полки с книгами и свитками, ковры на стенах, масляные лампы в нишах – так много можно увидеть по одному лишь звуку. Я опустилась на подоконник. Левый глаз следил за людьми внутри: сыном Великого визиря Баркама Хадритом и Озаром, главным поставщиком пряностей Аланьи. Об этом человеке ходили слухи, что он пожертвовал новорожденной дочерью ради благословения – или проклятья – бесконечно-го богатства.

Хадрит налил финиковое вино в хрустальный бокал и сказал:

– Это судьба, что Кярса здесь нет. Просто чудо, как звезды могли так сойтись.

Озар кивнул. Его пышные тела обволакивал тонкий шелк небесного цвета.

– О да. Но будь честен – больше всего ты ценишь отсутствие отца.

Они сидели за низким стеклянным столиком, подложив для мягкости бордовые подушки. Хадрит был таким высоким, что возвышался даже сидя. Я никогда не понимала, почему он не подстригает непослушную бороду – неужели кто-

то покупается на эту личину воина?

– Вот что я скажу – это слишком хорошо. С чего это Кярс согласился оставить Като и взять с собой моего отца? Это не в его стиле. Он никогда не побеждал сам, скорее катался на спинах таких людей, как Като. Все это знают, и Кярс в первую очередь.

– Хочешь сказать, идея исходила не от Като?

– Кто-то более близкий играет на флейте, а Кярс пляшет. Озар погладил волосы на подбородке.

– И кто же?

– Не знаю, но, прежде чем продолжать, мы должны выяснить.

– Да ты просто боишься. Лат преподнесла нам подарок, что бывает не так уж часто. Мой флот ждет за излучиной реки. У тебя в руках отцовская печать. Меджлис не пойдет против тебя, поскольку ты сын своего отца. Отдай приказ. Открой путь.

Хадрит увидел меня в окно, схватил свой бокал и швырнул мне в лицо. Я вспорхнула, а хрусталь разлетелся на кушочки на траве внизу.

– Проклятые дронго, – сказал он, когда я заняла позицию у края окна, подальше от глаз. – Один на прошлой неделе заклевал мою кошку до смерти.

– Птица убила кошку? О боги, куда катится мир?

– Они нездешние. Слышал когда-нибудь о Талитосе?

Озар потрясенно ахнул:

– Конечно. Земля за морскими туманами.

– Я был при дворе, когда явился посол якобы оттуда. Женщина в странных одеждах, меняющих цвет прямо на глазах, словно водопад. Она принесла клетку с черными дронго в качестве дара. Раньше в небе можно было увидеть ястребов, орлов и голубей. Теперь видишь лишь черное.

– Иноземная зараза, похоже, наша главная беда.

– Именно. Чужеземцы. Сколько их нашептывает на ухо наследному принцу? Наложницы из Пустоши, гулямы из Химьяра, ни одного истинного аланийца. Какой у них интерес? Какие намерения?

Озар одобрительно пискнул:

– Великий Эшкаль сказал когда-то: «Твое сердце принадлежит тому, с кем ты делишь поле боя и постель».

Похоже, Хадрит был более подозрительным, чем Озар. Надеюсь, меня он ни в чем не подозревал.

– Эшкаль – евнух, никогда не бравший в руки копьё. Ни в каком смысле. Я не разделяю твоего восхищения.

– У мудрости два источника – действие и наблюдение.

Весьма справедливое замечание.

Солнечные лучи раскалили оконную раму, но я цеплялась когтями в надежде узнать что-то полезное.

– Как бы там ни было, – голос Хадрита звенел от нетерпения, – я поручу своей возлюбленной козочке прочесать гарем в поисках врагов. Она сделает все что угодно. – У него вырвался извращенный смешок. – Что угодно.

– Она прекрасная девушка, Хадрит. И более того, ее брат со своей ордой у наших ворот. Даже не думай обесчестить ее. Ты подвергнешь опасности всех нас.

Они вовлекают в свои планы Сиру? Зачем ей работать на Хадрита? Как интересно... и досадно.

– Я не гажу там, где пасу овец, Озар. Чему ты так и не научился.

– Я стал главным поставщиком пряностей Аланьи и могу гадить, где мне только вздумается.

– Султанша-а-а-а-а-а...

В моем сознании образовалась трещина и разбила его на миллиард осколков. Я снова оказалась в шкафу, потная, и широко открытыми глазами смотрела на евнуха Самбала, чьи косы доходили до плеч.

– Султанша! Скорее приведите лекаря!

Левая щека была мокрой от слюны. Я моргнула, наверное, тысячу раз, села и сделала вдох. Втянула в себя каждую частичку воздуха. Грудь и бешено бившееся сердце будто сдавливало обручем.

– Все в порядке, – пробормотала я, не зная, удалось ли выдавить хоть один звук.

Самбал шлепнул себя по щеке:

– Она очнулась! Благодарение Лат!

Вместе с другим евнухом они положили меня на кровать. Онемение и боль сменяли друг друга, будто качая меня на волнах. Но хуже всего была поднимающаяся внутри тошно-

та. Меня вырвали из дронго в самый неподходящий момент, когда я могла наконец подслушать их план.

О Лат, обрушь свои проклятия на святых.

3. Сира

Иногда я предпочла бы не просыпаться.

Иногда мои дни так тяжки, что я предпочла бы покинуть этот мир. Что внушает мне такой ужас? План, который Хадрит поведал мне вчера вечером.

– Мы с Озаром пришли к отличному соглашению, – начал он, когда мы сидели за бокалами тамариндового шербета на полу в верхнем зале его дворца. – Торговля пряностями из Коа принадлежит ему, но это опасный морской маршрут. В старину даже говорили, что в тех водах рыщут морские драконы. И поэтому Озар согласился взять в команды моих людей – они мало в чем участвовали с тех пор, как этосиане захватили все наше западное побережье. Мои люди, без сомнения, знают толк в походах по бурным морям, ну и доля в двадцать процентов вполне справедлива.

Я сидела, потягивая пряный лед, и ощущала сомнения и тревогу.

– Ты сам говорил, что Озар бесчестен. Что его монополия на торговлю делает город слабым, а людей нищими. А теперь ты собрался присоединиться к нему?

– Сира, я и тебе заплачу долю. После того как Озар взял тот документ с печатью моего отца, пути назад больше нет. Ты этого добились, а я – человек честный.

– Разве вы недостаточно богаты?

– Совсем нет.

Для чего мне еще больше денег? Во дворце у меня все есть. Как я объяснила бы их наличие Тамазу, Мириме? Или мне прятать нечестную прибыль в нижнем белье?

– Мне не нужны деньги.

Хадрит с гордостью улыбнулся:

– А я все равно отложу твою долю. Может, ты когда-нибудь поумнеешь, начнешь разбираться в природе вещей и поймешь, что нет такой выгоды, от которой стоило бы отказываться. Может быть, придет день, когда ты обнаружишь, что у башни, которую ты всю свою жизнь возводила, недостаточно прочное основание. Она рушится, ломая все, что ты любишь, и тебе приходится собирать осколки и восстанавливать, что сможешь, – даже и нечестным путем.

Очень странно. Его улыбка обратилась в гримасу, как будто он пил из чаши не ледяной шербет, а горькие воспоминания.

– А когда ты скажешь про нас отцу? – спросила я, изменяя тему на более близкую к моим нуждам.

– В тот момент, когда он войдет в ворота дворца, и, надеюсь, с мешком голов неверных. Даю слово.

Головы! Мне опять показалось, что они катятся к моим ногам. Что в итоге шах решил относительно моего брата? Я должна была это выяснить.

– Подумай о том, что я для тебя куплю! – криво улыбаясь, воскликнул Хадрит. – Может быть, полцарства? И вторую

половину в придачу!

Что? Так говорил мне Озар. Или все это просто розыгрыш?

– Кстати, я хотел бы, чтобы ты помогла мне еще с одним пустяком.

Я отхлебнула шербета. Честно говоря, мне больше всего хотелось быть хоть в чем-то полезной. И не важно, Тамаз ли просит меня договариваться с моим братом или речь идет о хитрых планах Хадрита, – я хотя бы не буду никчемной, как в последние восемь лет. Я была ничем, безделушкой для Селуков, нужной лишь в качестве свидетельства, что у них в плену дочь кагана силгизов. Но в Кандбаджаре, если хватает ума, можно быть чем-то большим, чем кажешься.

Тем не менее меня начало тяготить болезненное и темное чувство. Мне отчасти хотелось его избежать, но, с другой стороны, хотелось принять и терпеть, сколько хватит сил.

– Так что ты, пожалуйста, не пугайся, – продолжил Хадрит, – но я собираюсь принести в дар его высочеству принцу Кярсу что-нибудь подобающее, когда он вернется с победой. Ну а зная склонности этого достойного человека, полагаю, он предпочел бы... так сказать... экзотический фрукт. Понимаешь, к чему я клоню?

– Я не идиотка. Ты собрался подарить ему женщину. Однако какого джинна этим должна заниматься я?

– Не какую-то женщину. – Хадрит потеревил бороду. – Исключительную. Видишь ли, у него хватает наложниц, ко-

которые выглядят как... как ты или Зебра. Кожа цвета песка, выходящие черные волосы и крупный нос – типичные черты силгизских и вограсских девушек.

– Крупный нос? – возмутилась я и тронула свой. Он был точно не мал.

– Я люблю твой нос. И надеюсь когда-нибудь слизнуть с него свой шербет. – Словно мне от этого стало легче. – Не пойми неправильно, но мне хочется, чтобы Кярс получил что-нибудь... чего никогда не пробовал.

Изменилась не только я – Хадрит стал далеко не тем, кого я помнила. Он уже растерял ребячливость, которая делала его таким милым, – было время, когда он заикался, разговаривая со мной. Теперь он стал более расчетливым и целеустремленным, почти таким, как его отец, Великий визирь. Мне хотелось снять с него этот слой, хотя он с каждым днем все сильнее затвердевал.

Я постучала кулаком по столу:

– Ты же знаешь, я никогда не покупала рабов. Чем я тут могу помочь?

Хадрит просиял:

– Приятно видеть, что ты готова и хочешь помочь. Значит, так.

И он объяснил мне все.

Вот поэтому мне не хотелось просыпаться сегодня утром. Я бы предпочла поговорить с братом или с шахом Тамазом, как-нибудь помочь им выйти из тупика, сжимавшего в тис-

ках Кандбаджар, но я обещала помочь Хадриту и начала день с этим намерением.

Ради поддержания формы я отправилась в город пешком, едва солнце тронуло рассветные облака. Щебет птиц был еле слышен, их с недавних пор стало меньше, только тут и там на ветвях сидели красноглазые дронго с черными перьями. В сопровождении гулямов я дошла по берегу реки до северной стены цвета глины, но с красивыми темно-синими зубцами.

Вскоре я уже была в гавани, в устье реки Вограc. Сладкий и привычный воздух речного берега сменился едкой вонью сушеной рыбы. Я прошла мимо лодок, деревянных и тростниковых, мимо лавок с дарами моря и лоточников, продающих все, от пальмового масла и до поддельных артефактов с руин на островах Педанг,

и направилась на невольничий рынок. Или на Конюшню, как его звали жители города. Место, куда пригоняли мужчин, женщин и детей. Я любила лошадей, как требовала моя силгизская кровь, и мне никогда не пришло бы в голову обращаться с лошастью так, как с рабами в этой Конюшне. Но нет лучшего места, чтобы подыскать дар для наследного принца Кярса.

Как ни посмотри, Конюшня походила на большую тюрьму под открытым небом. Деревянные клетки колоннами и рядами заполняли всю набережную. Тростниковые крыши давали тень томящимся внутри.

Я шла между клетками, мои гулямы удерживали на рас-

стоянии зазывал, отгоняя их позолоченными булавами. Но купцы продолжали выкрикивать, предлагая товар.

– Мускулистые работники из Химьяра, лучшие у султана! Могут целый день таскать грузы!

– Девушки для услуг из Пустоши, услаждающие глаза и уши!

– У меня есть девушки-певунии, моя госпожа, из далекой Саргосы!

– Северяне! Рутенцы! Идеальны для рудных копей!

– У меня есть в продаже принцесса Крестеса!

Я нашла торговца, произнесшего последнюю фразу. Он носил обмотанную тюрбаном красную шапку сирмянского забадара и цветастый кафтан.

– Ты меня заинтересовал, – сказала я. – Это правда? Он расхохотался, тряся круглым брюхом.

– Нет, конечно, но ей нравится так думать.

– Хм. Рабыни из Крестеса редки, как пена в море. Я собралась было двинуться дальше.

– Ее кожа бела как снег, не целованный солнцем. Подойди, посмотри сама.

А значит, не песочного цвета, как у нас с Зедрой, может, даже и нос у нее небольшой, и волосы прямые. Проклятый Хадрит. Надо бы взглянуть на нее и покончить с этим.

Пока мы шли за купцом, я старалась не смотреть на окружающее меня людское море. В клетках стояли дети с пыльными лицами, плакали и старались обратить на себя внима-

ние. Им хотелось себя продать, потому что где угодно лучше, чем здесь. Или так им казалось. Я-то не была уверена в этом, зная, сколько их сгинуло на плантациях или в копиях по всей Аланье. Но судьба свободных часто была не намного лучше – сапог паши давил всех, и порой сами паши были рабами. Точно было только одно: каждый мог подняться высоко или же умереть в канаве, тут все зависело от тебя, и я должна карабкаться вверх, как можно дальше от этой канавы.

Наконец мы остановились в конце ряда, у ржавой железной клетки. Там, прижавшись к прутьям, сидела девушка, светло-каштановые волосы падали ей на лоб. Я бы назвала ее бледной, а не белокожей, и довольно невысокой и пухлой. Впрочем, мое мнение о ее красоте не имело значения.

Забадар свистнул, и девушка отбросила с лица волосы, отряхнула песок со своего рубища, а потом вскочила и бросилась к решетке передо мной.

Ее мягкие ореховые глаза смотрели прямо в мои.

– Ты как солнечная госпожа, – сказала она на силгизском, угловато и странно произнося слова, будто они падали со скалы. – Прошу, спаси мою душу. Мне не выжить здесь.

Станный выбор слов. Мне потребовалась секунда, чтобы понять – она говорит на сирмянском, хоть и родственном языке, но не совсем сходном.

– Как твое имя? – спросила я по-силгизски.

Она вытаращилась на меня так, словно я только что прокляла ее мать. Забадар повторил мой вопрос на хорошем

сирмянском. Полагаю, слово «имя» там звучало иначе.

– Я Селена Сатурнус. Мой отец – император священной империи Крестес Иосиас. Умоляю, спаси мою душу.

Забадар рассмеялся и похлопал себя по бедру:

– Она это дело хорошо знает.

Но в ее словах звучала искренность.

– Как ты здесь оказалась? – спросила я.

На сей раз она, кажется, поняла мой силгизский.

– Я сбежала от шаха Сирма, а потом попала в клетку к этому забадару, а потом...

Остальное я не смогла толком разобрать, уловила только, что ее привезли сюда.

Я окинула ее взглядом с головы до ног. Да, фигуристая, как сказали бы мужчины. Но достаточно ли она хороша для наследного принца Кяrsa? Крестейская девушка с кожей цвета снега, говорящая на сирмянском и, похоже, искренне верящая, что она принцесса. Что ж, могло быть и хуже.

Я бросила забадару мешочек с золотом, который дал мне Хадрит. Продавец глянул внутрь, и глаза у него чуть не выкатились из орбит.

– Благодарю, госпожа, – с придыханием произнес он. – Пусть благословит тебя Лат тысячу и еще один раз. Пусть святые повторяют твое имя перед ее престолом. Пусть Ахрийя никогда.

– Просто выведи ее, – оборвала я, ощутив внезапную тошноту.

- В цепях или без?
- Ты что, шутишь?
- Эта может удрать, такая она.
- Она не сбежит.

Я указала на четырех стражей-гулямов со сверкающими булавами в руках.

Забадар освободил Селену Сатурнус и дал ей пару деревянных сандалий. Мы двинулись прочь.

Не прошло и пяти минут, как мы уже поднимались по ступеням из песчаника к центральной улице. Там Селена схватила меня за плечо и взмолилась:

– Прошу тебя, солнечная госпожа, посади меня на корабль, идущий в Гиперион. Я хочу отправиться к месту упокоения.

Место упокоения... вероятно, это значило «дом». А мешки и темные круги под ее глазами явно были следами слез и печали.

– Ты отправишься во дворец. Там ты будешь в безопасности и комфорте.

Она покачала головой, и ореховые локоны рассыпались по лицу.

– Прошу тебя. Мне здесь не место. Я не видела свою семью больше года.

То же самое испытывала и я, когда восемь лет назад меня впервые привезли в Песчаный дворец. Но сегодня было не до сочувствия. В любом случае, ей будет лучше в гареме, чем

в доме наслаждений, где она в конце концов оказалась бы.

– Скоро у тебя будет новая семья. Лучше постарайся привыкнуть.

– Мне все время так говорят, но я никогда не привыкну! Я не просто кусок мяса, который можно швырять туда и сюда. Я принцесса империи, когда-то правившей миром, придет день, и она будет править снова.

Разговор с ней помогал мне лучше понять некоторые сирмянские слова. А ее глаза... они были такие искренние, такие молящие. Если бы я захотела, то могла бы отвести ее на корабль, правда, ни один из них не пойдет в Крестес. Ведь крепость в том месте, где река впадает в Юнаньское море, захватили пираты-этосиане, и ни один корабль не пойдет в ту сторону, пока Кярс не изгонит пиратов.

Селена не походила на принцессу Крестеса, она выглядела как рабыня-крестейка. Но какое это имело значение? Если она в самом деле принцесса – тем лучше для Кярса. Я не отпущу ее, заплатив так много – золотом Хадрита и собственной гордостью.

Я убрала с ее лица локоны.

– Успокойся и послушай меня. Ты идешь туда, где такое изобилие, что ты никогда и ни в чем не будешь нуждаться. И в том месте никто тебя не обидит. Обещаю.

– Так мне говорили и в Сирме. А потом причиняли мне боль. Это все как сон. Кошмар в кошмаре внутри кошмара. Вероятно, прежние хозяева плохо с ней обращались, и те-

перь она боялась того же. Но при всех своих недостатках Кярс был добр к женщинам. Он одаривал их вниманием и восторгом, осыпал дорогими подарками и не ограничивал в передвижениях. Пока их сопровождали его верные гулямы, женщины могли пойти куда угодно и наслаждаться всеми удовольствиями, какие способен предложить Кандбаджар. В самом деле, не так уж плохо, только девушка еще об этом не знала.

Мы шли мимо храма святого Джамшида с желтым куполом, и до нас доносился землистый запах чечевичного супа. Вокруг разноцветных каменных арок храмовой площади змеями вились очереди людей, одетых в грубую шерсть и лохмотья, у некоторых на лицах запеклась грязь. Члены ордена – и женщины, и мужчины – варили суп в огромных каменных котлах.

– Сира, – позвал чей-то голос.

Я остановилась и посмотрела на человека, произнесшего мое имя. Он носил одеяние из чесаной шерсти с капюшоном. И был без тюрбана – в ордене святого Джамшида не разрешались мягкие ткани.

Великий шейх Хизр Хаз мешал варево в котле на другой стороне дороги. Прежде мы встречались лишь мельком, как он не забыл мое имя? Взгляд глубоко посаженных глаз остановился на мне. Его борода была белее облаков на небе.

– Шейх? – произнесла я.

– Следуй истинным путем, Сира.

– Что-что?

– Истинным путем.

Хотя он еле слышно шептал, голос будто гремел сквозь окружающий нас шум.

Я лишь кивнула в ответ. По спине пробежал холодок, словно меня уколол джинн.

– Что он сказал? – спросила Селена, с любопытством вздергивая изящный нос.

Очевидно, парамейский она не знала.

– Ничего, – ответила я. – Идем дальше.

Мы с Селеной стояли в главном зале гарема. Главный евнух Самбал и сестра шаха Мирима глазели на нас, прикрывая руками рты.

– Чья это была идея? – наконец спросила Мирима.

– Моя, – солгала я. – Я бродила по Конюшне и вдруг увидела ее. И подумала, что она станет прекрасным даром для твоего племянника.

Самбал зашипел, словно у него во рту был кипящий котел.

Мирима провела рукой по глазам, словно Селена каким-то чудом могла исчезнуть.

– Дорогая, я вполне способна сама выбрать ночное развлечение для наследного принца. Как султанша этого гарема только я решаю, кому позволить в него войти.

Я склонила голову:

– Приношу свои извинения султанше. Но в прошлом году его высочество подарил мне служанку. Милую молодую ру-

тенку. Я подумала, что теперь могу отплатить за подарок.

– Сира, за подарки платить не требуется. Дары делают те, кто что-то имеет, тем, у кого этого нет. – Она по-старушечьи вздохнула. – Но я вижу, у тебя благие намерения. Я не стану тебя наказывать. Однако эта... это... грязное создание не может остаться здесь. Отошли ее обратно в Конюшню.

Что ж, довольно резко – Мирима знала толк в колкостях. Хорошо, что Селена не понимает парамейский.

– Грязное? Что ты имеешь в виду? – спросила я, надеясь, что не испытываю терпения Миримы.

– Погляди на нее, – приказала Мирима.

Я взглянула на Селену, смотревшую в пол, почтительно сцепив руки на животе.

– Ничего плохого не вижу, – ответила я. – Очень славная девушка с широкими плодородными бедрами. Может быть, она подарит наследному принцу Кярсу еще одного сына.

– Как раз этого мы не хотим, – сказала Мирима. – Еще один сын со слабой кровью каких-то западных свинопасов, ненужный соперник для Селука, очередная марионетка гулямов и визирей. Как ты думаешь, почему род Селуков в Аланье оставался сильным на протяжении сотен лет, когда наши кузены с севера и востока захлебывались от гражданских войн и вторжений? Потому что мы осторожно выбираем тех, кто производит потомство. Наша кровь происходит из Пустоши, как и твоя. Эта кровь должна обновляться из истока, а не смешиваться не пойми с чем.

Если я все испорчу, Хадрит будет в ярости. Но что я могла ответить Мириме? Не все женщины Кярса были из Пустоши, но такие, по крайней мере, имели статус.

И я ляпнула глупость:

– Она дочь императора Иосиаса.

Самбал крикнул, потом рассмеялся, шлепая по бедрам:

– В самом деле? Тогда ее крестейский должен быть безупречным, даже совершенным. – И он что-то сказал Селене по-крестейски.

Ну конечно, Самбал тоже родом из Крестеса, у меня это вылетело из головы. Хотя я забыла, из какой области.

Селена что-то произнесла в ответ. Нижняя губа евнуха отвисла, и он отвернулся, сдвинув брови на переносице.

– Что ты сказала? – прошептала я Селене.

– Ничего.

Она не доверяла мне.

В свою очередь, Самбал зашептал что-то Мириме. Я почувствовала себя ребенком, исключенным из веселой игры. Что такое здесь происходит?

Мирима щелкнула пальцами, обращаясь к одному из евнухов, столпившихся у дверей.

– Дайте ей комнату, – приказала она. – Искушайте ее, позовите портного, чтобы снял с нее мерки. И пригласите целителя.

Что бы ни сказала Селена, это все изменило.

– Что такое ты сказала? – спросила я достаточно гневно,

чтобы дать ей понять, что не шучу, но не слишком резко, чтобы не напугать.

– Почему я должна тебе говорить? Ты была испытана на пути. Архангел тебя видел. У тебя был шанс сделать добро и помочь мне возвратиться домой. Но ты избрала путь зла, и теперь я здесь. Мне придется самой сражаться с волками. Не желаю больше тебя видеть.

Она говорила как шейха, которая однажды отчитала меня за кражу рахат-лукума.

– Я здесь тоже живу, идиотка. Тебе придется часто меня видеть. И даже не думай идти против меня. Теперь выкладывай, что ты им сказала, или я изо всех сил постараюсь превратить твою жизнь в ад.

– Съешь свой тапок, – сказала она.

Дразнилка силгизских детей. Я не знала, что и у сирмян есть такая.

– Только дети так говорят!

– Да отстань ты, жирафа!

Самбал растащил нас:

– Девушки, девушки. В высочайшем гареме не позволено драться. Селена, прежде всего запомни – говорить всегда нужно шепотом. Сира, марш отсюда, сейчас же. Да, находка прекрасная, но дальше мы разберемся с ней сами.

Вернувшись в свою комнату, я швырнула хрустальную чашку об стену. Она не разбилась, лишь отскочила. Меня это не удовлетворило. Я схватила медное блюдо, стряхнула

с него черный виноград и ударила о дверцу шкафа. Блюдо раскололо дерево, с грохотом упало на пол и покатилося.

Хадрит говорил мне: «Кого бы ты ни выбрала, стань ей лучшей подругой. От нее ты должна узнавать о Кярсе все, что только возможно».

Я тогда ответила: «Я же дружу с Зедрой. Она уже знает про него все».

«А она когда-нибудь рассказывала тебе подробности? Интимные?»

Я подумала и ответила: «Нет, никогда. Она очень скрытная».

Хадрит поднял брови в самодовольной ухмылке и сказал: «Скрытным людям часто есть что скрывать. И Зебра ничем не обязана тебе, в отличие от новой рабыни. Мы должны знать все о будущем шахе и его делах – мирских, духовных, ночных. Ты меня понимаешь?»

Я села на свою низкую кровать и уткнулась головой в колени. Хадрит, Хадрит, проклятый Хадрит. Лишь о нем я думала последние несколько лун, это как болезнь, от которой я не могла излечиться. Но испытывал ли он хоть что-то к своей козочке?

– Очевидно, нет, – сказала я вслух, и на глазах проступили слезы. – Я такая глупая. Я помнила каждый миг, проведенный с ним. Восемь лет назад я увидела его впервые – он смеялся, сидя за низким столиком с принцем Фарисом, младшим братом Кярса. Мы столкнулись потом в коридоре, Хад-

рит улыбнулся, почесал затылок и сказал: «А ты хорошенькая». А в прошлом году, вернувшись из торговой поездки в Кашан, он дал мне маленькую механическую лошадку. «Это из Шелковых земель, – сказал он так, словно сам их завоевал. – Она навела меня на мысли о тебе».

Сколько он покупал механических лошадок и для скольких доверчивых девушек? И могла ли я ожидать, что он будет отличаться от Кяrsa – человека, с которого так хотел брать пример?

Дверь со скрипом открылась. Опустив глаза, вошла Вера, моя юная служанка-рутенка. Кярс подарил мне ее несколько лун назад, хотя у него она прослужила намного дольше. Девушка затворила за собой дверь.

– Госпожа. – Она опустилаcь у края кровати, положила теплую руку мне на колено. – Половина зала слышала ссору. Что случилось?

– Я такая никчемная.

Она придвинулась ближе и коснулась обеих моих коленок:

– Снова из-за него?

– Почему я ничего не могу сделать правильно?

Она взъерошила свои желтые волосы, а потом осторожно села рядом со мной.

– Вы расстроены.

– Ну конечно, расстроена. Вечно все у меня не так. Все, что я делаю, ни к чему хорошему не приводит. Мне почти двадцать четыре, я не замужем и лишь брожу целыми днями

по саду, забиваю голову поэзией и трачу чужие деньги на всякие пустяки на базаре.

– И вы думаете, что Хадрит избавит вас от всего этого?

– Кто-то же должен. Знаешь, брат предлагал забрать меня. Я сказала ему, что мой дом здесь, в Песчаном дворце, и другого у меня нет. И все-таки иногда мне кажется, что эти стены – просто комфортабельная тюрьма.

Плечо Веры тесно прижалось к моему.

– Хотеть нужно то, что имеешь.

И такое в Рутении считается мудростью? Но я не должна винить Веру за недостаток ума. Кярс купил ее не для разговоров.

– Все, что у меня есть, – только внешнее. А внутри я опустошена. Легче легкого облачка.

– Не согласна. Когда Кярс сказал, что отдаст меня кому-то другому, клянусь, это было самое ужасное, что я когда-либо слышала. Половина здешних женщин бьет служанок, а другая половина считает нас слишком низкими, чтобы даже коснуться. Но когда я узнала, что это вы, то обрадовалась. Потому что вы добрая. И хорошая.

Она положила руку мне на бедро.

– Стоп, – сказала я. – Я этого не хочу.

«Следуй истинным путем», – пронеслись у меня в голове слова Хизра Хаза.

Ее рука скользнула выше, и прикосновение было так приятно. А потом Вера произнесла:

– Вы расстроены.

Я покачала головой, но решимости оттолкнуть ее руку мне не хватило.

– Это неправильно.

– Все неправильно, – жарким шепотом прошептала она мне на ухо.

Ее пальцы скользнули дальше. Я прикрыла глаза и просунула руку ей под рубаху.

В купальне я снова расплакалась. Истинный путь. Так учило нас Писание Хисти, и важнейшая заповедь была в том, чтобы поклоняться лишь Лат и никогда не верить в других богов. Во-вторых, заботиться о своей душе и не загрязнять ее грехом, нечистотой и низкими помыслами. Шейхи сеяли во мне эти семена, но они не пустили корни, их сдуло, как тонкий верхний слой почвы на солончаке. Я боялась, что испорчена навсегда. Нечиста и разумом, и телом, и духом. И ни пар, ни вода меня уже не очистят, я не стану снова хорошей, значит, мне больше нечего терять.

Я должна добиться успеха, в какую бы игру ни играла. Да, Селена говорила резко, но за этим я чувствовала испуганную маленькую девочку. Я должна научить ее уважению, пусть она будет обязана мне, чтобы могла стать полезной для нас с Хадритом.

Оттирая себя с удвоенной силой, я внезапно поняла, что нахожусь в той же парной, что и вчера. Отодвинув жаровню с углями, я с удивлением увидела, что кровавый отпечаток

остался на месте. Но поскольку на этот раз жаровня сдвинулась дальше, я заметила еще кое-что – странную, нарисованную кровью картинку. Я присела, чтобы рассмотреть получше. Это было похоже на три глаза вокруг звезды.

Я могла бы представить, что какая-то неуклюжая девушка здесь упала, ударилась головой и оставила на стене кровавый след. Но насколько сильно надо было повредить голову, чтобы рисовать собственной кровью?

Странно и пугающе, но чего теперь не бывает? В любом случае, мне хватало своих проблем. Люди постоянно разбивают себе головы и умирают, так что лучше не обращать на это внимания и заниматься своими делами.

Я нуждалась в паузе и поэтому вышла в город в сопровождении двух гулямов. Это меньше, чем обычно, но я не хотела толпы вокруг себя. Мне хотелось выйти за ворота, чтобы повидать брата, но что я ему скажу? Еще больше воспоминаний? Нет, мне нужно принести ему что-то существенное, что поможет разрешить их с Тамазом противостояние, поэтому встретимся позже.

Солнце сверкало надоедливými послеполуденными лучами. Блики света отражались от каждой блестящей поверхности и слепили глаза. Как всегда ближе к вечеру, очереди на площади Смеха поредели, свежие утренние рифмы поэтов выцвели до банальностей и клише. Я протиснулась в начало очереди к поэту, напоминающему обернутую травой свинью, в надежде, что он взбодрит меня проницательной похвалой.

– Госпожа! – сказал он, завидев меня. – Солнце выглянуло из-за туч...

Прежде чем он успел договорить, я развернулась и пошла прочь. Провались они, эти солнце, и луна, и звезды, и реки, и океаны, и гранаты, и кипарисы, и любовь, и смерть, и воскресение, и свет, и тьма. Хватит этого пошлого вздора.

Химьяр сидел на своем медном троне на другом конце площади. Когда я подошла к нему, он очнулся от дремы, потянулся и зевнул, словно утомился после долгого дня. И захлопнул наполненный монетами сундучок.

– Закрыто, – объявил он.

Сунув руки в мешочек с монетами, я звякнула золотом и серебром.

– Я уже заработал достаточно, хватит, чтобы набить живот, купить выдержанное финиковое вино и много другого, – усмехнулся он. – Приходи завтра.

– Я пришла из дворца. Сочини для меня стихи.

Химьяр усмехнулся:

– Из дворца. Будь ты из Селуков или женщиной кого-то из них, так и сказала бы. Но ты из дворца – может, там за столом прислуживаешь?

Молодой темнокожий мужчина насмешливо улыбнулся, и мои кулаки невольно сжались.

Он продолжил:

– Злишься, потому что принцы не хватают тебя за задницу, когда ты подаешь им напитки? Для этого нужно иметь

ее, дорогуша.

Мои брови поползли вверх. А потом дошло – это были его стихи. Вот за это люди ему платили.

Он указал на мою грудь:

– Я видал виноград, более пригодный для ласки.

Он знал хоть одно приятное слово?

– Это все, на что ты способен? – равнодушно спросила я. – Оскорбляешь внешность? Глубже посмотреть не пытался?

– Глубже? Ты глубока, как проникновение евнуха.

Я кивнула:

– Лучше. А что еще?

Он махнул, чтобы я уходила:

– Это на закуску. А за большим приходи завтра.

– Скажи мне, кто я, химьяр.

Он со вздохом сел на медный трон и потрогал фальшивый рубин в подлокотнике.

– Так случилось, что у меня есть имя. – Он провел рукой по коротким и мелким кудрям. – Эше.

– Я забуду его к утру.

Он смотрел на меня, склонив голову, а потом его взгляд стал искренним и почти сочувственным.

– Хочешь знать, кто ты? Ты приходишь трижды в неделю со своей подругой, более чувственной. Ты цепляешься к ней, как пиявка, без всякой цели. Знай ты, чего хочешь, тебя бы здесь не было, но ты не знаешь и заполняешь эту пропасть чем придется, потому что, по сути, ты дрожащая маленькая

девочка, и холодные пальцы отчаяния как петля обвили твою шею.

Я почувствовала эти холодные пальцы и содрогнулась, хотя меня и окружало тепло заходящего солнца.

– Ты за мной наблюдал? – спросила я. – Знаешь, кто я?

Эше покачал головой, слез с трона и спустился с помоста. Стоя лицом к лицу, мы были одного роста, и я видела прорехи в его бороде.

Он протянул ладонь:

– Ты знаешь текущие цены. Заплати и возвращайся в свой дворец. Завтра будет новый день. И даже не думай пролезть без очереди. Перед этим тронном, – он указал на свой дешевый медный стул, – все одинаково ничтожны.

4. Зедра

Одного нельзя в Кандбаджаре – забывать вернуть книги. Особенно книги, позаимствованные в Башне мудрости.

Наказание за это – десять плетей за каждый день опоздания. И если ты не Селук, дворец тебя не спасет. Султанши, паши, крестьяне – все терпели плеть Философов. У Башни даже был собственный палач, и, если верить рассказам, он не особенно скучал. По мнению ордена Философов, утратить знание хуже, чем утратить жизнь, поскольку чернила тяжелее крови.

Зачем так наказывать из-за чернил и бумаги? Потому что некоторые тома в Башне были единственными экземплярами в мире и печатные станки не могли размножить их достаточно быстро. Эти станки – истинное чудо, одно из многих изобретений, поразивших меня, когда я оказалась здесь. Я могла ненавидеть Селуков сколько угодно, но, вступив в союз с Философами, они не только накопили знания, но и применили их.

К счастью, я была в Башне на хорошем счету, и как султанше мне было запрещено посещать только два верхних этажа из двенадцати. Сегодня я поднималась по винтовой лестнице на восьмой. Глядя сверху на Кандбаджар, я вспомнила черного дронго. Что за чувство – свободно лететь, будучи лишь перьями в воздухе. Тела из кожи, костей и мяса, кото-

рые мы таскаем, одеваем и защищаем доспехами, казались теперь проклятием создавшей нас звезды. Как это печально, ведь даже если человечество избежит Великого ужаса, мы обречены никогда не летать.

Пораженческие мысли ослабили мои и без того усталые колени – после подъема на семь этажей я задыхалась и снова чувствовала себя старухой. Чтобы передохнуть, я заглянула в читальный зал на седьмом этаже, полный мужчин с внушительными усами, в струящихся одеяниях и ярких тюрбанах. Одни толпились у ниш с книгами, другие полулежали на деревянных оттоманках, опираясь локтями на лазурные подушки. Весь этот этаж был посвящен военной тактике, так что все они, вероятно, были хазы, гулямы и члены ордена.

Одного я узнала – командующий гулямами Като в золотом тюрбане и бронзовом кафтане. Он лежал на оттоманке с книгой в руках. На обложке было написано «Подавление конных лучников: тактика противостояния притворным отступлениям и фланговым атакам, том пятый». Неужели такая специфическая тема требует пяти томов? Рядом лежала стопка книг, вероятно, с такими же громоздкими названиями. Что ж, предводителями гулямов не становятся невежественные дураки. Но если Като здесь, сделал ли он то, о чем я просила?

Като положил книгу и потянулся. Я шагнула назад, чтобы он не заметил меня. Лучше ему не видеть другие мои стороны, а уж тем более целое. Я побрела на восьмой этаж.

Круглую комнату покрывали стеллажи, разделенные на квадратные секции, в которых лежали стопки по три или четыре книги. Один Философ рассказывал, что так каждая книга может «дышать, отдыхать и наслаждаться». Они действительно ценили книги выше жизнью.

«Типы крови» Алигара из Зундука, том второй, должен стоять на седьмом стеллаже, вторая слева и третья сверху секция. Я обошла всю комнату, пока не нашла седьмой стеллаж. Но, что странно и тревожно, в нужной ячейке лежала только пыль.

Я подошла к библиотекарю, стоявшему над огромной конторской книгой. На нем была похожая на башню фетровая шляпа Философов и синяя мантия с черной оторочкой.

– Выдана, – ответил он, когда я спросила про книгу.

– Кому?

– Мы не сообщаем такие сведения.

Ни намек на вежливость на скучном, старом и рябом лице.

Я едва не сказала, что я – возлюбленная наследного принца. Но потом поняла, что библиотекарь даже не называл меня «султанша». Ему просто плевать на мой титул.

– Когда ее вернут?

– Через неделю.

Обычный срок, означавший, что книгу взяли сегодня утром. Но кто еще в этом городе мог интересоваться древним томом по медицине? Стоит ли мне беспокоиться?

Пока я могу обойтись и без него. Первый том освежил мои знания о крови – она бывает с разными вкусами, как шербет. Каждым типом можно написать определенные руны, и некоторые могут быть написаны более чем одним типом. Второй том предположительно описывал самые древние типы, что поможет мне определить их, если я их когда-нибудь снова встречу.

Разочарованная, я покинула Башню мудрости и вернулась к себе. В полдень я отправилась в тронный зал Песчаного дворца. Вход во дворец охранял симург, его волчья голова смотрела вниз с резных арок из песчаника. Орлиные крылья распростерлись над садом, давая больше тени, чем пальмы. Селуки слишком гордились своими птичьими символами. Говорят, над созданием одной этой статуи трудилось двести ремесленников в течение шести лет, хотя большинство историй в этом городе изобиловали преувеличениями.

Сквозь стеклянный купол тронного зала струился солнечный свет. Каган силгизов стоял во главе двадцати воинов, все были в бордовых доспехах, словно явились на битву. Напротив них на золотой оттоманке восседал Тамаз и метал взглядом молнии в закованного в цепи человека, скукожившегося у помоста.

– Пусть весь мир станет свидетелем, – произнес Тамаз. – Скажи это еще раз.

Человек с подстриженной бородой носил грязный кафтан и вонял даже с такого расстояния. Кончики его пальцев были

обрезаны, словно колбаса. Перо он больше держать не мог.

– Мне приказал написать это посланник кагана йотридов, – сказал он.

– Ты... ты был моим писцом, – с отвращением бросил Тамаз, – а не кагана Пашанга. Так почему же ты это сделал?

Писец с дрожащими губами смотрел в пол, но молчал. Хорошо.

– Похоже, придется еще потрудиться, чтобы добыть из него правду.

Тамаз махнул рукой, и к писцу подошли два гуляма с золочеными булавами в мускулистых руках.

– У меня есть вопрос, – прогремел чей-то голос из толпы. Жесткий голос, который как будто отдавался эхом сам по себе.

– Подойдите, Великий муфтий, – сказал Тамаз.

Хизр Хаз откинул капюшон: его подстриженные седые волосы и грубый коричневый халат казались неуместными среди великолепия Селуков.

– За какие грехи они были наказаны? – спросил он.

Действительно, в написанном писцом послании говорилось: «Расплата за ваши грехи».

Несчастный продолжил дрожать на полу. Затем поднял взгляд на Великого муфтия и сказал:

– Они сожгли все цветы.

Хм. О чем это он?

– Цветы? Где? – нажимал Хизр.

Писец всхлипнул, глядя шейху в глаза, и пробормотал:

– Посланник кагана йотридов приказал мне это написать.

Ему нечего было больше сказать. Хорошо.

– Каган Джихан, можете забрать этого человека. Делайте, что посчитаете нужным, чтобы узнать правду и найти тех, кто незаконно обезглавил ваших людей.

Джихан шагнул вперед и окинул дрожащего писца ледяным взглядом. Он и правда напоминал Сиру – оба высокие, но Сира тонкая, а Джихан достаточно крепок, чтобы устрашать. Его длинные волосы вились меньше, чем у нее, хотя разве не считалось неуважением мужчине щеголять длинными волосами в присутствии шаха? Возможно, ему было все равно.

– Этот писец вот-вот обделается, – сказал он на силгизском, родственном диалекту, на котором говорило соседнее с моим племя. – Но все же он никого не убил. Он всего лишь сделал свою работу – написал. Правосудие требует убийц, а не этого беспалого дурака.

– Возможно, каган Пашанг сможет поведать вам больше, – сказал Тамаз на сирмянском, тоже родственном силгизскому.

Джихан покачал головой:

– Хотите верьте, хотите нет, но когда-то мы с Пашангом были друзьями. Даже лучшими друзьями. Не могли наговориться друг с другом. Однажды, когда мы боролись, он ударился головой о камень. С тех пор у него не все дома. – Он

постучал по голове. – Он будет рад, если силгизы и Аланья начнут войну, но... хитроумные планы – не его конек.

– Кто-то другой мог предложить идею, а он лишь отдал приказ, – настаивал Тамаз.

– Кто-то другой. Вы так этого хотите.

Тамаз поднял руки:

– Похоже на то, чтобы меня заботило, чем занимаются на рынке силгизские торговцы?

– Торговцы пряностями, – поправил его Джихан. – С тех пор как я у власти, мы, силгизы, обеспечили сухопутные пути к нескольким царствам – поставщикам пряностей. Интересно, кто еще здесь торгует пряностями и может потерять деньги?

Толпа ахнула. Я смотрела, как где-то в ее центре Озар утирает золотым платком пот с розового лица. Все развивалось так, как я надеялась.

Тамаз вздохнул. Старик явно был сыт интригами на сегодня.

– Вы не желаете принимать признание. Не хотите брать деньги за кровь. Что еще я могу сделать для вас, каган?

– Похоже, вы не хотите наводить чистоту в собственном доме. Неужели вы с такой готовностью принимаете убийц при своем дворе?

Учитывая, что Озар женат на сестре шаха, у Тамаза не было особого выбора.

– А кто же вы сами? – усмехнулся Тамаз. – Только не при-

творяйтесь, что на ваших руках нет крови. Я уважаю, когда жестко торгуются, но ваша любовь к справедливости исчерпала себя. Чего вы хотите, Джихан, сын Ямара? Говорите прямо или ступайте с миром.

Я не сводила глаз с Сиры, стоявшей у покрытой каллиграфической вязью колонны впереди и кусавшей губы. Она слишком много потеряет, если эти переговоры сорвутся. Что касается меня, то у меня был запасной план – точнее, несколько. Глупо полагаться на один исход в мире, порожденном хаосом.

Джихан свистнул и указал на выход. Вместе с воинами он ровным шагом покинул зал. Оставшиеся начали переговариваться. Тамаз взял трость и захромал к выходу в окружении гулямов.

– Меня подставили! – крикнул Озар одному из визирей. – Меня подставили!

Выходя из зала, я увидела Като, прислонившегося к стене с мешком в руках. Должно быть, там золото. Он заметил меня, кивнул и улыбнулся. Я удовлетворенно кивнула в ответ.

Проходя по дворцовым коридорам по пути в свою комнату, я размышляла о крови. В частности, о семнадцати типах крови, текущих в жилах человечества. Но большинство из живущих обладали одним из четырех типов: искатель, сеятель, поселенец или солдат.

Хотя Алигар считал, что названия имеют медицинское значение, на мой взгляд, они условные и не описывают ника-

ких качеств обладателей. Не то чтобы меня сильно интересовали различия между четырьмя обычными типами и их магическое применение. Гораздо больше меня занимали редкие типы. В особенности один: кровь завоевателя.

Но, как я выяснила, кровь завоевателя почти невозможно найти. Во времена Селука она была широко распространена в Бескрайности (поэтому Алигар так ее и назвал), где ею обладал каждый десятый против одного из тысячи аланийцев. Но теперь она предположительно встречалась в сотню раз реже, чем при жизни Алигара. И требовалась мне, чтобы начертать особые руны.

Я открыла дверь своей комнаты и увидела главного евнуха Самбала, который стоял босиком на моей кровати и орудовал метлой не с того конца, как будто копьем.

– Что ты делаешь?!

Как он посмел ворваться в мои покои без разрешения? Я хотела выхватить метлу и сломать о его голову.

Он склонил голову. Я не из Селуков, поэтому это было неподобающе, но кому какое дело.

– Мои извинения, султанша. Крыса по наущению Ахрийи вбежала в твою комнату, мне пришлось броситься в погоню, чтобы убить ее и положить конец набегам на кладовые.

О нет, он увидел мою крысу. Глупое создание вечно попадает в неприятности. Что еще он видел?

– Убирайся!

Я захлопнула и заперла за ним дверь – замок заменили

после того, как предыдущий сломался в самый неподходящий момент. Я заглянула в колыбель. Пусто. Сердце чуть не выскочило из груди, пока я не сообразила: очевидно, за малышом сегодня присматривает Мирима. Я выдохнула с облегчением, страх, что все повторится, ослаб.

Отодвинув фальшивую стену за кроватью, я вытащила принадлежности: коробку крошечных бутылочек с кровью, разные деревянные контейнеры с кусочками недоеденной пищи и свои записи.

Пищу, наверное, надо выбросить. Попробовав чью-то слюну, я могла узнать тип крови и уже понимала, что Тамаз и Като – искатели. Я тоже искатель, а значит, их кровь бесполезна для меня. Первый поцелуй с наследным принцем Кярсом раскрыл в нем сеятеля (кроме всего прочего) – такой же бесполезный тип, поскольку для большинства рун, которые можно начертать кровью сеятеля, годится и кровь искателя. Четыре основных типа слишком сильно пересекались, чтобы быть полезными.

Я поднесла бутылочку с кровью завоевателя к красным лучам полуденного солнца, льющегося с балкона. Осталось всего несколько капель разбавленной водой крови. Но я надеялась, что запасы пополнятся.

Я легла на кровать, и тяжесть мира придавила меня к шелковым простыням. Я понюхала красные тюльпаны в инкрустированной изумрудами вазе у кровати. Зная, как они мне нравятся, евнухи каждый день приносили свежие из сада

наслаждений. Аромат тюльпанов почему-то напоминал дом, хоть они и не росли там, где я жила.

Врата в фанаа – это небытие. Бога можно нарисовать только на чистом листе. Так говорил отец Хисти, хотя этого не найти в Писании Хисти. Я сама пошла бы на костер, если бы заодно могла сжечь все тома этой лжи. Как печально, что гнев так легко разрушал мою фанаа. Он – источник моей слабости, но что-то же должно меня подпитывать.

Через час в дверь осторожно постучали. Я встала, потянулась и открыла. Вера, очаровательная служанка с клубничными щечками, которую я заставила Кяrsa подарить Сире, поприветствовала меня и вошла внутрь. Из кармана платья она достала шелковый платок с пятнами крови и с довольной улыбкой протянула его мне.

– Не ожидала так быстро, – сказала я. – Как это ты смогла?

– Я делаю то, что велит моя султанша.

– Нет, в самом деле, как ты это раздобыла? Надеюсь, ты не причинила девчонке вреда.

– Я ни за что ее не обижу, – сказала она с таким искренним, любящим взглядом. – Она прекрасна, как лилия среди снега.

Мне не требовалось много крови. На шелке, наверное, была кровь из носа. Я поднесла платок ко рту и лизнула. Ураган пряностей и металла, словно монету обмакнули в тамаринд. Неприятный вкус, но Вера не солгала. Кровь завоевателя.

Я поручила ей достать кровь только сегодня утром. Как

она справилась так быстро?

– Откуда кровь? – спросила я.

Вера показала на нижнюю губу:

– Вот отсюда.

Я заметила, как Сира кусала губы в тронном зале. Должно быть, она перенервничала и укусила слишком сильно.

Но щеки Веры из клубничных стали гранатовыми. С чего это она краснеет?

– Ты кажешься слишком счастливой, – сказала я, следуя за ее уклончивым взглядом.

– Я лишь рада услужить тебе, султанша из султанш.

Сказано так музыкально.

Возможно, ее методы лучше держать в секрете, как и мои. Я не могла этого осуждать – от секретов часто зависело выживание.

– Ты хорошо послужила мне, дорогая. Я этого не забуду.

Кивком я указала на дверь.

Когда она ушла, я минуту вымачивала платок в воде, затем перелила красноватую жидкость в чашку. Хорошо, что кровь в основном состоит из воды: добавляя воду до определенного предела, можно написать больше рун меньшим количеством крови.

Если бы только в моих жилах текла кровь завоевателя. Как печально, что мне досталась кровь искателя, учитывая, что мои предки обладали кровью бога, одним из тринадцати редких типов. Возможно, редчайшим, хотя сейчас почти

невозможно найти любой из них, основные типы разбавили их почти до полного исчезновения.

Перелив кровь Сиры в крошечный флакон, я отправилась в путь.

Эту руну я размещу в винном погребе, в нескольких минутах ходьбы от моей комнаты. Наложницы туда не спускаются, но евнухи и служанки делают это постоянно. Прохладное, сырое место с запахом кислятины, заполненное штабелями бочек и бутылок. Конечно, никто ничего не заметит.

Добравшись туда, я обмакнула палец в кровь, словно в чернила, и начертала узор душ как можно изящнее в щели за бочками, от которых пахло ячменной бражкой. Он напомнил глаз внутри глаза. Я прошептала заклинание: «О Утренняя звезда, дай ей жизнь, как ты дала жизнь нам». Кровавая руна на мгновение засветилась, как будто Утренняя звезда ответила: «Я услышала и дала».

По дороге обратно я столкнулась с Сирой. Рана на ее нижней губе размером с зуб выглядела глубже, чем от обычного нервного покусывания. Я показала на свою губу и спросила:

– Что случилось?

Она быстро отвела взгляд и выпалила на едином дыхании:

– Ох, да я просто прикусила губу во время еды. Так неосторожно. Так стыдно.

Прикусила... во время еды? Что ж, сведения из первых уст, поэтому я решила, что тайна раскрыта.

– Я собиралась выпить кофе. Не хочешь присоединиться?

Она кивнула. Мешки под глазами выдавали, что ночь была бессонной и тревожной. Кроме того, Сира казалась необычно застенчивой, когда мы сидели за низким столиком в танцевальном зале гарема. Сира держалась спиной к танцовщицам и флейтисткам – в последнее время ее перестали интересовать обычные развлечения.

Я высказала то, что было у меня на уме:

– Это было мило с твоей стороны, прислать Кярсу подарок в ответ.

С легкой улыбкой она ответила:

– Так меня воспитали.

– Красивая крестейская девушка. И такая молодая. Кярс будет в восторге.

Нужно ли мне изобразить ревность? Ничто не могло волновать меня меньше, чем с кем спит Кярс, поскольку его семя бесплодно, как пустыня Зелтурии. Меня скорее беспокоили мотивы Сиры. Точнее, мотивы ее кукловода.

– Надеюсь на это, – ответила Сира, глядя куда-то вдаль.

– Что случилось, дорогая?

Я накрыла ладонями ее руки.

Она надула губы и сказала:

– Я беспокоюсь о своем брате. И шахе Тамазе. – Ее голос дрогнул. – Мне показалось, что дело идет к драке. Я просто хочу, чтобы их противостояние закончилось.

– Ты – единственное, что их объединяет. Уверена, ты сможешь стать мостом между ними.

Последнее, чего бы мне хотелось.

Она покачала головой:

– Я? Что я знаю о политике, о правосудии, обо всем? Я просто невежественная девчонка из Пустоши.

Несколько моих дочерей тоже страдали от подобной неуверенности в себе. Хадрит явно понимал, как воспользоваться слабостью девушки, что делало его раздражающим, если не опасным противником. Сира не только обладала полезной для меня кровью завоевателя, но и последние восемь лет обучалась у тех же Философов, что и Кярс. Однако, в отличие от Селуков, она не жила в роскоши с рождения и потому, естественно, имела неудовлетворенные желания. Похоже, Хадрит знал, как на них играть. Без его высокого роста, бороды и золота я не могла с ним соперничать.

Теперь возникла дилемма: поощрять ее слабости или убеждать в силе? Возвысить ее или сломить? Мне не нужна была конкуренция. Хадрит и так мешался, а если Сира поддержит его планы, это может поставить под угрозу все, ради чего я страдала. Все, что меня заботило: возвращение Потомков, предотвращение Великого ужаса, моя пламенная жажда мести – все это пронеслось в голове за одно нерешительное, болезненное, горькое мгновение.

– Сира, дорогая, ты словно алмаз, считающий себя кварцем. Маленький львенок, из-за размера полагающий себя уличным котом. Ты не невежественна и не слаба. У тебя есть все, что нужно. Уверена, если ты поговоришь с братом, пого-

воришь с шахом, нам всем будет лучше. Ты никогда не узнаешь свою силу, пока не попробуешь.

Я сжала ее руку. Если бы только я сказала эти слова своим дочерям, внучкам и правнучкам, пока они еще дышали.

Она закрыла глаза, и из них полились слезы. Похоже, я тронула ее сердце.

– Ты правда так думаешь?

– Я это знаю, милая.

Мне хотелось спросить ее о Хадрите и чувствах к нему. Но как это возможно, не раскрывая, что я шпионю за ними? Хадрит и Сира редко встречались в открытую, так что я не должна была знать. Можно ли как-нибудь выпытать?

– Сира, ты когда-нибудь думала найти себе мужа?

Учитывая нашу дружбу, можно предположить, что мы уже не раз это обсудили. Но мы с Сирой не говорили о таком, я – по очевидным причинам, но почему она никогда не затрагивала эту тему, я толком не понимала.

– Конечно, думала. Мне почти двадцать четыре. Но никто не делал предложения.

Трудно в это поверить. Сотни визирей и пашей с радостью заполучили бы сестру кагана, для себя или сыновей. В Аланье полно богатых купцов, Philosophов, шейхов, и такая девушка не могла остаться незамеченной.

– Ты когда-нибудь спрашивала шаха Тамаза, делал ли кто-нибудь предложение? Он твой опекун, они должны были обращаться к нему.

– Разве он не сказал бы мне?

– Вовсе не обязательно, если он считал предложения неподходящими. Ты должна спросить его. – Я игриво подняла бровь: – Если только... если только у тебя нет никого на примете.

На ее розовеющих щеках образовались ямочки, когда она улыбнулась.

– Ну, может быть. То есть я не знаю.

– Ради Лат, кто же он? Ты не можешь скрывать это от меня!

Она выпрямилась и решительно откинула прядь волос со лба.

– Ладно, это Хадрит.

Так... и что же мне делать? Поощрять этот ужасный союз или зародить сомнения? Подруга поддержала бы, но Хадрит разнюхивал повсюду, словно ищейка, и мог разрушить все, что я построила. Что бы я сказала, будь Сира моей дочерью?

– Если все получится, мы с тобой будем видеться чаще, – сказала я. – Они с Кярсом большие друзья. Даже лучшие друзья. И они так... сильно похожи. В хорошем смысле... и в некотором не очень хорошем.

Она нахмурилась:

– Например?

– Например, на прошлой неделе... э-э-э, знаешь, мне не следовало говорить. Забудь об этом.

Она подалась вперед:

– Скажи мне.

Я сжала руки.

– Я шла на Большой базар и увидела Хадрита выходящим из.

– Откуда?

– Ты знаешь.

– Из дома наслаждений?

Я кивнула.

Сира отвела взгляд, больше опечаленный, чем удивленный.

– Он встречается с разными людьми. Иногда ему нужно водить визирей и послов в такие места, чтобы заключать сделки и тому подобное.

– Ты права. Хотя было кое-что еще.

Сира поставила локти на стол.

– Что еще?

– В другой день я видела его с дочерью Великого адмирала. Ты ее знаешь, девчонка с огненно-рыжими волосами. Наполовину кармазийка. Они выглядели...

– Влюбленными?

В ее голосе сквозил страх.

– Я бы использовала... более сильное слово.

Готово. Ее зрачки расширились от гнева, и она снова ссутулилась. Похоже, я преуспела.

– Ты пытаешься отговорить меня, – сказала она. – Почему? Или, может, я не.

– Нет, дорогая, я не.

– Ты ревнуешь?

Я видела ее кулак под столом.

– Что? Нет, я просто забочусь о тебе.

– Вовсе нет. Думаю, ты знаешь, насколько могуществен Хадрит, и не хочешь, чтобы я оказалась рядом с такой силой. Потому что тогда она станет соперничать с твоей.

Уф. В груди нарастало разочарование. Я просчиталась. Возможно, я недооценила ее амбиции, и теперь разговор, который так хорошо начался, пошел наперекосяк.

– Сира, я просто хочу, чтобы ты была счастлива.

– Скажи, ты сама счастлива?

Я покачала головой в припадке честности. Если бы она знала всю глубину моего отчаяния.

– Счастье для дураков, – сказала она. – Для пьяниц. Для искателей удовольствий. Я не ищу счастья. Я выросла в таком месте, где целые племена сражаются за то, чтобы есть крыс. Потом меня привезли сюда и дали все, что можно только представить. – Мы похожи больше, чем она может поверить. – Знаешь, почему шах Тамаз не нашел мне мужа, несмотря на мой возраст? Потому что я его заложница. А зачем нужен заложник, если его нельзя использовать как предмет торга или пожертвовать, когда понадобится? Думаешь, я не понимаю, что если силгизы нападут, он купит ценой моей жизни время на то, чтобы вернулся твой возлюбленный вместе с его гулямами? Думаешь, я не понимаю, что могу

оказаться в петле?

– Дорогая, я не...

– Хадрит, при всех его жутких недостатках, может спасти меня от этого. Спасет от этого.

– Ты разве не знаешь, что он тебя использует?! – выпалила я. Как безрассудно раскрывать то, чего я не должна была знать. – Говоришь о предмете торга, но что ты для него? Лишь пешка, которой он так же пожертвует.

– Так вот кем ты меня считаешь? – холодно усмехнулась она. – Ты соблазнила Кярса и думаешь, я не сумею так же с Хадритом? Ты действительно считаешь себя лучше, не так ли?

– Я не соблазняла Кярса! Я никто. Во имя Лат, я же рабыня!

Сира покачала головой и усмехнулась:

– Верно, но ты мать его единственного сына. Твой статус никогда не будет подвергнут сомнению, отныне и до тех пор, пока малыш Селук не умрет от старости, а к тому времени ты уже будешь лежать в могиле. Твоя жизнь в безопасности, к твоему счастью. Не мешай мне обезопасить свою.

Будь прокляты святые! Она поняла мою озабоченность совсем не так. Как и мои дочери, если быть честной.

– Что ты сказала? – удивленно подняла брови она.

– Что? Я ничего не говорила.

– Ты сказала «Будь прокляты святые».

О Лат, я думала вслух.

– Нет, ты не так расслышала.

– Я слышала вполне ясно. «Будь прокляты святые». Ты...
следуешь Путем потомков?

Я покачала головой, слишком быстро:

– Нет, конечно нет, это же ересь.

– И все же я слышала.

Нужно что-то придумать. Что угодно.

– Моя мать следовала Пути потомков. Она все время так говорила. Порой, когда я волнуюсь, ее слова... сами срываются с языка. Не знаю почему.

Это была не совсем ложь.

Молчание затянулось. Наконец Сира кивнула:

– Моя мать тоже следовала... следует Пути потомков. Вообще-то вся моя семья.

Нет. Силгизы не были истинными последователями Пути потомков. Они проклинали святых и почитали Потомков, но совершенно неправильно. Поскольку все правильное искоренили. Как я была разочарована, узнав, что одно из немногих племен, заявлявших, что идет истинным путем, тоже заблудилось.

– Ты до сих пор веришь? – спросила Сира.

– Нет, конечно нет. Шейхи разъяснили, какая все это ересь.

– Но ты провела здесь всего лишь год. Несомненно, в душе ты еще должна верить.

– Это запрещено в Аланье.

– Я не спрашиваю, запрещено ли это. Я спросила, веришь ли ты. Ждешь ли прихода Просвещенных? Открытия Врат и всего остального?

Все это были неправильные верования. Потомки никогда не говорили ни о вратах, ни о каких-то Просвещенных. Нам приписали это люди, которые пытались разобраться, но ничего не поняли. И все же одними своими намерениями те, кто сегодня заявлял, что следует Путем потомков, уже были лучше, чем все эти обожатели святых. Если мне удастся восстановить истинный Путь, я буду молиться, чтобы они – и все прочие – стеклись к нему.

– Нет! – сказала я. – Я молюсь святым, как и все остальные.

Она вздохнула, почти разочарованно. Затем закусил губу – там, где осталась рана, – и кивнула:

– У меня есть идея.

Сира встала и устремилась к двойным дверям.

– Куда ты? – спросила я.

Она обернулась, оживленная и порозовевшая:

– За городские стены. Поговорить с братом. Пожалуйста, прости мою грубость. Спасибо за кофе и беседу, дорогая подруга. Скоро увидимся, ладно?

Может, даже раньше, чем ты думаешь.

Что я натворила? Что собирается сделать Сира? Чтобы узнать, насколько я все испортила, я залезла в шкаф и заставила свою душу войти в дронго. Я скользила, наверное, со

второго неба, где небосвод был бесцветный и безоблачный, к облакам, а затем ниже. Я глубоко вдыхала и созерцала мир в его бесконечности. А затем спикировала на верхушку желтой юрты у стен Кандбаджара.

Вокруг силгизы занимались своими послеобеденными делами. Их жизнь напоминала мне о доме – отдых, работа и купание под небом, жарящиеся на вертелах барашки, лошадей вчетверо больше, чем людей. Но мне некогда было упиваться ностальгией. Послышались голоса, в юрте внизу находились Сира и ее брат.

То, что Сире разрешали выходить из города и навещать брата в любое время, показывало, насколько доверяет ей Тамаз. Возможно, мне удастся использовать это доверие, но я обдумаю это позже.

Я заглянула в отверстие, откуда в менее теплое время года торчала бы труба очага. Они сидели на полу близко друг к другу, как и полагается брату и сестре.

– Почему я вообще должен позволить тебе вернуться в эту кучу глины? – говорил Джихан. – Ты должна быть с нами, Сира. Ты не виновата в том, как они изменили тебя. Я виню отца за то, что он был слаб и позволил тебя забрать.

– Хочешь правду? – сказала она. – Я не вернусь. Не потому, что не люблю тебя, и не потому, что не люблю свой народ. Я скучаю по маме, скучаю... почти по всему. – Ее голос дрожал. Она хочет вызвать его жалость слезами? – Но я не скучаю по холоду. И не хочу мерзнуть больше никогда в

жизни.

– Ты остаешься здесь, потому что ненавидишь зиму?

Она кивнула:

– Разве не поэтому ты здесь? До зимы еще три луны. Я знаю, чего ты хочешь, Джихан. Отец всегда говорил об этом. «Мы должны быть как перелетные птицы и искать путь на юг, распевая по дороге». Но аланийцы ни за что этого не допустят. Ты пришел за землей, а не за правосудием, и пытаешься выяснить, насколько готов уступить Тамаз.

Умная девочка. Но Тамаз никогда не отдаст силгизам землю. Ей нужна стратегия получше, чтобы противостоять тому, что я заварила.

– Дело не только в холоде, – сказал Джихан. – Год назад глубинные племена начали мигрировать на юг, принося с собой языческие обычаи. Некоторые едят своих мертвецов. Другие ездят на мамонтах. Бескрайность всегда была опасна, но теперь мы не можем прожить спокойно ни единой ночи. Хотя силгизы сильнее, чем прежде, врагов у нас тоже больше. Если глубинные племена объединятся против нас, не думаю, что мы сможем выстоять.

Как злоеще. Тот или иной каган вечно пытается объединить племена, чтобы идти на юг. Насколько я знаю людей Бескрайности, легче объединить рыб в море, хотя Селук Предатель сумел объединить и рыб, и акул, и дельфинов, и даже кораллы, если провести аналогию.

– Я не утверждаю, что знаю все, – сказала Сира. – Или

даже многое. Но я знаю, что в Аланье все имеет свою цену – стихи, специи, рабы или земля.

– У нас нет столько золота, чтобы заплатить за землю, которая нам необходима. Я надеялся начать здесь торговлю, чтобы заработать больше, но кто-то обезглавил моих купцов, как тебе известно.

Сира покачала головой:

– Когда это золото было нашей валютой, брат? У нас есть то, за что аланийцы отдадут полцарства. И вторую половину в придачу. – Она что, улыбается? Жаль, что я не могла толком видеть ее лицо под таким углом. – Ты знаешь, что у Аланьи больше нет выхода к Юнаньскому морю. Пираты-этосиане, остатки армии, которую Кярс разбил в прошлом году в Сирме, захватили все приморские города и крепости. До зимы осталось три луны. Наследному принцу и его гулямам не удастся вернуть все побережье. В лучшем случае пару крепостей, которые враг снова займет, как только они уйдут.

Эта девушка знала больше, чем показывала. Да и языком владела неплохо.

– Ты предлагаешь мне помочь им?

– Нет. Я предлагаю прогнать пиратов, а взамен шах отдаст тебе побережье, чтобы защищать от его имени.

Идея надуманная, но я уважала ее упорство. Только Тамаз ни за что не согласится.

Джихан фыркнул:

– Тамаз наплюет на это. Мы слишком отличаемся от ала-

нийцев. Может, он и отдаст нам какую-нибудь бесплодную гору, если будем торговаться как следует, но западное побережье? Скорее луна расколется, чем такое произойдет.

– Полагаю, он лучше отдаст его тебе, чем этосианам. Но тебе придется сделать для него еще кое-что. Очень серьезное.

Он ухмыльнулся:

– Убить его врагов и...

Сира встала и оглядела брата, завеса кудрявых волос по-прежнему скрывала от меня ее лицо.

– Пойди в святилище святого Джамшида, встань на колени перед Хизром Хазом и на глазах у всего царства отрекись от Пути потомков, встань на Путь святых от лица всего племени.

– Ты серьезно?

Джихан поднял руки, будто не веря своим ушам.

– Ты хочешь аланийскую землю, но не хочешь становиться таким, как они. Нельзя получить и то и другое, брат. Ты сказал, что не винишь меня за то, какой я стала, но я выбрала этот образ жизни всем сердцем. Я аланийка. Я больше не одна из вас. Хочешь жить в тепле зимой? Хочешь спастись от страшных племен на севере? Нельзя прийти на новую землю, цепляясь за старые обычаи. Тебе лучше поупражняться в парамейском, ведь, насколько я помню, ты никогда хорошо его не знал. Теперь, если ты согласен, я пойду и передам предложение шаху Тамазу.

Впечатляюще. Я давно усвоила, что многим мужчинам, чтобы сдвинуть горы, нужна лишь хорошая порка острым языком. Ее самоуверенность потрепала мне нервы, и я захлопала крыльями.

– Что ж... – Джихан почесал бороду. – Обращение в другую веру вырвет эту вечную занозу из моей задницы – Гокберка и его проклинателей святых. Этот дурак думает, что станет каганом после моей смерти. Конечно нет, если мы сменим веру. Возможно, это хорошая причина, чтобы даже.

В дверь спальни постучали. Я снова оказалась в шкафу, в темноте. Сквозь отверстие пробивался унылый луч заходящего солнца. Постучавший вырвал меня из дронго, но, в отличие от предыдущего раза, когда меня вытащили в середине цикла, сейчас цикл почти завершился, и разделение не было болезненным.

В любом случае, Сира собиралась поговорить с Тамазом, поэтому мне нужно немедленно перейти в крысу. Быть крысой, попискивающей в нагретых влажных стенах, совсем не так здорово, как птицей.

Я выбралась из шкафа и открыла дверь сияющей султанше Мириме. Она держала малыша Селука.

– Он прекрасно себя вел. Просто чудо. Совсем не такой капризный, каким был его отец.

Я взяла теплый сверток и поцеловала сына в щеку.

– Благодарю вас, султанша. Вы так хорошо о нем заботитесь. Какое счастье для него иметь такую двоюродную ба-

бушку.

– Я пригляжу за ним, дорогая. Твой сын – отрада моих глаз, и ради него – да позволит мне Лат – я надеюсь прожить еще пятьдесят лет.

Бедная Мирима была бесплодна, как зимы в Бескрайности, так же как и Кярс. Поэтому муж оставил ее, и она больше не вступила в брак. Но надо признать, она могла бы стать хорошей матерью: обычно строгой, но нежной, когда это позволительно.

Она ушла, а я положила Селука в колыбель и тихонько покачала.

– Однажды ты станешь шахом Аланьи. А потом шахом Сирма, а потом Кашана. Шах шахов, станут тебя называть. Падишах.

Какая ирония. Падишахом называли Селука Рассветного, а через сто лет Темура. Никто ни до, ни после не получал этот титул. Но в отличие от них, мой Селук не был из рода Селуков. Ни капли проклятой крови не текло в его жилах, благодарение Лат.

Я снова взяла его на руки, желая ощутить щекой его тепло. Малыш загулил, и я тихонько засмеялась. Вот если бы это счастье могло длиться вечно, но, учитывая, кто мы такие, это невозможно. Судьба унесет нас своими штормами.

– Ты – Потомок, – прошептала я ему на ухо. – В тебе течет кровь бога.

5. Сира

Услышав, что я вела переговоры с братом, шах Тамаз допустил меня в свой кабинет. Он сидел за низким столом и нанизывал пару обрамленных бриллиантами рубинов на золотую цепочку. Эти драгоценности, как и прочие, мерцавшие в стоявшем с ним рядом сундучке с узорами из цветов, выглядели так неуместно среди простых ковров и ничем не украшенных стен из песчаника. Я заглянула в сундук: кольца из крученой платины, восьмикаратные бриллианты, жемчужные браслеты, диадемы с невероятными гравировками, серьги из сапфиров и лазурита – сундучок стоил больше, чем все племя силгизов. На низком столе шаха сидел обычный рыжий кот, лизал лапы и мяукал, пока Тамаз мастерил.

– Женскую привязанность заслужить – работа тяжелая, – широко улыбнулся шах. – Но ничто не облегчает ее так, как украшения, и особенно сделанные своими руками. То же самое и с поэзией, кстати. Сочиненный стих стоит больше заимствованного.

Если бы кто-нибудь дарил мне стихи и рубины! Я склонил голову.

– Моей матери больше всего нравился рог краснорогого оленя. Отцу потребовалось двенадцать часов, чтобы выследить то животное.

– Настоящая любовь – редкость, потому и то, что ее пока-

зывает, тоже должно быть редкостью. Если бы шли дожди из золота, оно ничего бы не стоило, как песок.

– Но у вас все есть, мой шах. Так каков бы мог быть дар, достойный вас?

Он усмехнулся:

– Вероятно, минута покоя. Возможность посидеть на песке под звездным небом. – В его вздохе слышалась ностальгия. – Я не так уж от тебя отличаюсь. Моя мать происходила из дикого пустынного племени, обитавшего недалеко от Святой Зелтурии. Когда я родился, отец отправил меня жить к ним, чтобы я не рос мягкотелым. Кажется, будто в Пустоши ничего нет, но мы там выживали неделями на нескольких глотках воды. Я не видел Кандбаджар, пока мне не исполнилось двенадцать. – Шах улыбнулся, словно погружаясь в счастливые воспоминания. – Хочешь показать мне свою любовь? Отправь меня обратно туда, в то время.

– То, о чем вы просите, мне не под силу, – с улыбкой ответила я. – Впрочем, думаю, что могу обойтись и парой красивых туфель.

Шах жестом пригласил меня сесть на напольную подушку.

– Ты недооцениваешь себя, Сира. У тебя явно есть нечто большее, а иначе тебя бы здесь не было. Так скажи мне, что говорил твой брат?

Я села, скрестив ноги. Пришлось много умолять, чтобы брат согласился. Очевидно, я не была хорошим посредником, потому что мое первое предложение Джихану было и

самым лучшим. Я видела, как простые люди торгуются на базарах, и они всегда просили сначала больше, а потом договаривались о компромиссе. Я решила быть такой же умной с Тамазом.

– Мой брат говорил, что они не уйдут. Либо вы им дадите то, что они хотят, либо они возьмут это силой.

– Если б я только знал, что им надо.

– Десять тысяч гектаров плодородных полей к востоку от Кандбаджара.

Тамаз пригладил острую бороду.

– Понимаю, зимы с каждым годом становятся все суровее. Мои шпионы в Пустоши говорят, что последнюю не пережил каждый десятый, и это лишь в южной части. Кстати, каганы на севере сражаются, чтобы получить юг, а каганы на юге – чтобы пробраться сюда. Отчаяние твоего брата понятно. Но давай опустим нереальные требования и перейдем к чему-то более разумному. Ты знаешь своего брата. Что он мог бы принять?

Я потерла подбородок, словно у меня тоже росла борода, и сделала вид, что глубоко задумалась.

– Зная своего брата, скажу, что он не принял бы милостыни. Потому что он и представил все это как компенсацию за убитых торговцев. Силгизы не любят принимать подаяние. Им нравится торговать... или брать. Дайте им заключить честную сделку.

– И какую сделку?

– В Пустоши не идут золотые дожди, как здесь. Но там есть боевые кони, есть и воины, чтобы скакать на них. Так позвольте им воевать за Аланью. Пусть они вернут то, что у нас отобрали.

Тамаз выпрямил спину и кивнул:

– Отправить их сражаться с этосианами? А что взамен?

– Что, по-вашему, было бы справедливо, мой шах?

Он вздохнул, устало и резко.

– Они могли бы охранять от моего имени то, что вернут. Но поставить силгиза рядом с гулямом и хазом – все равно что поставить бочку с порохом на пути горящей стрелы. Как только хаз услышит «будь прокляты святые» из уст силгизского всадника, они станут резать друг друга, а не врага.

Я кивнула, с трудом сдерживая довольную улыбку:

– Они больше не будут проклинать святых. По условиям сделки и от имени всего племени мой брат согласился отказаться от Пути потомков и пойти по Пути святых.

Тамаз усмехнулся:

– Знаешь, сколько миссионеров мы туда посылали? Я уверен, тебе известны странные обычаи вашего племени. Ведь они не только молятся Потомкам, но и сочетают веру в Лат со всевозможными еретическими идеями Пустоши, которые Источник считает совершенно неприемлемыми. Они упрямы, как несущийся бык. Нужно что-то большее.

Рыжий кот спрыгнул со стола и замурлыкал у моих ног. Я погладила его и поняла, что мне, видимо, следует действо-

вать тактичнее и осторожнее.

– Поглядите на меня, – произнесла я. – Что вы видите, ваше величество?

Он застонал:

– Не играй со мной в игры, Сира. Знаю, ты изо всех сил старалась заключить сделку. Искренность и серьезность, которые ты проявила, внушают мне гордость за то, что я растил тебя восемь лет. Но я – шах Аланьи и должен защищать аланийцев. Лат доверила мне эту работу. И нет ничего... абсолютно ничего, что я не сделал бы для защиты своего народа.

– Я из вашего народа? Или одна из них? – Мой голос задрожал. – Что вы видите, когда смотрите на меня, ваше величество?

– Ты дочь кагана Ямара, потому я тебя и взял. Именно для того, чтобы они не угрожали нам. – Он взглянул в мои увлажнившиеся глаза. – Но... то было тогда, а это сейчас. Я никогда не причиню тебе вреда, Сира. Что бы ни случилось, я буду защищать тебя, как родную, потому что ты. – Теперь и его голос дрогнул. – Ты мне как дочь.

Так ли это? Отчасти я не была в этом уверена. Если он не искал мне мужа, потому что я была заложницей, станет ли защищать меня в отчаянном стремлении победить? Если это будет его последней и единственной картой в игре? Если да, то уступит ли брат, чтобы пощадить меня? Может, я, как песок, ничего не стою... для них обоих.

– Правда в том, мой шах... правда в том, что мне здесь

не место. Как и там. Я ни здесь, ни там не желанна. – Тыфуты. Чтоб меня. Вечно слезы подступают и ломается голос, когда я произношу тяжелые и честные речи. – Я всего лишь украшение, как одна из ваших драгоценностей.

– Сира.

– Мой шах, – перебила я, почти забыв о приличиях. – У меня есть еще одно предложение. Если я вам так дорога, как вы утверждаете, то, по крайней мере, вы его рассмотрите. – Мне нужно было попросить о том, чего он не дал бы, и в итоге мы договоримся о том, чего мне на самом деле хотелось. А еще я должна была проверить его и узнать, действительно ли он считает меня членом семьи. – Мне уже почти двадцать четыре. И мне нужен муж, чтобы не впадать в искушение. – Я сглотнула. – Выдайте меня замуж за вашего сына, принца Фариса.

Пока я обнажала свое сердце перед Тамазом, он отвлекся на кота, который урчал и царапал стену.

– Фарису всего пятнадцать. – Тамаз позвал кота, тот взглянул на него и мяукнул в ответ. – Ты старше него на несколько лет. – Он мне отказал, как я и ожидала. – Но, как я уже говорил, ты меня впечатлила, Сира. До сих пор я думал, что ты такая же, как все девушки из гарема, которые целыми днями шляются по базару. Но мне ясно, что в тебе пробудились высокие стремления. И поэтому у меня есть идея получше.

Шах Тамаз откашлялся.

Нужно срочно предлагать Хадрита, пока шах не предло-

жил мне сына какого-нибудь из младших визирей.

– У меня есть еще одно предложение... – начала я.

– Ты выйдешь замуж за наследного принца.

Что?!

– Простите?

– Наследному принцу Кярсу нужна жена. Ему нужна та, кто его вдохновит... даст стабильность. Верность. Простоту. В тебе течет кровь кагана. Ты росла, зная ценность глотка воды и куска еды, как и я. Как раз то, что нужно этому дураку, чтобы он стал лучше. Кстати, о еде. Цены на рынках взлетели до небес, потому что орда твоего брата пожирает весь урожай и траву на пастбищах. А запасы зерна в хранилищах дворца не бесконечны. Я намерен принять компромисс и скрепить его браком. И тебя прошу сделать то же – почему бы и нет? Ты согласна?

Лишь теперь я заметила, что дрожу всем телом. Сердце колотилось. Мне удалось лишь кивнуть.

– И прекрасно, – сказал Тамаз, почесывая кота под подбородком. – Завтра я приглашу твоего брата во дворец. Мы подпишем соглашение. Я отдам ему в управление от моего имени все крепости на побережье, которые он отвоюет. Хизр Хаз и орден святого Джамшида будут сопровождать их, дабы убедиться, что они исповедуют истинную веру в Лат со всеми надлежащими заповедями и действиями, изложенными в Писании Хисти. А ты выйдешь замуж за Кярса. Я его заменю, пока он отсутствует, не дам ему шанса сказать «нет».

– З-завтра?

Рыжий кот прыгнул на колени Тамаза. Шах взял золотую цепочку с рубинами, окруженными бриллиантами, и протянул ее мне.

– Завтра.

По пути в свою комнату я ущипнула себя. Нет, это был не сон. Это было все равно что разбить корабль в шторм и очнуться на острове, а потом найти там деревья, на которых растут изумруды.

Мысли проносились в голове, как колесницы, и вдруг прямо передо мной выскочил толстый черный кот. Я растерянно уставилась на него. Скользкий хвост, лапы как ручонки, круглые уши – это был не кот, а крыса! Крыса с выпученными глазами, злыми... будто я убила ее брата.

Прежде чем я успела закричать, из-за колонны выскочил евнух Самбал и смахнул крысу метлой. Я пригнулась, и крыса пролетела над моей головой, врезалась в стену и приземлилась на бок. Ее уродливые лапы затряслись в воздухе, потом подергивания замедлились, и крыса затихла.

– Получилось... Да! – радостно вскричал Самбал. – Наконец-то этому отродью Ахрийи пришел конец!

Самбал взял мою руку и потряс головой взад-вперед, покачивая бедрами, а потом дважды меня покрутил. Отпустив меня, он танцующей походкой на цыпочках двинулся по коридору, плавно, как на волнах, разводя руками, пропуская шаги и напевая что-то на странном языке. Но звучало это

мелодично и довольно весело.

Кажется, сегодня у многих из нас была причина запеть... кроме этой крысы. Бедный зверек умирал со страдальческими глазами.

Я вернулась в свою комнату и перерыла весь шкаф. Ни одно платье не вызвало радости, и поэтому я отправилась на Большой базар. Проходя через сад к воротам, я заметила человека, которого уж точно не хотела бы видеть, – Хадрита, в парче и с небрежно повязанным бордовым клетчатым кушаком.

Я опустила глаза, пытаюсь сделать вид, что не замечаю его. Но Хадрит свернул в мою сторону и сказал:

– Я искал тебя, милая. Где ты была?

Я старалась избегать его взгляда, он всегда был так проныцателен.

– У меня был тяжелый день.

– О, я знаю. Ты скакала туда-сюда между нами и лагерем твоего брата. Ты, похоже, лучше меня справляешься с отцовской работой. Ты могла бы стать первой женщиной – Великим визирем.

Смех Хадрита обратился в издевательскую усмешку. Пусть теперь насмехается сколько угодно, завтра я буду выше него.

– Я сейчас занята, – ответила я. – Было приятно поговорить и все прочее, но если ты не против, мне надо идти.

Он приподнял пальцем мой подбородок, глядя сверху

вниз твердыми, как алмазы, глазами.

– Приходи ко мне перед вечерней молитвой.

– Я правда не могу сегодня...

– Это очень важно. Очень и очень.

– Хадрит, я бы пришла, но.

– Разве я не сказал «очень важно»? Или ты не любишь меня? Почему ты отказываешься?

Он скрестил руки на груди.

– Хорошо, я зайду. Но не смогу остаться надолго.

– Ну, вот видишь? Упрямство со мной не работает. В будущем побереги свои слова и мое время.

Мне хотелось обозвать его сыном тапка, как сказали бы в силгизских краях, но я решила проглотить раздражение и заняться своими делами.

На парчовом ярусе Большого базара, обнаруженном в конце утомительного подъема, портной снял с меня мерки и пообещал изготовить ближе к полудню нечто великолепное. Огромное разнообразие тканей, украшений и образцов потрясло мой и так утомленный мозг, и поэтому я позволила выбирать ему. Поскольку все состоится уже завтра, большой свадьбы не будет, только символическая церемония, но мне все равно хотелось выглядеть лучше, чем когда-либо. Празднества устроят, когда Кярс вернется и узнает, что девушка, которую он когда-то называл «тупой дикаркой с лапками-тростинками», теперь стала его женой. Хотя это было не самое худшее из того, что он говорил. «Ты же знаешь, я

в любой момент могу тебя взять. Просто я тебя не хочу». К счастью, с возрастом он оставил свои насмешки.

Я покинула Большой базар и пошла на площадь Смеха, чтобы получить от Эше стихи – нужно было как-то успокоиться после произошедшего. Однако его медный трон на помосте был пуст. А витиеватый вздор от прочих поэтов меня не интересовал, так что, когда село солнце, осветив облака красным, я, как человек слова, направилась во дворец Хадрита. Гулямы остались дожидаться у входа, а я вошла внутрь.

На полу гостиной на парчовых подушках расселось пестрое сборище: Хадрит с кальяном во рту; Озар, тоже курящий; крысобою – евнух Самбал, жующий кунжутные зерна; и, что самое удивительное, Эше, мастер оскорблений.

– Что все это значит? – спросила я.

– Сядь. – Хадрит щелкнул пальцами, и к нему приблизился мальчик-слуга. – Подай то, что она пожелает. Что ты хочешь?

– Знать, что здесь происходит.

– Что ж, ты это совсем скоро узнаешь. Ты не куришь, Сира?

Покачивая головой, я перевела взгляд на Эше. Он полулежал на подушке и ел белый виноград.

– Почему ты здесь?

– Понятия не имею, – ответил Эше. – Но я никогда не отказываюсь от гостеприимного приглашения, особенно знатных вельмож.

– Сира любит шербет, – сказал Хадрит мальчику-слуге. – Ее любимый – малиновый.

– Ненавижу малину, – недовольно поморщилась я.

Хадрит выглядел так, будто только что ушиб палец на ноге.

– Да? Тогда масала?

– Ты что, позабыл, откуда я родом? Просто прикажи принести мне апельсиновый или тамариндовый.

В нетерпении и настороже из-за этого сборища, я уселась на расшитую блестками подушку рядом с Эше.

– Теперь, когда все здесь, – произнес Хадрит, – я могу начать. Но... во имя Лат... с чего же начать? Трудно даже выбрать слова, так что скажу все как есть. Я считаю – и у меня есть этому доказательства, – что сейчас, в этот самый момент, во дворце существует клика, замышляющая свержение шаха, и – не могу поверить, что говорю такое, – во главе этой клики стоит колдун.

О святые... так неожиданно. И совсем не то, что я хотела бы слышать за день до свадебной церемонии.

Но почему удивлена только я? Эше продолжал кидать в рот виноградины. Озар булькал кальяном, а Самбал с громким скрежетом жевал семена.

– Что ж, большинству из вас это уже известно, – продолжал Хадрит, – всем, кроме Сиры... и Эше. Так что эта речь на самом деле была предназначена только вам двоим. Я надеюсь, что все понятно.

– Что тебя привело к подобному заключению? – спросила я, глядя на настенный ковер с изображением дракона, извергающего пламя на собственный хвост. Хадрит упоминал, что это был подарок султана Абистры, преподнесенный во время торговой поездки.

– Госпожа. – Самбал проглотил свои семена. – Я видел во дворце кровавые руны. Хорошо скрытые, но они повсюду.

Кровавые руны?

– И я тоже видела одну, – выпалила я. – В купальне!

– Это еще не все, – вмешался Озар. – Кто-то пытается изобразить все так, будто я хочу войны с твоим братом и его племенем. Человек, написавший и поставивший печать на письмо о расплате за ваши грехи, – мой бывший писец, и я сам рекомендовал его в канцелярию шаха. И хотя всем известно, как я сокрушал своих конкурентов в торговле пряностями, я не убивал тех силгизских купцов.

– Но для чего им винить тебя? – спросила я. – Как это поможет им свергнуть шаха?

– И последнее, – продолжал Хадрит. – Твое племя прямо сейчас стоит лагерем за стенами. Но что, если ночью, пока мы спим, городские ворота внезапно откроются? Знаешь, кто охраняет стены Кандбаджара?

– Разумеется. Гулямы.

Хадрит кивнул.

– Все события связывает один человек. Один хитрый и злобный выскочка, за последний год набравшийся сил и вли-

нения. Да, я говорю не о ком другом, как о паше Като – командире аланийских гулямов днем, интригане и колдуне ночью.

Честно говоря, я с трудом могла уловить здесь связь.

– Ну а если это Като, для чего ты просил меня поместить новую рабыню в гарем Кяrsa?

Озар выпустил струйки дыма и сказал:

– У Като есть помощники. В гареме. Как еще он мог проникнуть туда и написать там свои руны?

– А для чего эти руны? – спросила я.

Эше откашлялся:

– Так, теперь вижу, что меня пригласили не только для того, чтобы пробовать вино и фрукты. – Он сел прямо, высоко подняв подбородок. – Я считал, что ты, Хадрит, просто очередной интриган, изготавливающий гранатовый сок без гранатов. Но теперь понимаю, что ты немного умнее, чем кажешься.

– Для тебя я – паша Хадрит. И думаю, что моя внешность вполне соответствует моему интеллекту. Итак, Эше, для чего именно нужны кровавые руны?

– Это зависит от типа крови, которую в них использовали. Не зная этого, я не могу ничего сказать.

– Типа крови? – переспросила я. – Ты имеешь в виду, кровь ли это человека или животного?

Эше покачал головой:

– Нет. С кровью животного рун не создать. Кровь у людей разная, и каждым типом крови можно писать только опреде-

ленные руны, хотя некоторые могут быть написаны несколькими. Но чтобы понять, для чего предназначены руны, мне нужно их видеть.

– Почему какой-то вульгарный поэт выступает нашим главным знатоком колдовства? – поинтересовалась я.

– Поэт? – произнес Хадрит. – Дорогая, ты сейчас говоришь с одним из Апостолов Хисти, хранителей Святой Зелтурии.

– С бывшим апостолом, – мрачным и приглушенным тоном сказал Эше. – Но да, в прошлой жизни я изучал все виды колдовства, включая и кровавые письма.

Кровавые... письма? Неприятно до мурашек.

– Так что же нам делать? – я развела руками. – Рассказать все шаху?

Озар покачал головой:

– Нет, конечно нет. Шах Тамаз никому из нас не доверяет. Хадрит никогда не пользовался его благосклонностью. И хотя я женат на сестре шаха, Великий визирь Баркам позаботился о том, чтобы я тоже не был его любимцем. – Он обернулся к Самбалу: – Евнух – это не совсем... ты же знаешь. – А потом обратился ко мне: – О тебе, моя дорогая, шах заботится искренне, но не станет полагаться на тебя в столь важном деле.

А вот с этим я не согласна – шах мне полностью доверял. Но, пожалуй, нужно получить больше доказательств, прежде чем обращаться к нему.

– Итак, вот что мы сделаем, – сказал Хадрит. – За излучиной реки наш доверенный человек, – он указал на Озара, – пришвартовал небольшой флот, поскольку на запад пути больше нет. Вот только никто не знает, что на борту этих кораблей ждут тысячи хазов из Кашана. Они думают, что их отправляют на запад, помогать в освобождении наших берегов от неверных. Но мы собираемся направить эти корабли в город и с их помощью взять под стражу пашу Като.

Да уж, невероятно впечатляющий план. И к тому же опирается на шаткие доказательства. Кроме этого, я слышала, как когда-то давно и Хадрит, и Озар упоминали о своей неприязни к Като. Может быть, все это – удобный предлог отрубить голову тому, кто соперничает с ними в могуществе? Если так, то я в этом участвовать не хотела.

– И когда ты планируешь это безумие?

– Завтра, – с довольной ухмылкой ответил Хадрит. Как раз то, что я боялась услышать. – Я рассказал тебе все это, Сира, поскольку, хоть мы и можем арестовать самого Като, чтобы обезопасить шаха и его семью, нам также нужно выявить и агента Като в гареме. А ты и та крестейка, которую ты купила, как раз годятся для этого... по очевидным причинам.

По очевидным причинам. Не потому ли Хадрит втягивал меня во все эти интриги?

– Выходит, когда ты просил меня передать ему тот документ.

Я кивнула в сторону Озара, который наслаждался долгой затыжкой.

– Да, я тебя проверял, – подтвердил Хадрит. – Хотел убедиться, что могу тебе доверять. И ты прошла испытание. Пусть мой отец и презирает Озара, но я более... более практичный человек, чем он.

Практичнее Баркама? Такое вообще возможно? Признаться, высокий уровень запросов Хадрита не удивил меня. И все же я не могла не видеть пугающие пробелы. То, что лежало в основе заговора, никак не вырисовывалось.

– Зачем Като это делать? Он богат, могущественен и близок к шаху. У него и так есть все, даже больше.

Озар расхохотался.

– Ты считаешь, что богатство и власть делают человека менее амбициозным? Более довольным жизнью? Совершенно наоборот, знаю по собственному опыту. Власть вскружила Като голову. Он убедил Кяrsa позволить ему остаться в городе, чтобы нанести удар, пока наследник и армия отсутствуют. Он убил тех силгизских торговцев и наложил на писца заклятье, отчего несчастный не способен промямлить и нескольких слов. Он собирается поднять ворота, дать силгизам разграбить город, а затем во время сумятицы захватить трон, вероятно сделав сына Кяrsa марионеточным шахом.

Хадрит шлепнул кулаком по ладони:

– Здесь у всех нас цель одна – защитить Аланью. Защитить отца всех аланийцев, нашего шаха. И защитить наслед-

ного принца Кярса, человека, который мне так же дорог, как собственная плоть.

До чего поэтично. Кусочки этого заговора начинали напоминать единое целое. Но я полагала, что у меня есть план получше, чем впустить в город тысячу хазов.

– А если я скажу, что мир с силгизами близок? Что он уже согласован?

– Это не изменит всего, – сказал Хадрит. Слуга подал ему прутик для чистки зубов, и Хадрит сунул его в карман. Похоже, он доверял своим слугам. – Като не стал бы строить весь свой план на одних силгизах, у него должен быть запасной вариант. Но если с твоим братом будет заключен мир – прочный мир – это, по крайней мере, отсрочит события. Като не рискнет захватить дворец без предложения.

– Погодите-ка. Погодите, – заговорил Эше и погрозил пальцем. – Вы сделали об этом Като одно совершенно необоснованное и опасное предположение.

– И какое же? – спросил Озар.

– Что он еще и колдун. Судя по вашему описанию, он воин. Колдуны же, как правило, знатоки лишь в одном – в колдовстве. Вы сказали, что кровавые руны есть и в гареме. А что, если колдун – это кто-то другой? Что, если колдун – человек Като в гареме... может, евнух? Тогда, даже если вы арестуете Като, куда более опасный заговорщик все равно останется на свободе... и, что еще хуже, вы раскроете себя перед ним.

Самбал довольно засопел, он часто так делал.

– Этот парень очень умен. Но в гареме более шестидесяти женщин и сотни зрителей. С чего начинать?

– Он прав, – согласилась я. – Если вы арестуете Като, но не колдуна, кто знает, что он... или она сделает. Прежде чем предпринимать серьезные действия, позвольте мне выяснить, кто помогает Като.

– И мне нужно увидеть те руны, – добавил Эше, – а точнее, попробовать их на вкус.

– Вкус? – Озар сморщил плоский нос так, что тот почти коснулся бровей.

– Не напрасно же говорят про вкусы крови. Мне придется. – Эше лизнул воздух. – Ну, ты понял.

Озар содрогнулся, а потом глубоко затянулся кальяном.

– В винном погребе недавно появилась руна, – сказал Самбал. – Я могу тебя туда отвести.

– Значит, мы задерживаемся, – заключил Хадрит. – Но боюсь, чем дольше мы ждем, тем сильнее становится Като. Сира, ты должна найти в гареме предателя. Самбал, ты во что бы то ни стало должен ей помочь. Эше, ступай... лизни эти руны и выясни, для чего они предназначены. Выживание нашего государства зависит от каждого из нас. Мы должны постараться.

Я кивнула. Глядя, как Хадрит берет на себя ответственность, видя, как искренне он защищает свою страну и шаха, я не могла лгать себе о чувствах к нему.

Я сказала:

– Я люблю Аланью, люблю шаха, его семью и всех остальных. Я не позволю им навредить. Любой ценой, даже под страхом смерти, я отыщу предателя, и тогда мы сможем повесить обоих.

Дворец Хадрита мы с Эше покинули одновременно. Идя по песчаной дороге, ведущей на оживленную улицу, мы болтали о пустяках – о дикой жаре в прошлом месяце, о том, что птиц в небе мало, и о затянувшейся на год перестройке Садового квартала. Я не хотела, чтобы сопровождающие меня гулямы узнали, о чем была речь на встрече, поэтому задала вопрос шепотом:

– Ты ведь не аланиец, да? Для чего тебе нам помогать?

Он в ответ прошептал:

– Меня интересуют кровавые руны, только и всего.

– Мне казалось, быть Апостолом Хисти – это дело всей жизни. Почему ты ушел?

– Я не уходил. Меня... исключили.

– Как это? Почему?

– Это тебя не касается.

Я остановилась посреди дороги.

– Как мы можем тебе доверять, если даже не знаем, кто ты?

Беззаботности его ухмылки можно было позавидовать.

– Я уже говорил, что просто хочу попробовать на вкус эти руны. Я расскажу, для чего они предназначены, а потом вер-

нуса на свой медный трон. Я не создан для дворцовых интриг, мелких войн и тому подобного.

– От Апостола Хисти до вульгарного поэта. – Я скрестила руки на груди. – Какое падение.

– От умирающей от голода девчонки до жемчужины гарема. Лат возвышает и унижает, как хочет.

– А откуда ты знаешь, что когда-то я голодала? Откуда ты вообще знаешь что-либо обо мне?

Он постучал по своей голове:

– Как ты думаешь, почему каждое утро у моего трона выстраиваются сотни человек? Проницательность – могучая штука.

– Сегодня я всего лишь девушка из гарема. Завтра стану султаншей, это вторая сверху ступень, какой может достичь в Аланье женщина. А когда Кярс взойдет на престол, мой титул станет самым высоким: султанша султанш.

Эше усмехнулся:

– Когда-то у меня был титул. Еще какой. Жители Святой Зелтурии мне завидовали, и я наслаждался сиянием своего титула. Но скоро понял, что титулы – не то, кто ты есть. Их дают, и их можно отнять. Помни это, Сира.

В конце песчаной дороги мы разошлись. Что за необыкновенный день. Борьба за власть или подлинный заговор – я надеялась, что завтрашним событиям это не помешает. Став женой Кярса, я получу больше власти и сумею выяснить правду. Я надеялась помочь всем, всей стране, теми пу-

тями, которые доступны лишь султанше султанш.

Вернувшись в гарем, я увидела, что целители, евнухи, наложницы и служанки столпились у большой комнаты в конце коридора. Комнаты Зедры.

– Что случилось? – спросила я у Самбала, который тоже только что подошел.

Он прикрыл рот рукой и сказал:

– Султанша... она заболела!

– Ты про Зедру?

Он кивнул дрожа. Да, тяжелый выдался день!

Я протиснулась сквозь толпу и скользнула в комнату. Зедра лежала на кровати, в окружении целителей в белых одеждах. Мирима бросила на меня хмурый взгляд, пот стекал у нее по лбу. С колотящимся сердцем я приблизилась к своей подруге.

– Что случилось? – спросила я.

Мирима покачала головой, ее взгляд смягчился.

– Неужели она. – начала я, проглотив тревогу и слезы.

– Дыхание у нее хорошее, – сказал целитель с миниатюрными водяными часами в руке. – Сердцебиение в норме. Явных ран нет.

– Почему она не приходит в себя? – спросила Мирима.

– Это требует дальнейших исследований.

Мирима глубоко вздохнула:

– Сира, ты недавно с ней говорила. Она хорошо себя чувствовала?

Я припомнила наш разговор в танцевальном зале. Зедра выглядела... несколько встревоженной, хотя ничего необычного.

– С ней все было хорошо.

– Я бы предпочел, чтобы вы разогнали это сборище, – сказал целитель, указав на толпу, как будто отмахивался от мухи.

– Вон отсюда, все! – Мирима указала на Самбала и меня: – А вы двое останьтесь.

Вид у Зедры был... вялый. Рот чуть приоткрыт, она как будто кричала от боли.

– Исцели ее, Лат, – взмолилась я.

Мирима провела рукой по моим волосам:

– Дорогая, завтра у тебя важный день. Не хочу, чтобы этот ужасный инцидент обременял тебя еще больше. Будь уверена, мы сделаем все для исцеления твоей любимой подруги.

Я кивнула. В голове мелькали страшные мысли. А вдруг это колдун ранил Зедру? А вдруг в следующий раз он ранит меня? В гареме больше не безопасно.

– Самбал, – Мирима обернулась к евнуху. – Брат поручил мне подготовить нашу дражайшую Сиру к завтрашней церемонии, поэтому я вверяю тебе заботу о Зедре.

– Церемонии? – растерянно улыбнулся Самбал.

– Сира выходит замуж.

У Самбала отвисла челюсть, и он повернулся ко мне:

– Госпожа, я так рад за вас. Я молюсь, чтобы это темное

облако не омрачило дождем ваш самый радостный день.

– Больше ты не будешь называть ее госпожой. Теперь она – султанша.

Самбал захлопал в ладоши, как делали маленькие обезьянки на площади Смеха.

– Клянусь Лат, это выдающийся день. Я так счастлив за вас, сул-тан-ша! Кто же этот благословенный счастливец?

Мирима погладила меня по щеке.

– Эта милая девушка выйдет замуж за наследного принца.

– За наследного принца! – взвизгнул Самбал. Он прикрыл рот ладонью, чтобы спрятать потрясение. – Я готов запрыгать от радости. Полететь до самой луны. Схватить звезды и осыпать ими всех присутствующих.

Самбал обернулся к Зедре, и его радость внезапно угасла. Казалось, никто из нас не знал, смеяться или рыдать. Мирима мрачно улыбалась. А меня сокрушал груз событий. Мне хотелось плакать и молиться за Зедру, а еще – примерить все платья и украшения, которые Мирима, без сомнения, для меня приготовила. Как жонглировать двумя противоположными чувствами?

– Я хотела бы... отдохнуть немного, – сказала я.

Голова у меня отяжелела.

– Разумеется, дорогая. – Мирима обняла меня. Иногда эта женщина холодна, но всякий раз, когда она проявляла заботу, я так скучала по маме. – Отдыхай, сколько потребуется. Я зайду к тебе позже, да?

Я отправилась в свою комнату. Там уже была Вера, сидела на моей кровати. На мой взгляд, это слишком фамильярно, ведь кровать – это личное, интимное место. Когда я вошла, Вера встала.

– Прошу прощения, госпожа, – сказала она. Глаза у нее были красные и слезились. – Я только... султанша была так добра ко мне. Не могу вынести мысли о том, что она страдает.

Она стояла и плакала, сгорбившись и опустив голову.

– Не могла бы ты оставить меня? – сказала я. – Мне нужно побыть одной.

Вместо этого она бросилась ко мне, обняла, а потом зарыдала, уткнувшись в мою подмышку.

– Я нашла ее такой, в шкафу, с застывшим от ужаса взглядом. Кто-то причинил ей боль!

О Лат! Это мог быть только колдун. Но я должна быть сильной.

– Я уверена, что с ней все будет хорошо. – Я похлопала Веру по спине, хотя сама была точно так же встревожена и растеряна. – Мирима придет ко мне позже. И ты можешь присоединиться к ней, ладно?

Вера подняла на меня растерянный взгляд, а потом прижалась губами к моим губам. Я отшатнулась.

– Не сейчас. Я сказала, что хочу остаться одна.

Но она продолжала рыдать, а потом еще крепче прижалась ко мне.

– Прекрати! – Не хотелось быть резкой, но как еще заставить ее уйти? – Пожалуйста, уходи!

Я как будто гнала прилипчивую попрошайку.

Вера выбежала, по ее щекам текли слезы. Выговаривая ей, я лишь усугубила тяжесть своего груза, и у меня тоже увлажнились глаза. Но я смогу извиниться позже.

Я рухнула на постель, едва в силах думать. За один день произошло больше, чем за последние восемь лет. Я надеялась и молилась о том, чтобы завтрашний день оказался лучше.

6. Зедра

Утес на краю времен. Так он называл эту гору.

Я как будто взобралась на высочайшую вершину и увидела печальные, унылые небеса. Во всех направлениях простиралась бесконечность, а внизу, за краем утеса, – ничего, кроме черноты. Сверху небо заливала полоса света, словно бог прорезал саблей полог, закрывающий мир. «Это кольцо, – когда-то говорил мне Отец. – Мы видим лишь одну его сторону. Вот почему оно кажется плоским».

Здесь не было ни тепла, ни холода. Ни ветерка. Только неподвижность, безмолвие и безжизненность.

На краю утеса стоял человек. Он стоял здесь тысячу лет. Ждал. Наблюдал. Слушал.

– Я.

Заговорив, я задохнулась. Голос был таким надтреснутым, будто в горле проделали тысячу дыр. А лицо – морщинистым и жестким, как камень. Волосы были такими белыми и тонкими, что казались ненастоящими. Я пошла к нему, и усталые колени подгибались от моего собственного веса.

– Отец, – сказала я.

Он по-прежнему стоял ко мне спиной, даже не взглянув в мою сторону.

– Отец.

Я опустилась на колени. Они хрустнули.

– Нет, Зедра, – прозвучал его голос с небес. – Ты не имеешь права называть меня так.

Мои руки непрерывно дрожали, словно по венам разливался мороз.

– Что со мной произошло?

– Знаешь, как меня огорчает, что наше выживание зависит от тебя? Я не удивлен, что у тебя ничего не вышло.

– У меня... не вышло? Но что произошло? Я ничего не помню.

– Я же велел тебе задушить эмоции. Фанаа. Работать с холодной головой, по тщательному плану. Но, к несчастью для нас и для всех, ты не сумела. Какая ужасная судьба – с моими святыми Потомками будет покончено из-за твоей непригодности. Из-за твоей слабости.

Нет. Как такое может быть?

– Я сделала все... что в моих силах. – Тяжелое дыхание мешало говорить. – Я... следовала... плану. Мои... эмоции.

– Стоны, плач, крики, молитвы – все бесполезно. Это было маловероятно с самого начала. Если бы выжил хоть один из моих сыновей, была бы надежда. Но ты... даже смотреть на твои попытки было противно.

– Отец Хисти! – выкрикнула я. – Я ни секунды не уделила себе! Не получила ни капли счастья. Я лишь следовала плану, от рассвета до заката. Однако это было не совсем так. Я искала удовольствия и радости. Раздобрела на хорошей еде. Обленилась, лежа на шелковых простынях. Но в глубине ду-

ши никогда не отступала от цели.

– А теперь помолчи. Всех твоих усилий всегда будет мало. Ты никогда не поймешь, какой меня охватил ужас. Потому что не испытывала того, что грядет. Если бы ты только глотнула этот кошмар, стала с ним единым целым лишь на краткий миг, может, у тебя и получилось бы... хотя бы от крайнего отчаяния.

Он всегда говорил, как испил этот ужас. Но для меня это было всего лишь страхом, вызванным к жизни пророчеством, а не личным опытом, и, возможно, именно поэтому я вела себя так беспечно.

Я подползла к его ногам. Поцеловала холодную, твердую лодыжку.

– Так позволь мне его испить.

– Ты понимаешь, чего просишь? Надвигается Великий ужас, который перекует всех нас в огне. Ты уверена, что хочешь его глотнуть?

– Я сделаю что угодно, лишь бы остановить его, отец. Я буду нести бремя Потомков, пока не превращусь в прах и кости.

– Этого мало!

– Но что еще у меня есть?

– Думаешь, смерть – это жертвоприношение? Жизнь не так уж важна. Бывают вечные страдания, которые невозможно передать словами. Представь, что твоя кожа кипит, пока не станет жидкой, а затем тебе дают новую кожу, чтобы она

снова кипела — до конца времен. Звучит ужасающе? Это блаженство по сравнению с тем, что грядет. Рай по сравнению с тем, что ждет там, — он указал на черное пятно в небе, освещенном кольцом света. — По сравнению с тем, что грядет.

— Я это останавливаю. Спасу всех. Обещаю.

Он повернулся ко мне. Коснулся моей головы одним ледяным пальцем. Я не смела поднять на него взгляд. Не смела посмотреть в лицо, боясь увидеть разочарованные, пустые глаза.

— Ты глотнешь Великого ужаса? И тогда, вскипев от отчаяния, спасешь всех нас? — Он затрясся в хохоте, полном отчаяния и печали. — Ты? Которая уже все провалила!

Мои слезы увлажнили пальцы на его ногах. Я вцепилась в его лодыжки.

— Если я умерла... значит, это... Куда уходят души? Это и есть Барзах?

Он хмыкнул:

— Ты не умерла. И я не позволю тебе испытать Великий ужас. Потому что, несмотря на все твои неудачи, по-прежнему тебя люблю. Думаешь, у меня не ноет сердце, когда я вижу твой плач? Я не хочу, чтобы ты страдала еще больше. Достаточно, чтобы ты страдала от разочарования в самой себе. Страдания в одной жизни — ничто по сравнению с океаном, который нас затопит. Сотня лет, тысяча, десять тысяч, сто тысяч. Не важно, сколько мы будем ждать. Если не начнут снова править миром праведные Потомки, как повелела Лат, он

нагрянет, вернее смерти.

Отец поднял меня, потянув за волосы. Я закричала. Я чувствовала себя растением, которое отрывают от корней. А потом увидела его глаза – печальные, пустые и такие же испуганные, как мои.

Он утопил два пальца в моих глазницах.

Я с криком проснулась. Через открытую дверь балкона светило солнце, стоящее уже высоко – значит, сейчас полдень. Когда я жила среди Потомков, у нас не было водяных часов, и мы узнавали время по теням и солнечным лучам. Ночной кошмар отступил, и ужас сменился насущными тревогами. Я проспала целый день. Неужели я опоздала?

Я попыталась пошевелить руками и ногами... но тщетно. Я была как каменная глыба. И одна в комнате. А где все?

Церемония, брак Сиры с Кярсом, мирный договор с силгизами... Все то, чего я не хотела. Все то, что должна была предотвратить. Ради Потомков. Ради человечества.

Но что может сделать камень, лежащий в постели? Наверное, об этом и говорил Отец. Я провалила дело. Не сумела всех спасти. Великий ужас поглотит мир, и нас снова выкуют в пламени. Без Потомков, которые могут это остановить, без нашего праведного правления, спасения нет.

Дверь со скрипом открылась. Вошла девушка с чудесными карими глазами. Она поставила у моей постели поднос с благовониями и заглянула мне в глаза.

– Ты проснулась? – спросила она на сирмянском со стран-

ным акцентом. – Мне велели привести целителей, если ты проснешься.

– Нет, не нужно, – просипела я. – Тебя ведь зовут Селена, верно?

Она кивнула.

– Я рада, что мы встретились. Пожалуйста, останься ненадолго. Присядь.

Немного поколебавшись, она села на край кровати и уставилась в пол.

– Я понимаю, что ты чувствуешь, – сказала я, и мое горло было суше бархана. – Тебя вырвали из дома и привезли в странное место. Это больно, правда?

Она молчала. Я показала взглядом на чашу с водой у постели. Селена напоила меня, облегчив боль в горле.

– Внешне мы показываем, что все прекрасно, – продолжила я, – но внутри никогда не прекращается буря. Даже когда она съеживается и успокаивается, она все равно остается в самом сердце и в любой момент готова снова разгореться.

Она молчала.

– Говорят, ты крестейская принцесса. А знаешь, я тоже была... кем-то вроде принцессы.

– Похоже, ты хочешь, чтобы я оказала тебе услугу.

– Что-что?

– Когда кто-то пытается со мной сблизиться, это означает, что он чего-то хочет. Так было в Крестесе, и здесь то же самое, – сухо сказала она. – Так чего ты хочешь?

Она не ошиблась, как ни печально. Я и впрямь кое-чего от нее хотела. Я показала взглядом на шкаф:

– Отведи меня туда.

Она хихикнула. Хорошо. Наконец-то показала эмоции.

– Я не такая сильная и вряд ли смогу тебя поднять.

– Ты не знаешь, насколько сильна, пока не попробуешь.

И результат может тебя удивить.

Она посмотрела на шкаф, потом снова на меня:

– Там ты будешь чувствовать себя в безопасности? Это я могу понять... наверное.

Для перемещения души требуется спокойная обстановка, где ничто не тревожит и не отвлекает. В Вограде я перевоплощалась в пещере, откуда открывался вид на земли нашего племени.

– Что-то в этом роде.

Больно было даже улыбаться, но я постаралась для нее.

Селена подняла меня. Я едва ощущала ее руки, обнявшие меня за талию. Она с пыхтением потащила меня к шкафу. А там отпустила и упала на колени, тяжело дыша.

– У тебя получилось, дорогая, – сказала я. – Вот так-то.

Она по-настоящему улыбнулась – сладко, как халва.

– Закрывать дверцу?

Я кивнула, удивившись, что могу шевелить головой.

Несчастная крыса умерла бесславной смертью – печально, ведь чтобы поймать ее и написать на ее животе кровавую руну, ушло несколько часов, – поэтому я перевоплотилась

в дронго. Я приземлилась на крышу Песчаного дворца, уронив перо, а потом порхала над ней, пока не уселась на стеклянном куполе тронного зала.

Внизу шел пир. Кашанцы играли на длинных тростниковых флейтах, а на приподнятой площадке в центре зала кружились девушки в шелках с блестками. Вокруг них впере­мешку сидели веселящиеся силгизы и аланийцы. Во главе на помосте разместились каган Джихан, Сира и шах Тамаз, они шутили, смеялись и потягивали розовую воду. Ее свадебное платье... о Лат, как же ей были к лицу алый шелк, воздушная шаль и огромный бриллиант в окружении рубинов, ви­сящий на шее. Я даже порадовалась за нее, как радовалась на свадьбе собственных дочерей, хотя ни одна из них не выглядела такой сияющей.

Нет. Как и сказал Отец, мне не доставало отчаяния, потому что я не отпила Великого ужаса. Я напрасно теряла время, заводя друзей, слушая стихи, наслаждаясь танцами. Это должно прекратиться, у меня никогда больше не будет такой возможности, и я не могу себе позволить отвлекаться на нежности.

Я заметила, как в задних рядах Великий муфтий Хизр Хаз смеется рядом с мужчиной, одетым в тонкий, подходящий для пустыни наряд абядийца. Судя по происходящему, церемония шла к концу, и я уже опоздала, если хотела ее остановить.

Я похлопала крыльями и распушила хвост, мечтая выкле-

вать всем им глаза. Брак Сиры и Кярса скрепит мир между силгизами и Аланьей. Сира может спать с Кярсом сколько угодно, но из его семени не родится дитя, теперь мой сын станет ее сыном. Селук будет принадлежать ей, и она получит над ним больше власти, чем я. Власти менять его и превратить в то, что пожелает, а мне нужно направлять его, чтобы он возродил Потомков. Стал щитом против Великого ужаса. Не просто шахом Аланьи, а падишахом всех государств, где поклоняются Лат.

Мирный договор, который я должна была предотвратить. Были способы посеять хаос и без опустошающих Кандбаджар силгизов. Я изо всех сил старалась это воплотить, месяцами планировала и плела заговоры, но невозможно предусмотреть все. Я сбросила со счетов Сиру – мое слепое пятно. Ее внезапная мудрость возникла незнамо откуда, ее желание скрепить мир и выйти замуж каким-то образом подорвало мой тщательно спланированный замысел.

Будь прокляты святые. Я должна поступить правильно. Должна, прежде чем все ускользнет из рук. Нужно превратить этот скверный поворот в возможность. Никакой слабости. Никакого милосердия. Потому что проявленное к кому-нибудь из собравшихся там, внизу, милосердие поставит под угрозу существование самого человечества. Я должна уничтожить все это – ради Потомков, ради всех.

Пора действовать. Пора привести в действие кровавую руну.

7. Сира

Когда ушло напряжение воины, шах и мой брат поладили, словно певчие птицы. В конце концов, оба в душе были людьми племени, предпочитая суровую жизнь на природе городским удобствам. Хорошо, что мой муж был совсем другим, как и я. Пока я наслаждалась танцовщицами и флейтистками, шах и мой брат беседовали об охоте, рыбалке и стрельбе из лука. Оба утверждали, что видели, как симург уносит верблюдов, или, по рассказам брата, мамонта. Они даже поболтали о племенах джиннов в человеческом облике со ступнями, обращенными назад.

– Мне едва исполнилось семнадцать, когда это случилось, – говорил шах Тамаз моему брату. – Но я поймал необычную рыбу. Ее чешуя походила на стекло, сквозь нее виднелись кости. А внутренности сияли, будто она проглотила звезды. Я был голоден и не заинтересовался этим. Но когда начал готовить рыбу, через несколько минут упал в обморок, надышавшись дыма. И тогда увидел самый странный сон. Я находился на острове, в небе танцевали друг вокруг друга по причудливым орбитам двенадцать зеленых и красных огней. Все казалось таким реальным. И тут я увидел своего прапрадеда Исмаида. Он прогнал сирмян, когда те грабили Кандбаджар почти век назад. Он сказал, что я пройду через то же, что и он, и тоже выйду победителем.

Мой брат слушал не моргая. Лучший слушатель, которого мог получить Тамаз. Хотя на самом деле слушателей было два, просто я притворялась, что не слышу. Лучше не мешать им общаться. Мужские рассказы становятся сдержанными, когда поблизости находятся сестры, жены или дочери.

– Однажды я боролся с морской ящерицей, – сказал мой брат. – Она укусила меня двадцать семь раз. От ее укусов у людей бывают видения. Шесть дней после этого я считал себя травинкой, гнущейся на ветру. И это не поэзия, я действительно ощущал себя травинкой.

– Один поэт – кажется, Равоэс, когда-то сказал: «Гнись как трава и никогда не познаешь страданий».

– Он точно не пробовал быть гнущейся травой. – Джихан и Тамаз дружно рассмеялись. – Скажите, вы когда-нибудь сражались?

– Конечно, – сказал Тамаз. – Иначе откуда у меня хромота? Двадцать пять или тридцать лет назад, вот когда я в последний раз видел битву. Сирмяне перешли границу к югу от Зелтурии, нарушив договор. Похоже, шах Джаляль хотел стать падишахом, но мой отец не желал об этом слышать. Мы выстроились напротив них в пустыне. Из их рядов вышел дерзкий мускулистый человек и вызвал нашего лучшего воина на поединок. Конечно, я вызвался. Не помню подробностей, но схватка закончилась быстро. Этот человек хорошо умел наносить удары снизу. Он порезал мне бедро и оставил корчиться на песке раньше, чем я успел замахнуться. Я был

уверен, что пришло время для последней молитвы, но, вместо того чтобы добить меня, он почему-то отступил и вернулся в строй, пока их армия скандировала его имя: «Мурад! Мурад!»

– Шах Сирма! – замороженно сказал мой брат. – Он объяснил, почему пощадил вас?

Шах покачал головой:

– Я никогда больше не говорил с ним. Хотя у нас были хорошие отношения, в особенности торговля. Когда крестейцы захватили Костану, меджлис спорил, должны ли мы помочь Сирму или прикончить их. – Тамаз остановился набрать воздуха. – Я не воин, Джихан. Хотя мы могли бы захватить их земли, но в конце концов стали бы граничить с Крестесом. И тогда войнам не было бы конца. Лучше пусть сирмяне разбираются с ними, пока мы наслаждаемся миром. Поэтому я уговорил меджлис и отправил своего сына на подмогу. И теперь, с нашей помощью, Сирм снова силен.

– Большинство каганов завоевали бы все, что могут, не заботясь о создании буфера между собой и врагом, – сказал Джихан. – Вы мудрый шах, Тамаз. Я считал своего отца слабым каждый раз, когда мы не нападали. Возможно, его привела к концу не слабость, а недостаток прозорливости.

Просто чудо, как они сблизились.

Я оглядела гостей. О Лат, я на миг встретила взглядом с Хадритом, сидевшим рядом с сестрами и гневно взиравшим на меня. Он даже не притронулся к тарелке с горой плова

с мозговыми косточками. Возможно, он ревновал. Чудесно. У него был шанс, и он его упустил. Нам все равно придется действовать сообща, чтобы найти колдуна, но полностью в рамках приличий.

Интересно, что чувствовала бы Зедра, будь она здесь. Возможно, она тоже ревновала бы, а может, танцевала бы для меня. Жена и наложницы Тамаза, казалось, неплохо ладили в те редкие моменты, когда я их видела. Гарем Тамаза был меньше, чем у Кяrsa, и находился отдельно. Шах, как это было принято у большинства Селуков, редко позволял своим женщинам покидать гарем, поэтому я точно не знала, насколько хорошо они ладят.

Я внимательно наблюдала, как паша Като разговаривает с силгизским воином, этим сыном тапка Гокберком, которому приходилось подставлять собеседнику единственное ухо. При виде его покрытого шрамами лица я всегда вспоминала щенка, которому он сломал шею. Гокберк наступал на нее семь раз, чтобы заглушить предсмертный визг. Клянусь Лат, нам обоим тогда было восемь или девять лет. Должно быть, он уже родился жестоким. Сейчас он казался довольно веселым для человека, чьи надежды мой брат якобы растоптал этим браком и обращением к Пути святых, хотя последнее еще только должно было произойти завтра в храме святого Джамшида.

Като так жестикулировал, что казалось, будто половину слов говорят его руки. По тому, как он изображал пальца-

ми скачущего коня, я поняла, что он рассказывает о битве. Неужели этот человек действительно замышляет захватить Аланию?

У Хадрита имелись кое-какие улики против Като. В конце концов, подозрительно, что он остался в городе, когда его гулямы ушли с Кярсом, и именно Като нашел писца, чья записка привела сюда силгизов. Но... он не казался мне холодным, расчетливым интриганом. Начнем с того, что ни Хадрит, ни Озар, ни Баркам не любили Като. Возможно, он был менее сговорчивым, чем его предшественник Кичак, погибший в Сирме, и они искали предлог, чтобы свергнуть его.

Мелькнула мысль: а что, если колдун сам замышляет захватить власть, а Като – отвлекающий маневр? Фигура на доске?

В этот момент в тронный зал вошел Самбал, за ним плелся Эше, выглядевший жалко в обличье евнуха: зеленый халат с меховой опушкой поверх парчи с цветочным узором и похожая на подушку шапка – совсем не его стиль. Оба подошли к Хадриту и зашептали ему на ухо. Хадрит уставился на меня широко открытыми, полными ужаса глазами.

Хадрит встал, отряхнул свою парчу и пошел сквозь толпу. Он склонил голову перед шахом у самого помоста:

– Ваше величество. – Из-за дрожи его было сложно понять. – Я... полагаю, на вашу жизнь готовится покушение. Лат всемогущая, что узнал Эше? Шах выпрямился и сказал:

– Повтори, Хадрит.

– Мой шах, на вашу.

Эше протолкался мимо него.

– Во-первых, я вовсе не евнух. Я – Апостол Хисти и знаток кровавых рун. Вам нужно немедленно избавиться от этих двоих!

Он указал на Джихана и меня. Что происходит?!

Гулямы в золотых доспехах окружили нас, будто почуяли опасность.

Шах покачал головой:

– Не так быстро. Что за опасность грозит мне от моих новых дочери и сына?

– Кровавые руны начертаны кровью завоевателя, – сказал Эше. – Она встречается практически только среди племен Пустоши.

– Я не понимаю, – сухо сказал шах, будто теряя терпение.

Я тоже не понимала. Что он пытается сказать обо мне и Джихане?

Эше тяжело вздохнул:

– Прошу меня простить, но красноречие покинуло меня. Я видел руны по всему вашему дворцу и знаю, для чего они. Наш противник – не какой-то обыкновенный колдун. Любой силгиз в этой комнате, обладающий кровью завоевателя, может прямо сейчас находиться под контролем гораздо более страшного существа. Оборотня.

О Лат. Кровь завоевателя – один из типов? Может, ею об-

ладает мой брат или кто-то из толпы. «Оборотень» звучало гораздо более пугающе, чем «колдун».

Шах повернулся к Хадриту:

– Ты ручаешься за этого человека своей жизнью и жизнью своих родных?

Хадрит поспешно кивнул:

– Да, мой шах. Вы можете спросить и ее.

Он указал на меня.

– Сира? – Шах повернулся ко мне. – Ты знала об этом?

– Я не совсем понимаю, какое это имеет отношение ко мне, – сказала я, – но видела кровавую руну в купальне.

Мой брат, до сих пор хранивший молчание, встал и произнес:

– Будет лучше, если силгизы вернутся в лагерь, пока все не уладится. Мы не позволим отравить мир между нами интригами и колдовством.

– Мой шах, мы отведем вас ко мне домой, – сказал Хадрит. – Вам нельзя оставаться в Песчаном дворце.

– Так будет лучше, – согласился Эше. – Я смогу обезвредить руны, но на это потребуется время. До тех пор вам и вашей семье лучше покинуть дворец.

Все это было так неожиданно, хотя мирный договор уже был подписан и скреплен моим браком с Кярсом. Ничто не могло поставить под угрозу безопасность шаха и мир в королевстве.

Гулямы золотой стеной окружили шаха, а мы с Джиханом

сошли с помоста и собрали силгизов. Толпа расступилась, чтобы пропустить шаха, стражи открыли двойные двери в переднюю, которая вела к выходу из дворца.

Пока я наблюдала за суматохой, меня охватила слабость. Я прислонилась к стене, все вокруг как будто... замедлилось. Я посмотрела вверх. На стеклянном куполе сидел дронго и глядел на меня. Красные глаза печали. Красные глаза ярости.

Я схватилась за голову, чувствуя головокружение. Конечности онемели, к горлу подкатила тошнота. Какое неудачное время для болезни, для обморока. А потом мир перед глазами раскололся, и в трещину полился черный туман, пока не утопил меня.

8. Зедра

Я открыла глаза. Меня окружал тронный зал: наложницы, артисты, силгизские воины и визири, все что-то говорили в ярости или смятении. Люди расступились, чтобы дать дорогу шаху, стоявшему за золотой стеной гулямов. Возможности действовать таяли с каждой секундой. Хотя они не знали, кто я, этот Апостол раскрыл мои руны, так что или сейчас, или никогда.

– Сира, что с тобой?

Джихан погладил меня по щеке. Его силгизский наряд – темно-синий жилет с мехом – напомнил мне нашу вограсскую одежду.

Я оттолкнула его руку.

– Ничего, брат. Просто легкий обморок. Все это произошло так внезапно.

Я чувствовала страх Сиры, отравлявший радость от свадьбы. Бедная девочка верила, что это будет величайший день ее жизни. Новая глава. Что ж, вполне возможно.

– Я не хочу, чтобы ты здесь оставалась. Пойдем с нами в лагерь.

Я улыбнулась и кивнула:

– Конечно. Как скажешь.

Гулямы, выстроившись квадратом, повели шаха к выходу. Его окружал двойной ряд вооруженных аркебузами и сабля-

ми мужчин в доспехах. Как мне, долговязой девчонке, про-
рваться сквозь них?

Я подошла к ближайшему низкому столику и нагнулась. Огляделась, чтобы убедиться, что никто не смотрит. Эти ов-
цы были слишком заняты, наблюдая за Тамазом и гуляма-
ми. Хорошо. Я посмотрела на разделочный нож, воткнутый
в баранью ногу, лежавшую на горке риса. Проведя над ним
рукавом, я сунула нож внутрь.

Гулямы и Тамаз вышли из зала в переднюю. Я последова-
ла за ними вместе с силгизами. Тамаз и гулямы поспешно
последовали через похожий на туннель выход на улицу. Я
не отставала, обгоняя визирей, придворных и наложниц, чьи
парчовые одежды задевали меня. Моя цель миновала жутко-
го каменного симурга, а силгизы остались позади. Хорошо.

Теперь от Тамаза меня отделяли лишь десять шагов и
двойной строй натренированных с рождения воинов. Что
может пробить его?

– Отец! – закричала я, будто охваченная болью. – Отец!

Тамаз посмотрел на меня сквозь строй гулямов. Но они
увлекали его вперед, даже схватили за плечи.

– Отец, подождите!

На этот раз я должна была завладеть его вниманием. Нож
скользнул из рукава мне в ладонь, я набрала воздуха и во-
ткнула его себе в правый глаз.

Волны боли омывали мое лицо, мозг и кости, когда я упа-
ла на колени, не забыв спрятать нож в рукаве.

– Отец! Помогите!

Сквозь заливающую лицо кровь видеть было трудно. Кровь завоевателя обычно казалась на вкус слишком острой и металлической, но на этот раз я ею наслаждалась. Тамаз в ужасе обернулся, оттолкнул гулямов и захромал ко мне.

Он обхватил мою окровавленную голову руками.

– Сира! Что случилось? Ох, дочка! Моя дорогая дочь!

Позади слышался топот бегущих ног. Рядом со мной появился Джихан. Он положил руки мне на плечо и вместе с Тамазом в ужасе смотрел на меня.

– Отец, брат. Мне жаль, – сказала я. – Мне так жаль.

– Лекаря! Приведите лекаря! – крикнул Тамаз.

Его гулямы подошли и выстроились стеной перед нами, а позади были силгизы. К нам протолкался Като.

– Ваше величество, – поклонился он. – Мы найдем ей лекаря. Но вы должны пойти с нами. Я не знаю, где скрывается опасность.

Сейчас или никогда. Все взгляды были прикованы ко мне. Я незаметно взяла нож и вонзила Тамазу в сердце.

– Отец.

Я резала его грудь. Рвалась плоть. Разлеталась вокруг кровь. До тех пор пока у него изо рта не пошла пена и он не повалился замертво.

Джихан неотрывно смотрел на меня, от ужаса в его глазах показались слезы. Он вырвал нож из моей руки, а гулям

подхватил тело шаха Тамаза.

– Она... она зарезала шаха! – закричал Като.

Он обнажил саблю, а другой рукой схватил аркебузу.

Джихан был безоружен. У него был только столовый нож. Но все же он прыгнул вперед, готовясь защищать сестру ценой своей жизни.

– Колдун, – сказал он. – Это сделал колдун!

– Я видел, как она зарезала шаха! – вопил Като, указывая на меня.

Несколько гулямов подхватили тело шаха и куда-то помчались, а остальные построились и заблокировали выход. Като толкнул Джихана, чтобы схватить меня, но Джихан толкнул его в ответ.

Жуткая боль в глазнице притупилась, однако головокружение грозило положить конец этому циклу. Мне нужно было как-то прикончить Сиру, но Джихан забрал нож.

Меня окружили воины-силгизы. Какой-то крепыш поднял меня на плечо. Из ножен на боку торчал охотничий нож с костяной ручкой. Отлично. Пока воин шел с остальными силгизами к строю гулямов, я потянулась за ножом. Когда Самбал убил крысу, я не умерла, значит, не умру и сейчас. Хотя вряд ли будет приятно.

Стрельба! Воздух наполнили крики и вопли. Силгиз передо мной пал жертвой аркебузы гуляма. Джихан рухнул на колени, зажимая прожженную дыру в животе. Устоявшие силгизы вытащили охотничьи ножи и ринулись на гулямов.

Державший меня воин побежал вперед, а я приставила нож к шее, прижала посильнее и провела им по коже.

9. Сира

Надо мной раскинулся знакомый потолок – бескрайнее небо. Меня касались холодные, незнакомые руки. Коса разрезала меня, залив душу кровью. А потом меня выкинули. Я плыла вниз по реке и против течения. Рухнула с водопадом, и меня подхватил водопад.

Я была каплей и стала сгустком, а затем плотью. Моя душа жила в простынях под ней и стенах из ткани вокруг. Кровавый дождь омывал мир и приносил с собой боль. Столько боли – как будто мечи рубили меня на куски. Как будто меж моих ребер рождался джинн.

Появилось знакомое лицо. Его звали Эше. Отвратительный поэт и бывший Апостол Хисти. Я повернулась, чтобы посмотреть на него, и заморгала. Я видела только одну половину, вторая была в темноте.

– Мне снился странный сон, – сказала я.

Он взял мою ладонь и приложил ее к своему лбу, а потом что-то забормотал.

По голове застучал молоток. Обернутый красными тюльпанами джинн приколачивал мой череп к городским воротам. У каждого тюльпана

вместо бутонов были глаза, непрерывно моргающие. Гвозди пробили кости и мозг. Боль была жуткая.

Первый гвоздь сказал: «Мы не можем здесь оставаться. Нас зовет Бескрайность. Но как поступить с ней?»

Второй ответил: «Бросим ее аланийцам. Пусть их собаки обглодают ее до костей».

А третий добавил: «Гокберк, у тебя что, нет чести? Мы должны уважать желания Джихана. Возьмем ее с собой, пусть она побудет с матерью».

«Джихан погиб из-за нее. И еще шестеро других. Пусть ее накажут аланийцы. Так будет правильно».

«Она силгизка. Неужели ты готов ее бросить?»

«Посмотри на нее. Никакая она не силгизка. Она нашептывала Джихану на ухо. Убедила его забыть Потомков, и за это Лат наказала его. Кроме того, это не мы убили шаха, а она».

Я была верблюдом, идущим по пустыне: топ-топ-топ. Была мужчиной, полным печали, которого мучит жажда и сжигает солнце. А потом стала девочкой, сломленной и продрогшей, несмотря на солнце в зените, ведь в ней почти не осталось крови. Я сидела позади мужчины, привязанная к нему веревкой, чтобы не свалилась с верблюда, пока он идет по пустыне: топ-топ-топ.

Мы добрались до оазиса, и мужчина усадил меня, прислонив в каменной стене. Я была колодцем, и мужчина вытащил ведро. Я была здесь тысячу лет и милосердно утолила жажду столько людей, что не пересчитать.

– Ты тут? – спросил человек по имени Эше.

Я увидела собственные глаза – открытые и безжизненные. Я заморгала, снова и снова. И с каждым разом проваливалась внутрь, пока опять не стала девочкой. Меня омыла ее боль.

– Мне снился кошмар.

Растущая луна принесла с собой горький, сухой ветер пустыни. Стояла тишина, только шелестели пальмы. Моя душа скользнула в песок, но он был холоднее тела, и я снова встала. Мужчина вынул косточку из смоченного водой финика, выдавил мне в рот мякоть и сок. Такие сладкие, тягучие и радостные.

– Где мы?

Я уставилась на звездное небо.

Дышать было больно, с каждым вдохом я словно глотала гвозди. Глаза болели, и открытые, и закрытые. Мне хотелось снова стать песком. Или колодцем. Это тело – сплошная боль.

Мужчина лежал на песке и храпел. Когда он заснул? Каждая минута тянулась как час. Я коснулась своей шеи. Ее покрывала толстая, туго спеленатая ткань. Может, мне поэтому так больно дышать? Я ощупала лицо и снова наткнулась на ткань, закрывающую правый глаз. Вот почему я вижу только половину мира?

Я начала... вспоминать. Вспоминать кошмар, в котором я вырезала себе глаз, заколола шаха Тамаза и перерезала себе горло. Я задрожала. Я не хотела это вспоминать. Мне хо-

телось стать песком, чтобы ветер унес меня далеко-далеко. Или стать самим ветром и дуть до края земли. Что угодно, только не это.

Дневной свет принес живительное тепло. Но я по-прежнему глотала гвозди. Еще мыл своего верблюда, пока тот с удовольствием жевал траву. Я сидела у колодца, в бинтах и грубом кафтане.

– Я хочу домой, – сказала я.

Еще выронил тряпку и опустился на колени рядом со мной. Он приложил мою руку к своему лбу и помолился.

– Что ты делаешь?

– Единственное, что приходит в голову.

Когда я моргнула, дрогнуло только одно веко, а по лицу и шее рассыпались горячие искры.

– Что ты со мной сделал? – спросила я.

Он утолил мою жажду из бурдюка, а потом сунул мне в рот финик.

– Почему мы в пустыне? Где шах? Что вообще происходит? – Я попыталась кричать, но едва шептала.

Еще прищурился и покачал головой:

– Сира...

– Ты должен называть меня султаншей. Теперь я султанша.

Но если это так, почему я здесь, а не во дворце? Почему у слез, текущих по моим щекам, привкус крови?

– Где мой брат? Где Джихан?

Эше вылил оставшуюся воду себе на голову и отвернулся.

– Твой брат мертв. Шах мертв. Ты... ты жива.

– Что ты такое говоришь? Эше! Посмотри на меня!

Но он не стал.

– Я не мог этому помешать. В очередной раз не мог помешать.

– Эше, пожалуйста, не говори так. Ты меня пугаешь.

С дикой болью во всем теле я оттолкнулась от стены.

В воде отразилось мое лицо. Окровавленные бинты закрывали правый глаз. Вокруг шеи была намотана окровавленная тряпка.

– Нет, такого не может быть, это сон, – с дрожью пробормотала я. – Где шах Тамаз? Где Джихан?

Ни Эше, ни его верблюды, ни пальмы вокруг не ответили. Так что, быть может, мне придется доползти до самого Кандбаджара.

Но когда я попыталась, Эше положил руку мне на плечо.

– Нам пора двигаться дальше, – сказал он. – Меня наверняка ищут.

– Что? Кто?

– Гулямы. Они захватили Хадрита и Озара, и подозреваю, у всех на устах мое имя. А евнух сбежал, он вроде говорил, что пойдет в Кашан. Что касается тебя... Думаю, тебя они считают мертвой. И твой брат, и Тамаз погибли, пытаюсь спасти тебя, Сира. Их смерть не должна быть напрасной.

– Но я хочу домой.

– У тебя больше нет дома! Даже твоё племя не желает иметь с тобой ничего общего.

Как такое возможно? Неужели это не сон? И все же я видела себя. Я парила над собственным телом, когда оно выкололо себе глаз, пырнуло шаха ножом в грудь, а потом.

Неужели все это правда? В меня вселился... колдун?

– Если это правда, дай мне умереть, – попросила я. – Похорони меня здесь. Тут приятное место.

Эше покачал головой:

– Позавчера, когда мы встречались в доме Хадрита, ты сказала, что любишь эту страну.

– А ты сказал, что хочешь лишь узнать побольше о кровавых рунах. Так почему ты мне помогаешь?

– Значит, мы оба солгали.

Я свернулась калачиком на траве.

– Я не лгала. Я люблю Аланью. Но не могу жить вот так. Лучше бы я умерла. Перестань поить меня водой и кормить. Я не поеду туда, куда ты меня везешь. Не поеду! Пусть все закончится!

Но он сунул что-то мне в рот и заставил жевать. По вкусу напоминало маковые зерна.

Я проснулась на верблюде, и веревка привязывала меня к Эше. Мои кровавые слюни испачкали его спину. Мы ехали вперед, и он хлестал верблюда по бокам тростинкой. Солнечные лучи окрасили небо алым, и во всех направлениях расстилались волны пустыни.

– Пощади, – прошептала я. – Убей меня.

– Скоро уже приедем, – отозвался он. – И тогда ты, по крайней мере, будешь в безопасности.

– Ты ничего мне не должен. Зачем ты это делаешь?

– Я... Я был Апостолом Хисти. Мы не можем пройти мимо несправедливости, в отличие от остальных. «Поддержи немощного» – таков наш девиз.

– Лучшая помощь – это быстрая смерть.

– Ты когда-нибудь пробовала молиться?

Я пробовала – во время той голодной зимы в Пустоши.

– И о чем мне молиться? Какой святой исцелит мои раны? Я калека. Потеряла свое место в мире. А те двое, которые любили меня, мертвы, погибли от моих собственных рук!

– Не по твоей вине!

Мои слезы мешались с кровью, заливая тонкую рубаху Эше. Я ткнулась в пятно щекой. Кожа на его спине казалась такой грубой, словно покрыта полосами скал.

Я заворочалась в надежде свалиться с верблюда, но веревка держала крепко. Эше повернул голову, поглядел на меня с жалостью и попытался запихнуть мне в рот маковые зерна. Но я не открыла рот.

– Не усложняй все! Если нас найдут гулямы, то убьют обоих.

– Только ты все усложняешь! Я не хочу ехать с тобой. Брось меня здесь. Прямо тут. Хоть на этом пяточке песка. Он ничем не отличается от других и прекрасно подойдет.

– Ты хочешь добиться правосудия? Разве ты не разгневана на того, кто так с тобой поступил?

Тот, кто это сделал, был злом, это точно. Но никакая ярость не поможет мне справиться с колдуном, оборотнем, пишущим кровавые руны. Эти слова звучали как детский кошмар. Я была тусклым ничтожеством, а теперь стала еще и калекой. Все, что я получила в жизни, принесла одна лишь удача, а теперь она от меня отвернулась.

– Мне нужен только покой. Я не могу нести эту ношу. Что со мной будет? Мне придется просить на улицах подаяние до конца дней? Даже дома наслаждений не возьмут одноглазую шл...

Мерзавец все-таки набил мне в рот мак, а потом сжимал мне челюсти, пока я его не проглотила.

Горный перевал охраняли двое. Они были в зеленых тюрбанах и простых черных жилетах на пыльных от песка кафтанах. Еще приблизился к ним, взяв меня на руки как ребенка. Он оказался сильнее, чем выглядел, но я была одного с ним роста, и моя голова болталась, падая с его плеча.

– Девушке нужна срочная помощь, – сказал он. – Прошу, пропустите нас в лечебницу.

Я повернула голову и увидела, как один из них, с маленькими глазками на круглом лице, что-то шептал другому. Тот кивнул. На его крючковатый нос можно было ловить рыбу.

– Никогда не слыхал о таком трюке, – сказал носатый. – Я потрясен. Она выглядит, как будто. Погоди-ка. Да это и

правда кровь!

Другой вытащил из ножен ятаган.

– Это ты покалечил девушку, изгнанник?

Эше покачал головой:

– Нет. Я не хочу с вами драться. Пожалуйста, помогите нам.

Те двое взяли меня из рук Эше. Круглолицый держал меня словно платье, которое он вытащил из шкафа.

– Убирайся, – велел носатый Эше. – Я помню тот день, когда тебя высекли и сбросили с горы. Даже самый хитроумный трюк не поможет тебе вернуться в город.

– Сира, – позвал Эше.

Я посмотрела на него одним глазом. Каким же хрупким он казался, потный и сутулый, какими уставшими были его глаза.

– Послушай, Сира. У нас есть только одна надежда, только один способ победить оборотня. Меня в город не пустят и не прислушаются к моим словам, так что все зависит от тебя. Ты должна найти его, Сира, должна убедить нам помочь.

– Найти? Кого? – пробормотала я.

– Мага. Его зовут Кева.

Зелтурия выглядела невероятно, даже если смотреть одним глазом, даже когда меня нес незнакомец, прижимая к груди, и моя голова покоилась на его плече. Я ощутила первую искорку радости – я в святом месте. И надеюсь, скоро умру в святом месте.

Огромные каменные двери были высечены прямо в горе, как говорят, племенем джиннов-ифритов – если верить легендам, на которых я выросла. Двери были выкрашены в золотой, красный и зеленый, самые яркие оттенки. Увидев их, я приободрилась. Несколько лет назад у меня была возможность сюда поехать, но я отказалась. Паломничество с молитвами и постом не показалось моему юному уму интересным, разве что в местных храмах продавали платья и туфли. Возможно, если бы я поехала, моя жизнь сложилась бы иначе. Возможно, я была наказана за неверный выбор.

Улицы были запружены людьми в белом, которые переходили от храма к храму стройными рядами, при этом все распевали молитвы святым и Лат.

– Так что же с тобой случилось? – спросил несущий меня человек.

– Оборотень, – промямлила я.

– А, я слышал про них. Последний умер во времена Селука, шестьсот лет назад.

– Рафа, ты разве сегодня не постишься? – обратился к нему носатый.

– Ну да, а что?

– Разговор с девушкой не из твоего близкого окружения нарушает пост, ты разве не знаешь?

– Алир, она касается меня почти всем телом. Думаю, пост и так уже нарушен.

– С этим ничего не поделаешь, – сказал Алир. – Но ты не

должен с ней говорить.

– Я уже два года не разговаривал с девушкой. Попоститься могу и завтра.

– Хотя, быть может, она все равно не хочет тебя слушать.

– Почему это? – Рафа откашлялся. – Так, значит, оборотень, да? И как это было?

Как это было?

– Он заставил меня выколоть самой себе глаз. Потом заставил убить свекра и брата.

Из моего единственного глаза снова потекли слезы. Повод вполне подходящий, так что я не стала их сдерживать.

– Придурок, – рявкнул Алир. – Ты что, вообще никогда не разговаривал с девушками?

– Ничего себе история. – Рафа сжал меня крепче. – Алир, как думаешь...

– Оборотни давным-давно вымерли. У нее явно тяжелые времена, но в это я не верю.

Я проглотила наполнившую рот горькую пену и спросила:

– Вы оба... Апостолы?

Алир засмеялся:

– По-твоему, мы похожи на Апостолов Хисти?

– Апостол? – сказал Рафа. – Это самый лучший комплимент в моей жизни!

– Он же единственный, Рафа, – ухмыльнулся Алир. – Пошли, лечебница совсем рядом.

Лечебница тоже находилась внутри горы, но высоко в сте-

не были высечены окна, чтобы проникал солнечный свет. Во все стороны тянулись соломенные тюфяки, на которых лежали больные и раненые. Мои провожатые шли несколько минут, пока не обнаружили свободный тюфяк. Теперь я стала одной из множества убогих.

Мне было неприятно находить утешение в этих грубых шерстяных простынях. Лучше бы меня бросили в зыбучие пески, которые поглотили бы меня, чем на эту кучу соломы. Мне хотелось сказать: дайте мне умереть, дайте мне умереть, но я знала, что они этого не сделают. Жители Зелтурии как никто другой славилась своим милосердием.

Рафа ласково улыбнулся. Но без жалости, как должен был бы. Просто по-доброму.

– Вы знаете...

Я закашлялась и со слюной выплюнула на каменный пол сгусток крови.

Рафа нагнулся.

– Тебе плохо? – Он повернулся к приятелю: – Позови лекаря!

Я стерла кровь с губ.

– Ничего страшного. Я просто хотела спросить... вы знаете... мага? Как там его зовут... Кив... Ке...

– Кева? Никогда с ним не встречался. Все знают, что он здесь, где-то в городе, но точно не знаю где.

Да какая, в сущности, разница? Разве маг мог вернуть Тамаза? Или моего брата?

Я закрыла глаза. Хотя все последние дни я в основном спала, мне все равно хотелось дремать. Во сне я чувствовала себя лучше, чем наяву. Во сне все было лучше.

– Мы из святого ордена, – сказал Рафа. – Я могу спросить шейха, если хочешь.

Я покачала головой:

– Не трудись. Это все равно не важно.

Он посмотрел направо, на безмолвный проход между тюфяками, и сказал:

– Целитель уже идет. А нам пора. Мы же на посту. Но мы навестим тебя завтра, узнаем, как твое здоровье.

Жалость. Мне она не требовалась.

– Не стоит беспокоиться.

То, как он надулся, напомнило мне младшего брата, тоже умершего. Из родных у меня осталась только мама, и, как я слышала, она была при смерти – печальный конец для рода каганов и хатун, восходящего к временам Темура.

Пришел целитель, омыл раны на моем лице и сменил повязки. Затем появилась несколько женщин в белом, они обтерли все мое тело губкой и переодели в мешковатый кафтан, пока группа санитаров с каменными лицами встала вокруг меня, повернувшись спинами, чтобы никто, кроме моющих меня женщин, не видел мою наготу. Это было гораздо больше, чем я хотела, чем заслужила, но у меня не было сил возражать.

Я осталась там на ночь. Утром я не встала с тюфяка, пе-

ребирая в памяти ужасные события. Стыдно признаться, но я не молилась. Считается, что женщине в отчаянном положении не остается ничего другого, но молитва – это для тех, кто надеется. А надежда полна горечи.

Вокруг меня страдали люди. Одни умирали в постели, и их выносили, завернув в саван. Я видела ребенка без ног. Женщину без рук. Мужчину, который кашлял желчью, пока не застыл. Будничные мучения бедняков, и теперь я оказалась среди них.

Здесь и пахло смертью, хотя ее пытались скрыть духами и благовониями. Я словно вдыхала чужие внутренности. Но, не считая редкого покашливания и вздохов, стояла странная тишина, какой и должна быть смерть.

Мне не хотелось оставаться здесь в окружении страданий. Они напоминали о Тамазе и брате. Но как насчет меня самой? Оборотень не только выколол мне глаз, но и перерезал горло. Так почему же я жива?

В голове вспыхнуло воспоминание: пока моя душа парила наверху и как птица наблюдала за резней, я увидела, как перерезала себе горло, а потом Эше схватил меня за руку и вышиб нож. Он окунул пальцы в мою кровь и написал... у меня на шее какие-то знаки. Кровотечение остановилось, словно рана затянулась. То, что он сделал, спасло меня от потери крови. Неужели Эше... тоже колдун?

В любом случае, это он виноват, что мне приходится страдать, вместо того чтобы умереть с миром. Теперь самое луч-

шее, что я могу, это умереть где-нибудь в святом городе, поближе к Лат и святым. В раю мне точно будет лучше... если я туда попаду. Даже вечное небытие казалось спасением... если меня им одарят.

Я видела, как бабушка умирала от кошмарной болезни и у нее слезала кожа. На смертном одре она беспомощно бормотала молитвы, это был такой резкий контраст с ее жизнью. Силгизская охотница – вот это жизнь. Как далека я от такой благородной судьбы.

Я села на тюфяке. Боль уже не была такой сильной. Душа не улетала в воздух и не падала, а крепко держалась внутри. Быть может, ей трудно было снова найти равновесие после того, как оборотень вырвал ее из тела. Или все дело было в маке, которым Эше набивал мой рот.

Я встала и вышла из лечебницы, вот так просто. Думаю, если у человека хватает сил, чтобы выйти, его никто не будет здесь держать. Никто меня не остановил.

Улица, больше похожая на долину между двумя горами, была наполнена распевавшей толпой. Горы отбрасывали тень на все вокруг, а между ними гудел ветер. Двери храмов были обрамлены высокими яркими колоннами – золотистыми, красными и зелеными, а над каждой пылала восьмиконечная звезда Лат. Внутри храмы были темными и манящими.

Я выбрала один наугад, постояла в короткой очереди вместе с энергичными паломниками и вошла. Я нашла женскую

половину, сразу за гробницей с телом святого, и села на холодный камень. Входили и выходили женщины, в основном в белых одеждах, некоторые зажигали свечи у основания гробницы, другие просто садились и бормотали молитвы.

– Кева, – произнесла я, пожалев, что Эше вообще мне об этом сказал. Лучше бы он позволил моим надеждам умереть, чтобы меня мирно похоронили. Но нет, он назвал мне это имя, будь он неладен. – Кева.

Я произносила это имя снова и снова, словно молилась ему. Словно пыталась его вызвать. Имя просто так приятно звучало. Если бы у нас с Кярсом родился сын, я назвала бы его так.

Какая печальная мысль. Сидя в священной пещере среди набожных женщин я задумалась, а не остаться ли здесь навсегда. Забыть обо всем. Только молиться день и ночь. Ни имени, ни статуса, ни места в мире. «Травинка, гнущаяся на ветру», как сказал Тамаз. Его последние стихи.

– Прощай, Тамаз. Прощай, Джихан, – рыдала я в тишине, зажав рот рукой, чтобы не привлекать внимания. Они и правда умерли или это просто долгий и жестокий кошмар? – Прощай, Джихан. Прощай, Тамаз. Здравствуй, Кева.

В отличие от имен умерших и дорогих мне людей его имя было полно надежды. Где же он? У меня не было ни сил, ни желания рыскать по горному городу ради призрачной надежды. Пусть он сам ко мне придет, раз уж настолько могущественный. Пусть услышит мой шепот.

– Здравствуй, Кева. Прощай, Джихан. Прощай, Тамаз.

По моему лицу текли слезы. Как мне было жаль себя. И правда, что может сравниться с такой судьбой? Быть может, все началось, когда йотриды схватили меня и доставили во дворец. А может, мне не стоило пытаться выйти замуж за человека выше меня по положению, вроде Хадрита или Кяrsa. Разве я не могла довольствоваться... буквально кем угодно? Просто смеяться с кем-то вместе и завести детей, как это было у моих родителей.

Но я тут же вспомнила о холоде, из-за которого мой брат чуть не отморозил пальцы на ногах, о холоде, убивающем силгизских младенцев в колыбелях. Чтобы выжить, требовалось много всего. Во-первых, плодородная земля у реки Вограс. Золото тоже было нелишним – покупать то, что не можешь вырастить. Поэтому в Кандбаджаре были пряности, шелка, металлы, книги, животные, фрукты, орехи, семена и драгоценные камни с восьми концов света. А чтобы защитить то, что построишь, нужны солдаты. Точнее, больше солдат, чем у врага.

Вот почему я хотела подняться так высоко. Я просто пыталась выжить, только и всего. Но меня переиграли... Переиграл тот, о чьем существовании я даже не знала. Проклятый оборотень.

– Прощай, Джихан. Прощай, Тамаз. Здравствуй, Кева.

Конечно же, он не придет. Нужно поднять свою задницу и найти его. Но где начать поиски в таком огромном и полном

тайн городе?

Я размазала слезы по щекам, подползла к сидящей рядом женщине и спросила:

– Э-э-э... Вы не знаете, где живет Кева?

Крепко сбитая женщина посмотрела на меня светлыми глазами и ответила на незнакомом языке. Вероятно, на кашанском диалекте. Я улыбнулась, встала и вышла на улицу, смущенная уже тем, что попыталась.

На улице стоял парень в зеленом тюрбане и зевал.

– Ты знаешь Кеву? – спросила я.

Он поднял брови:

– Кеву, инспектора рынков? Да это ж мой пьяница-брат!

– Нет-нет, мага Кеву. Знаешь, где он живет?

– Ах, мага. Нет, не знаю.

Все без толку. Потом я посмотрела наверх. В конце главной улицы высился над другими горами храм святого Хисти. Дверь была выкрашена желтым, словно на нее плеснули солнечный свет.

Я пошла туда, пока не застряла в толпе. Нет, то была очередь. По улицам змеилась самая длинная очередь, какую я когда-либо видела. Продвигалась она очень медленно, по шагу в минуту. Неужели люди и правда готовы так долго ждать, чтобы помолиться у гробницы святого Хисти? Наверное, если молитва и способна помочь, то это молитва самого святого человека.

Прежде я никогда не стояла в длинных очередях. И теперь

поняла, насколько это ужасно. А хуже всего, я даже не была уверена, что найду Кеву в этом гигантском храме.

Я протолкалась вперед через море людей. Те, мимо кого я проходила, осыпали меня насмешками и ругательствами, но если они хотели остановить меня, пришлось бы меня оттащить. Возможно, их пугало мое перевязанное лицо и шея – в конце концов, не стоит трогать чудовище.

Через несколько минут, протискиваясь сквозь толпу, я вспотела и покрылась пылью, но наконец добралась до начала очереди. Однако массивные двери цвета солнца преграждали стражи в зеленых тюрбанах. Один протянул руку, не давая мне войти.

– Назад, – сказал он. – Это тебе не базар, а самое священное место на земле. Жди в очереди, как все остальные.

– Кева здесь?

– Кева? – он поднял брови. – Хм, наверное. Обычно в это время он здесь.

– Мне нужно повидаться с ним. Пожалуйста.

Он хмыкнул:

– Маг ни с кем не встречается. И не выслушивает просьбы.

Мне нужно было что-то придумать, чтобы войти, лишь бы они не отправили меня в конец мерзкой очереди.

– Я... я... я его дочь!

Надеюсь, у него есть дочь.

– Кева упоминал свою дочь, – вступил в разговор второй страж. – И что сильно по ней скучает.

— Это я! Я так давно не видала отца. Пожалуйста, впустите меня!

— Конечно, — хором ответили они.

Они посторонились и объяснили, где его искать. Найти какую-то комнату позади гробницы, пройти дальше по коридору и вниз на три пролета, завернуть за угол, потом еще один коридор, мимо кухни и... Я уже успела забыть остальное!

Если бы я уже не выбилась из сил, протискиваясь сквозь очередь, то задохнулась бы при виде храма. У алтаря стояли тысячи свечей. Стены покрывала парамейская вязь, сверкающая в их сиянии. Каждый клочок был занят молящимися, мужчины и женщины даже не разделялись. Они пели в унисон, низкими и строгими голосами. Как печально, что я вошла в святое место с помощью лжи.

Я побрела в коридор за гробницей. Когда я прошла через дверь и вниз по лестнице, меня с подозрением оглядели мужчины в шерстяных плащах, похожих на те, что носили члены ордена святого Джамшида в Кандбаджаре. Вероятно, они постились и не хотели говорить или прикасаться к женщине. Может, сегодня день рождения какого-то святого, а я позабыла? Святых так много, а в детстве меня не учили в них верить. У каждого был храм, свой день и отдельная молитва, и у нас были разные поводы молиться каждому, хотя эти святые уже находились в Барзахе, куда попадают души после смерти. Был даже святой по имени Смерть, он всегда

приводил меня в ужас.

Все было куда проще, когда я жила среди силгизов, мы молились только Потомкам. А точнее, Двенадцати предводителям, хотя я не помнила их имена.

В конце коридора находилась выцветшая желтая дверь, как и объяснил страж. И теперь я стояла перед ней. Там должен быть Кева. Вместо того чтобы постучаться, как воспитанный человек, я приотворила дверь, скользнула внутрь и закрыла ее за собой.

– Мелоди? – сказал человек, сидящий у голой стены. – Мелоди!

Прежде чем я успела опомниться, мой лоб уже прижимался к его подбородку, и Кева обхватил меня руками.

– Доченька, я знал, что Лат тебя вернет, – сказал он по-сирмянски. – Что с твоим глазом?

Я высвободилась из его объятий.

– Нет, я не твоя дочь.

Он печально уставился на меня и отошел в угол, где стоял кувшин с водой. Кева взял его и выплеснул на лицо. Это что, какой-то ритуал?

Потом он снова прислонился к стене и сел.

– Прости. Я уже много дней пощусь. Я принял тебя за другую. Мелоди умерла... О чем я только думал?

Так, значит, его дочь умерла, а я воспользовалась ее именем, чтобы проникнуть внутрь. Какое постыдное совпадение, что он принял меня за нее.

– Дотронувшись до тебя, я прервал свой пост, – сказал он, теперь уже на парамейском с сильным сирмянским акцентом. – И разговаривая с тобой. Значит, нужно отпраздновать и закатить пир.

– А... есть что праздновать?

Он покачал головой и засмеялся:

– Нет.

Смех звучал так нелепо, что я тоже засмеялась.

– Так... кто же ты, странная девушка? – Он повернул голову и сказал в стену: – О Лат, не говори такое, птах.

Неужели этот человек... безумен? И безумец, разговаривающий со стенами, моя единственная надежда?

– Меня зовут Сира, я из Кандбаджара, оборотень вселился в меня, чтобы убить шаха, а возможно, он замышляет и что-то еще ужаснее.

Кева снова посмотрел на стену, где висел дешевый гобелен с блестками, и сказал:

– Ты хуже Ахрийи. – Потом он улыбнулся мне. Прекрасная улыбка на лице красивого мужчины с белокурыми волосами и точеным подбородком. Хотя сейчас у меня не было времени на подобные мысли. – Прошу прощения, Сира. Я разговаривал с джинном.

– В комнате есть джинн?

Я огляделась, не зная, всерьез ли он. Здесь не было ничего, кроме соломенного тюфяка, кучки книг и потрепанного деревянного сундука.

– Он безобиден. Только немножко... назойлив, но... Ладно, не обращай внимания. Ты сказала, что оборотень использовал твое тело, чтобы убить шаха Аланьи. Правильно?

Я кивнула, и заныла рана на шее.

– Мне велели найти тебя. Сказали, что ты можешь помочь. Потому что ты маг.

Он вздохнул как человек, несущий на плечах все мировое бремя.

– Я всего год как маг. И единственное мое достижение за этот год – я выучил парамейский. Но почти не приблизился к фанаа.

– Понятно. – Я вздохнула почти так же тяжело, как и он. – Мне правда нужна твоя помощь.

– Послушай, оборотень – штука серьезная. Я мало о них знаю, кроме того что они из древнего ордена, который уничтожил Селук, когда покорил эту часть света. Они – историческая диковина, и ужасающая. А теперь ты говоришь, что оборотень... воспользовался твоим телом... чтобы убить шаха Аланьи? Я ничего не слышал о смерти шаха Тамаза.

– Потому что это произошло только что. Я не лгу.

– Ладно, предположим, что это правда. Но я не понимаю, чего ты хочешь от меня.

– Кто же еще способен побороть могущественного колдуна, как не другой могущественный колдун?

Он покачал головой:

– Похоже, тебя дезинформировали. Я совсем не могу-

существенный. Я не получил власти ни над одним племенем джиннов, хотя и ношу три маски.

– Не понимаю, что это значит.

– Это значит, что я маг только по названию и совершенно не способен победить оборотня, это уж точно.

Что я могла на это сказать? Только то, что когда-то вложила мне в голову Зедра:

– Ты не узнаешь свою силу, пока не попробуешь.

Он хмыкнул:

– Это милая присказка, чтобы подбадривать детей. Но мы говорим о том, что скрывается за пологом. О том, что рождено из запретных звезд. О существах столь древних и злобных, что.

Он умолк и поежился, а потом сжал ладонь, чтобы успокоиться. Быть может, это от многодневного поста?

– Если не ты, то кто?

Он снова повернулся к стене и сказал:

– Я обо всем этом сожалею. – О чем он говорит? – Это твоя работа, птах.

Он прижал руки к груди, глядя на меня.

– Я попрошу выделить тебе жилье в женской половине. Что касается твоей просьбы, я ее услышал. Мой джинн проверит твои слова. В их... кругах слухи распространяются быстрее. Но я не могу обещать тебе помощь. Даже если в Кандбаджаре случилось что-то ужасное, я должен закончить обучение. Лат дала мне такое задание, и я не могу просто все

бросить, чтобы помочь тебе. К тому же, судя по всему, мне это в любом случае не по силам.

Как забавно он утверждает, что сама Лат дала ему задание. Это не тот ответ, который мне нужен, совсем не тот. И все-таки я сдержала слезы.

– Ты хочешь, чтобы я попыталась сама? Может, ты и слабый колдун, но я совсем ничего не умею. Я умру, если попытаюсь драться... Хотя меня это устроит.

Он снова благостно улыбнулся:

– Джинн говорит, что ему нравится твой голос. А от этого малыша много пользы. Он огорчится, если ты умрешь.

Я снова огляделась.

– Если бы только я могла его увидеть.

Кева указал на свои глаза:

– Видеть то, что находится за покровом, не так уж весело, как кажется. Вместе с чудесами приходят и кошмары. Нужно быть готовым принять и то, и другое и разумом, и душой.

– А ты был готов?

Он скрестил руки на груди и посмотрел на потолок, весь покрытый трещинами, – наверное, его джинн взлетел.

– Ни чуточки.

10. Зебра

На утесе, стоящем на краю времен, Отец смотрел в небеса. На облаке показался образ плачущей женщины, она молилась за благополучное возвращение мужа. Затем появился мальчик без руки, умоляющий спасти его мать от оспы. И даже царь на железном троне молил даровать победу над вторгшимся врагом.

Но Отец не уделил им даже взгляда. Он смотрел выше, на черную точку на освещенном кольцом небе. Казалось, точка... разрастается, будто язва. Что он видел там?

Я подползла к его ногам. Я не могла стоять, колени были слишком слабы для тяжелого воздуха. Схватив его за лодыжки, я произнесла:

– Я это сделала, Отец.

Вопли молящихся в облаке стали громче. Отец Хисти поднял руку и взмахнул. Облако унеслось далеко за горизонт вместе с надеждами и молитвами.

– Пустая трата времени, – сказал он. – Лучше бы молились камням, как древние.

Нас всегда учили, что отец Хисти доносит наши молитвы до Лат. Как он мог отмахнуться от них, словно от сора? Как же теперь Лат их услышит? Как она услышит хоть кого-то из нас?

– А как насчет... всех молитв твоих Потомков?

– Ты видишь ее трон над нами? Пока мы не восстановим праведное правление Потомков, ни одной молитве не достичь Лат.

Я была не в том положении, но все же пришлось надавить, чтобы не понять неправильно:

– Как такое возможно? Разве ты не избранный Лат? Как же тогда твои молитвы могут оставаться без ответа?

Он рассмеялся, громко и мрачно, затем указал на черную точку в небе:

– Потому что я смотрю на это уже тысячу лет. Чтобы победить тьму, надо ее узнать, а чтобы узнать, нужно стать ею. Не забывай этого, Зедра. Ты хорошо потрудились, но ничто еще не закончено. Иди... и заверши начатое.

– Конечно, я все сделаю.

– И хочу предупредить. Пусть тебя и не раскрыли, но заметили.

– Заметили?

Выросло новое облако. По нему растянулись плачущие детские лица. Раздались крики, и внутри сверкнула молния.

– Избавь нас от искушения, – сказал кто-то на странном языке, которого я не знала, но каким-то образом понимала. – Научи нас лишь тому, что праведно.

Отцу, казалось, было все равно. Он повернулся ко мне:

– Тебя заметил маг, который будет носить все маски. Он считает, что идет путем праведности, но сильно заблуждается. Укрепи свой дух, дочь. Уничтожь все препятствия и вра-

гов. И будь готова сделать все – абсолютно все, – чтобы он не забрал и твою маску.

Отец уже предупреждал меня о нем. Его звали Кева, и он проходил обучение в Зелтурии. Больше Отец ничего не ска- зал.

– Конечно, я все сделаю.

После того, что я вынесла, меня пришлось возить в крес- ле. Лекари говорили, что со временем я смогу двигаться, но время – это непозволительная роскошь. Я стремилась вос- становить праведное правление Потомков – сейчас самое время, пока трон пуст. Отец велел уничтожить всех остав- шихся врагов, главным из которых был Кярс, но я могла по- ступить мудрее. Я могла заставить предводителя гулямов Ка- то сделать это вместо меня.

Вера прикатила меня в тронный зал. Като сидел на помо- сте у оттоманки шаха, в официальном наряде гуляма: шитый золотом тюрбан, сверкающие туфли с заостренными носами и простой кафтан с черным жилетом, отороченным золоты- ми листьями.

Перед ним выстроился меджлис – собрание визирей, от- ветственных за тот или иной вопрос. Главы государства те- перь, когда шах мертв. На каждом был тюрбан с самыми за- мысловатыми узорами. Я оценила львов, марширующих по розовому тюрбану наместника Кучана. У каждого визиря на лице было написано замешательство и страх. И не без при- чины.

Смерть шаха – время печали и страхов. Я пропустила похороны Тамаза. Меня это не слишком волновало, но плакальщиц было трудно не замечать – его жена и наложницы громко причитали в своих башнях. Одна выла как демон, которого забивают до смерти. Все хотя бы изображали горе, хотя, уверена, многие печалились искренне.

Для некоторых смерть Тамаза оказалась радостным событием. Шах завещал своим приказчикам бродить по улицам и раздавать народу золото, шелка и фарфор. Даже мы, наложницы, получили свою долю. Правда, мне от золота было мало проку – я расплачивалась совсем другим.

– Многоуважаемые паши, я не любитель масляных речей, – сказал Като, прервав мои размышления, – поэтому позвольте сказать прямо. Тем, кто это спланировал, кто-то помогал. Кто-то из вас, – он обвел рукой всех присутствующих. – Пока мы не найдем предателей, работа меджлиса приостановлена.

Мудро, хотя и ожидаемо. Теперь визири, ненавидевшие Като, не могли действовать против него официально. Но это напоминало стрельбу из пушки по воробьям. Я не ожидала, что Като сделает эти заседания публичными, но решила, что он хотел показать свою преданность Селукам, а значит, чем больше зрителей, тем лучше.

Разумеется, поднялся шум.

– По какому праву? – выкрикнул кто-то.

Като большим пальцем указал на трон позади себя:

– По праву опустевшего престола. И он таким и останется, пока не вернется шах Кярс. Я пока не знаю имена предателей. Мы поймали нескольких, но, несомненно, их больше. Кто-то из вас должен был знать о стоящих за излучиной реки кораблях и тысяче хазов на них. И если вы знали, значит, замешаны в убийстве шаха. Замешаны в неудавшемся перевороте Озара и Хадрита. Каждый из вас должен доказать свою невиновность.

Меджлису будет нелегко это проглотить, но какой у них выбор? Стоявшие вокруг гулямы были одеты в боевые доспехи – золотые кольчуги и бронзовые сапоги – и держали позолоченные аркебузы.

Я не сомневалась, что Като восхищался шахом Тамазом, даже был в некоторой степени к нему привязан и хотел обезглавить любого, хоть как-то причастного к его убийству, но еще меньше я сомневалась в том, что Като найдет предателей среди собственных врагов, как ни слабы будут свидетельства против них. Он ругал визирей, ненавидевших его и строящих козни, и теперь ему представился шанс уничтожить их на основании любой, самой тонкой связи с Хадритом или Озаром. Хорошо.

– У меня есть просьба, – прогремел среди беспокойного гула голос.

Вперед вышел Великий философ Литани. Под синей мантией на нем была плотно облегающая худую фигуру рубаха, заканчивающаяся на талии, где металлическая застежка со-

единяла ее со штанами. Мне нравился его вид.

– Говори, Философ, – сказал Като.

Литани кашлянул.

– В следующую луну на небесах наступит особое время. Мы сможем ясно видеть некоторые звезды и желаем спокойно изучить их орбиты на горе Кафа. Видишь ли, наши инструменты очень чувствительны. Мы просим, чтобы гору запретили посещать, пока не закончатся наши исследования.

Като погладил бороду.

– Что ж, хорошо.

– Кх-м, – произнес кто-то в толпе. – В следующую луну будет праздник святого Йорги, который, конечно же, должен проходить на горе Кафа.

– Неужели? – сказал Като. – Я только что отдал гору Философам. Устройте праздник где-то в другом месте.

– Но святой Йорга получил свою святую миссию на горе Кафа.

– Хм, я забыл об этом. – Като почесал лысую голову. – Философ, найди другую гору.

– Это самая высокая гора на сотню миль вокруг, – возразил Великий философ Литани. – Никакая другая не подходит.

Като топнул ногой:

– Это все к делу не относится. Нашего шаха только что убили, а вы приходите ко мне с такими пустяковыми вопросами!

Литани поднял руки, будто не веря своим ушам:

– Ты только что приостановил работу меджлиса. К кому еще мне идти?

– Не хитри со мной, Философ. Разберитесь с этой чепухой сами.

Похоже, Като требовалась помощь. Хорошо.

Везя меня по покрытым коврами коридорам дворца в мою комнату, Вера спросила:

– Султанша, а это правда, что Сира убила шаха?

– Меня там не было, дорогая, но так все говорят.

– Но у Сиры доброе сердце, и она любила шаха. Зачем ей это?

– Если бы только мы знали, что люди скрывают в своих добрых сердцах.

Хотя я обещала Отцу укрепить свой дух, мне требовался отдых. Слишком многое произошло чересчур быстро, и я пока не знала всего, что нужно.

Кярс, несомненно, повернет назад, как только получит известие о гибели отца. А это уже должно было произойти, учитывая, как аланийцы посылают сообщения. С помощью лучников. Лучник Ока выстреливает сообщение на тысячу шагов, его подбирает другой лучник и снова выстреливает на тысячу шагов, и так до тех пор, пока оно не достигнет адресата. Отправляясь в путь, армия оставляла по три Лучника Ока через каждую тысячу шагов, и они сменяли друг друга. Кроме того, Лучники Ока имели постоянные посты по всей

Аланье. Я планировала использовать их для отправки собственного послания, но сначала нужно отдохнуть, поесть и подумать.

Вера помогла мне забраться в постель и открыла балконную дверь, чтобы комнату обдувал утренний ветерок.

– Раздобудь какой-нибудь еды и поешь со мной, – сказала я. – В такое время лучше держаться вместе.

– Конечно, султанша.

Бедняжка, в ее голосе звучало искреннее горе. Так много всего случилось, чего она не понимала. Но помогла этому свершиться, принесла мне кровь Сиры – кровь завоевателя. Как бы она ужаснулась, если бы знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.